

Индекс 70891

ISSN 0132-1366 Славяноведение, 2015, № 2

ISSN 0132-1366
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ ·

журналу

50

лет

«НАУКА»

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2
2015
МАРТ •
АПРЕЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

Флоря Б.Н. (Москва). Россия и попытки установления «новой унии» в Речи Посполитой (1678–1681 годы).....	3
Кочегаров К.А. (Москва). Древнерусское прошлое в политических концепциях украинской элиты второй половины XVII века.....	19
Сазонова Л.И. (Москва). «Данный России воеводу и чудотворче предивный»: Сергей Радонежский в литературе московского барокко.....	42
Ефимова В.С. (Москва). К вопросу изучения калькирования в старославянском языке.....	53

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Лаптева Л.П. (Москва). И.В. Ягич (1838–1923) в оценках русских современников последней четверти XIX – начала XX века.....	66
Робинсон М.А. (Москва). Роль А.И. Соболевского в организации работы по составлению Картогеки словаря древнерусского языка.....	82
Петрухин В.Я. (Москва). Любор Нидерле. К 150-летию со дня рождения.....	94

СООБЩЕНИЯ

Лавренченко М.Л. (Москва). «Приятели» русских князей (по текстам летописей за XII век).....	96
Светлова О.В. (Москва). Книжная справа в XVII веке на Московском Печатном дворе: корректурные экземпляры и корректурные издания.....	109
Якушкина Е.И. (Москва). Семантика лексемы * <i>zěbyje</i> в славянских языках.....	118

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Таирова-Яковлева Т.Г. Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I	124
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2015 г. Б.Н. ФЛОРЯ

РОССИЯ И ПОПЫТКИ УСТАНОВЛЕНИЯ «НОВОЙ УНИИ» В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1678–1681 ГОДЫ)

В статье приведен новый архивный материал о том, как православные иерархи Правобережной Украины искали в России поддержки в своей борьбе против осуществления планов «новой унии», выдвинутых властями Речи Посполитой в конце 70-х годов XVII в. Показана и помощь иерархам со стороны левобережного гетманства.

The article explores new archival materials of how Orthodox hierarchs of the Right-Bank Ukraine were searching Russia's support for their struggle against the implementation of the plans of a «new union», formulated by the authorities of Rzeczpospolita in the late 1670s. By the same token, it is shown that the hierarchs were getting assistance from the Left-Bank Hetmanate.

Ключевые слова: Россия, Польша, Украина, церковь, православие, уния.

Как хорошо известно, положение православных в Речи Посполитой в 70-е годы XVII в. было довольно неблагоприятным. В марте 1676 г. русский резидент в Варшаве В.М. Тяпкин сообщал в Москву, что «церковь Божью велми гонят их (польские. – Б.Ф.) духовные и ненавидят зело», поэтому православные здесь собираются просить царя о защите [1. С. 10]. Вопрос о такой защите стал особенно актуальным, когда в политике властей Речи Посполитой обозначился поворот к осуществлению планов «новой унии». Первым шагом в этом направлении стал запрет сейма в 1676 г. на сношения православных духовных лиц с константинопольским патриархом под страхом смертной казни и конфискации имущества. Другим постановлением сейма братства – ставропигии – должны были подчиняться власти епископов, а вместо патриаршего апелляционной инстанцией для них становился королевский суд [2. С. 276–277].

Следующим шагом стало принятие сеймом 1677 г. конституции, по которой на сейм следующего 1678 г. должны были явиться все православные и униатские иерархи, настоятели монастырей и представители братств для рассмотрения их взаимных претензий [2. С. 278]. За этим, по форме достаточно неопределенным, решением стоял достаточно определенный план действий – на съезде (*colloquium amicabile*) униатского и православного духовенства ожидалось решение о принятии православными унии [3. С. 55]. Католическо-униатская сторона не скрывала планов, связанных с созывом съезда. О них ясно говорит послание униатского митрополита Киприана Жоховского одному из наиболее авторитетных православных иерархов – луцкому епископу князю Гедеону Четвертинскому: хотя между ним и епископом не было «пересылки», митрополит обратился к нему с призывом «преклонится ко всеобщему желанию» всего народа, который хочет объединиться и избавиться от пастыря, который «самого себя спасти не возможет» «для

турской неволи»¹, и подчиниться власти папы. Митрополит призывал епископа «на сейме нынешнем» последовать примеру одного из организаторов Брестской унии – Кирилла Терлецкого [4. Л. 70–73].

Был предпринят и другой важный шаг, адресованный уже не отдельному лицу, а всему православному обществу. Во Львове срочно перевели на польский язык и напечатали католическое Исповедание веры, одобренное папой Урбаном VIII. В этом исповедании говорилось о принятии учений о «филиокве» и чистилище и специально указывалось: «Почитаю тако ж и преемлю все иныя вселенские соборы властного папы римского [...] ноипаче Флоренский собор исповедую, что на нем постановлено есть». В другом месте того же текста отмечалось, что папа, «отец и учитель всех христиан» признал Флорентийский собор вселенским [4. Л. 63, 65].

Как сообщал в декабре 1678 г. гетман Иван Самойлович царю, экземпляры этого издания рассылались «к разсуждению и приуготовлению» православным духовным лицам, вызванным на съезд в Гродно [4. Л. 20].

Все эти события побудили православных иерархов Правобережья искать помощи в России. Уже Ф.И. Титов обратил внимание на комплекс документов фонда «Сношения России с Грецией» РГАДА, содержащих свидетельства об этом [5. Т. II. 1-я пол. С. 240–246]. К сожалению, публикация Титова осталась неизвестна польским исследователям.

10 декабря 1678 г. в Киев приехал игумен Преображенского монастыря в Люблине Иннокентий Монастырский, сообщивший, что его направили в Москву епископ перемышльский (и претендент на митрополичью кафедру) Антоний Винницкий и луцкий епископ Гедеон Четвертинский [4. Л. 1–2]. Положение Винницкого в православном обществе Речи Посполитой было достаточно сложным. После смерти в 1663 г. митрополита Дионисия Балабана состоялись выборы, на которых епископы и большая часть духовных лиц отдали предпочтение Антонию Винницкому, а другие участники выборов поддержали кандидатуру Иосифа (Нелюбовича Тукальского). Король Ян Казимир выдал грамоты на занятие митрополичьей кафедры обоим претендентам, и это привело к длительному конфликту в православном обществе Речи Посполитой, который не закончился, когда Иосиф Тукальский получил «благословение» константинопольского патриарха. Смерть Иосифа Тукальского не положила полностью конец конфликту, так как король Ян Собеский передал управление именными киевской митрополичьей кафедры львовскому епископу Иосифу Шумлянскому. Вместе с тем православные в Речи Посполитой в их значительной части готовы были видеть в Антонии Винницком своего законного митрополита [6. С. 201].

Так, о передаче владений митрополичьей кафедры Антонию Винницкому ходатайствовала в конце 1675 г. шляхта Русского воеводства [3. С. 179]. Положение Антония Винницкого укрепилось, когда 3 августа 1678 г. он получил от Яна Собеского привилей на митрополичью кафедру [3. С. 181]. Это дало ему возможность выступать, как законному главе православной церкви на территории Речи Посполитой. Так, он назначил слуцкого архимандрита Феофана Креховецкого своим наместником в Великом княжестве Литовском [7. С. 30].

Первоначально и киевское духовенство, и русские власти признавали законным митрополитом Иосифа Тукальского и поддерживали с ним сношения, но положение изменилось, когда Правобережное гетманство, где находился митрополит Иосиф, подчинилось власти султана.

В деле о приезде Антония Монастырского сохранилась приказная справка о контактах с Антонием Винницким в предшествующие годы.

Так, весной 1674 г. в Москве побывал «для объявления ведомостей» посланец митрополита Степан Сокальский, который просил о помощи, так как «от

¹ Перевод этого послания см. в [4. Ф. 52. 1679].

нападения и истеснения неверных турков» Антоний Винницкий и его окружение находятся «в великих недостатках». Митрополиту было послано соборей на 150 руб. и (по его просьбе) пролог на весь год [4. Л. 103–105]. В середине 1670-х годов Антоний Винницкий вступил в переписку с русским резидентом в Варшаве В.М. Тяпкиным, выясняя, признают ли его в Москве законным киевским митрополитом после смерти Иосифа Тукальского [8. С. 522–523]. В марте 1677 г. при содействии Тяпкина Москву посетил посол митрополита «нареченный перемышльский епископ» Афанасий Мукачевский «для милостыни», который снова повез митрополиту соборей на 150 руб. [4. Л. 106–109]. Как известно, митрополит назначал себе помощников для управления Перемышльской епархией. Таким помощником был Г. Хошовский, игумен монастыря в Лаврове, который умер в 1674 г. [9. С. 179, 197]. Очевидно, Афанасий Мукачевский был его преемником. Таким образом, в 1677 г. Москву посетил человек, занимавший видное место в окружении митрополита и пользовавшийся его доверием.

Епископ Гедеон Четвертинский на выборах поддерживал кандидатуру Антония Винницкого и в наступившем затем конфликте находился, очевидно, на его стороне. О каких-либо контактах с русскими властями в предшествующие годы ничего не известно. Среди привезенных в Москву Иннокентием Монастырским документов был текст Исповедания веры, данного Гедеоном Четвертинским при возведении на луцкую кафедру [4. Л. 77–82]. Очевидно, этот текст должен был убедить русские власти в православии епископа, что, как представляется, может служить доказательством отсутствия ранее у епископа Гедеона каких-либо связей с русскими властями.

О целях посольства Иннокентия Монастырского говорилось в письмах иерархов, адресованных киевскому воеводе кн. М.А. Голицыну. И Антоний Винницкий, и Гедеон Четвертинский писали об опасности, угрожавшей православной церкви (Антоний Винницкий писал о все затопляющем наводнении, Гедеон Четвертинский о «тьмах волков», которые «набегают» на православных «или пожерти или разгнати хотяще»), и о решении искать помощь у царя («не можем своею боронитися силою» – писал Гедеон Четвертинский). В письмах указывалось, что они обращаются к царю, как «единому на свете православному благочестивому монарху», единому после Бога «церкви воюющей предстателю». В письме Гедеона Четвертинского царю говорилось, что «един токмо по Бозе на земле царь православный, как едино на небе солнце» [4. Л. 6–9, 15].

О том, что иерархи ждали от царя, говорилось и в их письмах к М.А. Голицыну, и в их письмах к царю [4. Л. 10–16]. Иерархам было известно, что между Россией и Речью Посполитой идут переговоры о заключении союза против Османской империи и для участия в этих переговорах на сейм придут русские послы. Иерархи просили, чтобы эти послы выступили в защиту православной церкви. Гедеон Четвертинский выражал надежду, что, действуя так, царь сможет «русских людей» в Речи Посполитой «при вере православной чрез договоры на будущем сейме с королем польским сохранить».

Таким образом, в посланиях иерархов речь шла уже не только о «милостыни» или посылке книг², а о вмешательстве русской власти в религиозную жизнь Польско-Литовского государства. Этот шаг означал важные перемены в позиции той части православного духовенства, которая (в отличие от митрополита Иосифа Тукальского) была ранее лояльна по отношению к Речи Посполитой. Эти перемены отражали его реакцию на перемены в религиозной политике властей этого государства.

Письма Антония Винницкого датированы 12 октября (М.А. Голицыну) и 18 октября (царю), письма Гедеона Четвертинского соответственно 17 и 18 нояб-

² Антоний Винницкий просил помощи в связи с пожаром в соборной церкви Иоанна Крестителя, а Гедеон Четвертинский просил прислать ему 12 миней и пролог [4. 12, Л. 12, 16].

ря. Очевидно, что посольство готовилось первоначально в резиденции Антония Винницкого – Перемышле, а затем к нему присоединился Гедеон Четвертинский в Луцке. В деле имеется и перевод письма Антония Винницкого Тяпкину, к тому времени уже бывшему русскому резиденту в Польше, с просьбой содействовать успеху миссии Иннокентия Монастырского [4. Л. 74]. Все это позволяет сделать вывод, что инициатива организации такого посольства исходила от Антония Винницкого. Вместе с тем и Гедеон Четвертинский принял активное участие в подготовке посольства, передав посланцу копии ряда важных документов.

Характерно, что и в письмах иерархов, и в переданных ими документах никак не упоминается третий православный архиерей в Речи Посполитой – епископ Львовский Иосиф Шумлянский. Известно, что в марте 1677 г. во время заседаний сейма епископ в присутствии Киприана Жоховского и короля произнес католическое Исповедание веры [3. S. 47–48]. Хотя присяга была тайной, православные иерархи, возможно, об этом узнали. Во всяком случае, их посланец Иннокентий в «письме», поданном им в Посольский приказ, писал о Шумлянском, что «его совершенно до унии привели» [4. Л. 52–53].

Иннокентий Монастырский неслучайно направился в Москву через Киев. Иерархи рассчитывали, что его в этой миссии поддержат духовенство Левобережья и гетман, и расчеты эти оправдались.

И Антоний Винницкий, и Гедеон Четвертинский отправили письма гетману с просьбой поддержать их ходатайство перед царем³. Антоний Винницкий писал, что помочь может только царь, «яко единое солнце посреде всех звезд сияющее», Гедеон Четвертинский просил гетмана «честное учинить заступление кь его царскому величеству, моему милостивому государю». Если письмо Антония Винницкого носило достаточно трафаретный характер, то в письме епископа Гедеона читались похвалы победам гетмана над турками. По-видимому, в этом проявилось желание луцкого епископа установить контакты с левобережным гетманом.

Очевидно, после приезда в Киев Иннокентий Монастырский обратился с просьбой о поддержке и к черниговскому архиепископу Лазарю Барановичу, и к настоятелям киевских монастырей, и их ходатайства стали приходить на протяжении декабря к гетману в Батурин. Архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель в письме упоминал, что он «не одиножды» писал гетману «о гонениях и досаждениях православию в государстве Польском» [4. Л. 40], а Лазарь Баранович просил гетмана отправить царю и патриарху «заступные листы», в которых он поддерживал обращение архиереев [4. Л. 33–35]⁴. После получения всех этих ходатайств 27 декабря в Батурине гетман дал Иннокентию Монастырскому проезжую грамоту [4. Л. 50–51], рекомендательное письмо к думному дьяку Лариону Иванову [4. Л. 46–47] – главе Малороссийского и Посольского приказов, а также две грамоты гетмана, адресованные царю. В первой из них [4. Л. 17–23] гетман, поддерживая просьбу иерархов, подчеркивал, что он имеет достоверные сведения о планах осуществления «новой унии» на сейме в Гродно. В связи с этим гетман от имени Войска Запорожского просил «на сейм внести заступление чрез великих и полномочных послов» и добиться соглашения «о соблюдении в целости православнаго благочестия восточнаго во области его королевского величества». По содержанию от нее заметно отличалась вторая грамота [4. Л. 25–26]. Гетман просил, чтобы на предстоящих переговорах не упоминалось, «кто о гонении к вашему [...] величеству донесл и кто с тем был послан». Такие просьбы для практики русско-украинских отношений к этому времени являлись уже традиционными, и их выполнение мешало русским дипломатам добиться тех целей, к которым стремились страдавшие от гонений. Гетман даже принял участие в подготовке переговоров Иннокентия Монастырского с русскими властями,

³ Тексты писем см. [4. Л. 36–39].

⁴ В деле есть только текст его письма царю [4. Л. 29–32].

отправив с ним в Москву список того католического Исповедания веры, которое рассылали православным перед созывом сейма⁵.

Можно констатировать, что и на Левобережье приложили усилия к тому, чтобы добиться вмешательства русских властей в религиозную жизнь Речи Посполитой.

Иннокентий Монастырский приехал в Москву в самом начале 1679 г. 7 января 1679 г. он подал в Посольский приказ записку о гонениях на православных в Речи Посполитой [4. Л. 52–57]. Записка открывалась сообщением о запрете обращений к константинопольскому патриарху и апелляций в патриарший суд, который должен был заменить королевский суд. В том суде, – отмечал автор записки, – выигрывает те, кто проявил желание принять унию. Так, епископ Иосиф Шумлянский выиграл спор с Львовским братством «о церкви братцкой».

Далее в записке говорилось о насильственных захватах церквей и монастырей, а на тех, кто препятствует захватам, налагают большие судебные штрафы. Так, наложен был крупный денежный штраф на епископа, который противодействовал захвату Загоровского монастыря на Волыни. В записке было отмечено, что в Перемышльской епархии после незаконных захватов осталось менее 100 церквей. В 1678 г. хотели занять и сам соборный храм и митрополиту пришлось дать королю «14.000 денег, чтоб они не отнимали кафедры».

Говорилось в записке и о том, что католики и униаты берут под защиту духовных лиц, осужденных церковным судом, и побуждают их выступать с обвинениями против бывших судей. В качестве примера приводился судебный процесс осужденного церковным судом архидьякона Пимена, возбужденный им против митрополита Антония Винницкого, который продолжался десять лет и стоил митрополиту больших средств.

Говорилось в записке и о препятствиях к совершению богослужения, когда запрещается «со святыми тайнами въ яве к болным ходити, умерших невольню въ яве нести в церковь». С возмущением писал он и о том, что в Бресте Литовском «сега лета» люди, хоронившие умерших, подверглись нападению и были избиты, а тела покойников брошены на улице. Сообщал Иннокентий Монастырский и о нападениях «ксендзов» на монахов его собственного монастыря в Люблине. Записка заканчивалась сообщением о планах проведения новой унии на «нынешнем сейме».

В нарисованной Иннокентием Монастырским картине гонений для русских властей не было чего-либо нового. Из предшествующих обращений было достаточно хорошо известно и о препятствиях к совершению богослужения, и о захватах церковных учреждений и их имущества с помощью несправедливых судебных преследований. Записка Монастырского отличалась от них тем, что в ней назывались пострадавшие учреждения и люди. При этом, однако, не назывались виновники всех этих несправедливых поступков. Тем самым затруднялась возможность использования этой записки на будущих переговорах (особенно если учесть пожелания, высказанные гетманом).

Вместе с тем доставленные Иннокентием Монастырским материалы показывали реальность попытки осуществления «новой унии» и на выдвинутую в этой связи авторитетными православными иерархами просьбу нельзя было не реагировать.

К сожалению, в материалах дела не сохранилось каких-либо сведений о том, как обсуждалась сложившаяся ситуация. Приведен, однако, текст небольшой речи, которую Иннокентий Монастырский произнес «у нево, великого государя, вверху». Речь представляла собой краткий призыв о помощи [4. Л. 87–88]. Сам прием посланца царем говорит о значении, которое было придано его миссии. Решение было принято к 19 января 1679 г. Этим числом датированы грамоты,

⁵ О посылке Исповедания см. в его грамоте царю [4. Л. 20].

адресованные Антонию Винницкому и Гедeonу Четвертинскому [4. Л. 119–123]. В Москве соблюдали осторожность. В обеих грамотах говорилось, что ответ на просьбы их посланец сообщит устно.

Этот ответ изложил посланцу дьяк Ларион Иванов при передаче ему грамот. От имени царя дьяк предлагал православным духовным лицам, вызванным королем на сейм, чтобы они «на сейм ехали и о целости благочестивых церквей и монастырей стояли крепко» и с присланными царем на сейм послами «виделись» и обо всем, что нужно, «с ними, великими послы, говорили». Одновременно дьяк сообщил, что великим послам даны указания добиваться, чтобы православие «в государстве королевского величества сохранено было нерушимо и в конституции на нынешнем сейме написано о том имянно» [4. Л. 124–125].

Важное дополнение к сказанному вносит царская грамота Лазарю Барановичу. В ней указывалось, что соответствующие указания были даны великим послам еще до прихода ходатайств из Киева, а теперь к послам отправлен еще указ «с большим подкрепленьем» [4. Л. 128–129].

Обращение к посольским книгам сношений с Польшей показывает точность этих сообщений. Правда, первоначально обсуждение вопроса о положении православных в Речи Посполитой не вошло в круг вопросов, которые должно было обсуждать посольство во главе с боярином И.В. Бутурлиным, выехавшее на пограничный рубеж из Смоленска 14 декабря 1678 г. [10. Кн. 190. Л. 19]. Однако уже по получении первых тревожных известий (вероятно, от киевского воеводы) 26 декабря послам была отправлена грамота, предписывавшая им поднять перед сенаторами вопрос о том, что в Речи Посполитой «чинитца в вере утеснение и к вере римской и к унее принуждение», а это противоречит и 4-й статье только что заключенного в 1678 г. русско-польского договора, и традиционным нормам права, зафиксированным в конституциях, содержавших обязательства власти «подданным никакова утеснения в вере греческой не чинить». Послы должны были добиваться, чтобы в конституциях, принятых сеймом, было записано, чтобы православие в Речи Посполитой «сохранено было непорушимо». Заключительная часть документа показывает, с какими трудностями сталкивались дипломаты, которые должны были говорить о «гонениях» в Речи Посполитой, не приводя никаких конкретных примеров из-за позиции православных жителей этого государства, боявшихся репрессий. В ответ на возможные вопросы, кто совершал гонения и где, послам следовало в общей форме ссылаться на «подлинные ведомости от разных стран» [10. Кн. 189. Л. 495–497]⁶.

После приезда в Москву Иннокентия Монастырского 15 января 1679 г. послам была отправлена еще одна грамота. В грамоте снова повторялись указания «со всяким радетельным попечением» позаботиться о православных в Речи Посполитой. Вместе с тем с грамотой к послам были отправлены материалы, которые давали возможность обосновать утверждения о гонениях. Так, к ним был отправлен список напечатанного во Львове «Исповедания веры»; «чтоб людие греческого закона то творили, что в тех тетратех напечатано». Одновременно к ним были отправлены извлечения из записки Иннокентия Монастырского. Указания на конкретных лиц, пострадавших от гонений, были убраны, но остались важные положения о запрете сношений с константинопольским патриархатом, о принудительном вызове православных на сейм и т.д.⁷ Гонец Н. Краевский доставил послам грамоту и другие «письма» 31 января 1679 г. [10. Кн. 189. Л. 547об.]. Все эти детали показывают, что в Москве придавали явно серьезное значение выступлениям своих дипломатов.

⁶ Грамоту послы получили 16 января еще до приезда на место переговоров в Гродно [10. Кн. 190. Л. 47 об.].

⁷ Текст грамоты послам см. [10. Кн. 189. Л. 512–514]. Извлечения из записки Иннокентия Монастырского см. [10. Л. 516 и сл.]. См. также [1. С. 32].

Стоит отметить, каково было отношение в Москве к другим просьбам православных иерархов. Просьба Антония Винницкого о материальной помощи на это раз не была удовлетворена. А его посланец «на отпуске» получил соборей на 10 руб. [10. Кн. 189. Л. 110], в то время как Афанасий Мукачевский получил в 1677 г. жалованья на 60 руб. [10. Кн. 189. Л. 109]. Просьба епископа Гедеона о посылке к нему 12 миней с прологом также не была удовлетворена, но 18 января царь приказал послать ему «Минею общую в добром переплете» [10. Кн. 189. Л. 116].

Из материалов дела неясно, почему так осторожно отнеслись к просьбам иерархов, но создается впечатление, что в Москве лучше воспринимали Четвертинского, с которым ранее не было контактов, чем достаточно уже знакомого Антония Винницкого. В донесениях папских нунциев этого времени говорится об особо высоко авторитете епископа Гедеона среди православных, возможно, об этом узнали и в Москве [3. С. 66].

Можно высказать соображение о том, какие обстоятельства побуждали иерархов надеяться на успех вмешательства русских дипломатов.

К концу 70-х годов XVII в. в политике и короля Яна Собеского, и политической элиты Речи Посполитой в целом важное место заняли планы войны с Турцией, чтобы вернуть потерянные земли на Правобережной Украине. Осуществления этих планов рассчитывали добиться, заключив военно-политический союз с Россией. Проекты создания такого союза поддерживала и папская курия. Направленное в Москву в 1678 г. посольство во главе с князем М. Чарторыйским должно было вести переговоры о заключении такого союза [11. С. 151]. Достичь такой договоренности не удалось, но в тексте соглашения, заключенного в августе 1678 г., отмечалось, что послы, которые поедут в Речь Посполитую для ратификации этого соглашения королем, должны договориться о том, когда и где пройдут переговоры об условиях такого союза [11. С. 161]. Заключение соглашения побудило папскую курию к усилению своей активности [11. С. 165–166]. В таких условиях и власти Речи Посполитой, и курия были заинтересованы в том, чтобы не осложнять отношений с Россией. Так, возникали определенные противоречия между разными направлениями их политики.

Как установил уже Е.Е. Замысловский [1. С. 38], 13 февраля состоялась встреча послов и большой группы православных «духовных особ» во главе с митрополитом Антонием Винницким, епископом луцким Гедеоном Четвертинским и архимандритом Унева монастыря Варлаамом Шептицким. Варлаам Шептицкий, очевидно, возглавлял духовных лиц третьей православной иерархии – Львовской. Сам епархиальный архиерей – львовский епископ Иосиф Шумлянский, как узнали послы, перед их приездом в Гродно был отправлен королем «для договоров» к Юрию Хмельницкому – османскому ставленнику на занятых османами землях Правобережья. Как отметили послы в отписке, отосланной царю 29 января, Шумлянский «хотел податца под унею, и королевское величество для того дела от того ему попретил, чтоб тем Юраска и казаков не отогнать» [10. Кн. 189. Л. 541об.–542]. Появление этого сообщения, как представляется, было результатом контактов в Гродно с православными духовными лицами, когда и была достигнута договоренность о действиях в соответствии с намеченным в Москве планом.

Встречавшихся с посланниками духовных лиц сопровождал королевский пристав, и сами они заявили, что пришли на встречу «с ведома короля». Конечно, такая встреча не соответствовала интересам Яна Собеского, но он не решился ей препятствовать. Такой поступок мог осложнить отношения с Россией и стать доказательством «гонений» на православных.

От имени собравшихся митрополит и епископ заявили, что король хочет провести между православными и униатами «диспутацию», чтобы узнать, какая вера лучше. В связи с этим они находятся в трудном положении, так как, в частности, «книг, де, богословских к той диспутации пристойных у них за скудостью мало».

Поэтому они просят царя прислать на эту «диспутацию» «для вспоможения благочестивой церкви и на их защищение» архиепископа черниговского Лазаря Барановича и архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия Гизеля «и иных ученых, подобных им людей». Одновременно они высказали пожелание, чтобы место для проведения «диспутации» было назначено «по воли обоих государей» [10. Кн. 190. Л. 190–191; 1. С. 38–39].

Таким образом, православные духовные лица, прибывшие на сейм в Гродно, попытались придать задуманной встрече характер такого мероприятия, в котором приняли бы участие представители духовенства всей Киевской митрополии – и той ее части, которая оставалась в составе Речи Посполитой, и той, которая вошла теперь в состав Русского государства. Ясно, что осуществление таких предложений создало бы серьезные затруднения для организаторов «новой унии», а само их выдвигание говорит об отношении православных участников событий к таким планам. Послы заявили, что по поручению, полученному ими от царя, они будут говорить с сенаторами и о «церкве Божии» и о «диспутации» [10. Кн. 190. Л. 191об.–192].

На этой встрече контакты между православными духовными и посланниками не прервались. В своем статейном списке посланники отметили, что духовные говорили так о «диспутации» в присутствии королевского пристава, а позднее от них «ведомость учинилась», что король «для того ту диспутацию и заводит, чтоб по той диспутации всех благочестивые веры людей привести под унею» [10. Кн. 190. Л. 192–192об.; 1. С. 39].

Духовные лица также снабжали послов разнообразной информацией. Так, «от доброхотных благочестивые веры людей» удалось узнать, «что на Переяславской стороне в казаках по замыслам из Польши чинитца возмущение» [10. Кн. 189. Л. 568]. От них же, вероятно, исходила информация о неудаче миссии Шумлянского: ему «во всем краю мало веры дают, ведая, что он присягал и обещал быть униятом» [10. Кн. 190. Л. 327]. В статейном списке послы отметили, что «меж тех доброхотных людей великому государю его царскому величеству много добротень и услугу чинил Антонии Винницкой митрополит православной» [10. Кн. 190. Л. 327об.].

К выполнению данного им поручения – «говорить о церкви Божии» послы приступили на встрече с сенаторами 25 февраля 1679 г. Послы указывали, что право православных в Речи Посполитой свободно исповедовать свою веру зафиксировано во многих конституциях и в 4-ой статье перемирного договора 1678 г. Тем временем в Москву приходят сообщения о «гонениях» на православных, что здесь расценивают, как «перемирному посольскому постановлению наружное и очевидное нарушение». Послы требовали, чтобы такие действия были прекращены, а право православных исповедовать свою религию «без всякого разоренья и утеснения» было подтверждено принятой на сейме специальной конституцией. В этой связи посланники указывали на положение православных в Венеции, которые и свободно исповедывают свою веру, и печатают свои книги [10. Кн. 190. Л. 224об.–228]. Они также передали сенаторам предложения православных архиереев и запрашивали их, «каково его королевского величества о том изволение будет» [10. Кн. 190. Л. 228об.–229].

Ответ на эти заявления с польско-литовской стороны последовал на встрече, состоявшейся 2 марта. На этой встрече сенаторы заявили, что 4-я статья договора 1678 г. имеет в виду уступленные Речи Посполитой пограничные города Невель, Себеж и Велиж, а вовсе не всех православных в Речи Посполитой. Это вызвало резкий протест посланников «и были о том с обеих сторон многие споры». Сенаторы также заявили, что никакой новой конституции о правах православных принято не будет. Однако предложение об участии в «диспутации» православных с Левобережья не было отклонено и было заявлено, что о времени и месте ее проведения «оба великие государя меж себя учинят обсылку» [10. Кн. 190.

Л. 229об.–231]. 4 марта послы передали сенаторам свои письменные заявления, а 15 марта уже после официального отпуска послов они получили письменный ответ сенаторов, где говорилось, что никаких «гонений» на православных в Речи Посполитой нет, а сами они «защитения иного кроме его королевского величества искать не могут и не должны» [10. Кн. 190. Л. 254об., 299об.–300об.; 1. С. 38].

Таким образом, сложилось своеобразное положение. Властям Речи Посполитой удалось добиться приезда православных духовных лиц на сейм, где планировалась их встреча с униатским духовенством. Выявилось, однако, что эти люди не проявляют желания заключить «новую унию». Очевидно, чтобы заставить их делать то, что нужно, потребовались бы новые меры давления. А присутствие в Гродно русских послов затрудняло такую возможность. Дело было не только в том, что король и курия не были заинтересованы в осложнении отношений с Россией. В статье 4-ой русско-польского договора 1678 г. содержалось обязательство польской стороны не принуждать «людей греческой веры» в Речи Посполитой принимать «веру римскую или унию». Открытые меры давления на православных духовных лиц могли быть восприняты как нарушение этого положения договора. Такие шаги особенно опасно было предпринимать, когда был налицо прямой контакт между православным духовенством и русскими послами. К тому же возникла нежелательная перспектива изменения характера задуманного съезда и соответствующие предложения власти Речи Посполитой не решились категорически отклонить.

Хотя на Гродненском сейме осуществить задуманный план не удалось, униатский епископат и тайно принявший унию Иосиф Шумлянский добивались у короля организации нового съезда. Во время консультаций Яна III с Шумлянским было установлено место созыва такого съезда – Люблин – и время – 1 октября 1679 г. [3. С. 68–70], позднее установился другой срок – 1 января 1680 г. В октябре началась рассылка королевских универсалов в православные братства и монастыри [3. С. 71–72]⁸. В них содержалось сообщение о созыве королем в Люблине «amicabile colloqium», чтобы положить конец всем расхождениям между православными и униатами «tam in spiritualibus, quam in temporalibus». В универсале также содержалась угроза, что те, кто не последует вызову, могут утратить пожалованные королем земли [7. С. 31].

Помимо универсалов, адресованных обителям и братствам, король отправлял и свои послания к отдельным лицам. Одним из них стал епископ луцкий Гедеон Четвертинский. В королевском послании от 29 октября 1679 г. выражалась надежда на то, чтобы православные и униаты в присутствии назначенных королем комиссаров «соединение уставили и уговорили» [12. № 154. Ч. 1. Л. 1–2]. Еще раньше, 18 октября (ст.ст.) к епископу обратился с посланием один из наиболее авторитетных деятелей униатской церкви холмский епископ Яков Суша. Участник совещаний с королем и Шумлянским в резиденции Яна Собеского – Яворове – сообщал епископу Гедеону, как они договорились о месте созыва съезда и о назначении королевскими комиссарами сенаторов, а в их числе «бискупов» киевского и смоленского. «Изволь, – писал Яков Суша, – труд мой благоприятно принять [...] чтоб то святое дело [...] восприяло совершенство»⁹.

Как видно из донесений польского нунция, привлечению Гедеона Четвертинского в ряды сторонников унии придавалось важное значение. Определенные расчеты возлагались на Якова Сушу, у которого были хорошие отношения с Четвертинским [3. С. 66], и Суша, действительно, прилагал усилия.

Фигура Гедеона Четвертинского приобретала особое значение и потому, что сторонники унии на это раз не ожидали сопротивления со стороны Антония

⁸ Как отмечено в приписке к письму униатского холмского епископа Якова Суши, «много подписал королевское величество универсалов 22, а листов – 40» [12. № 154. Ч. 1. Л. 7].

⁹ Перевод послания см. [12. № 154. Ч. 1. Л. 3–6].

Винницкого. Престарелый иерарх стал хлопотать о назначении коадьютором его племянника Иннокентия, который дал королю тайное обязательство принять унию. Его элекция в сан перемышльского епископа состоялась в начале октября 1679 г. [9. S. 210–213]. Определенным элементом задуманной кампании стало обращение к луцкому епископу Иосифа Шумлянского 3 ноября 1679 г. Львовский епископ, сообщая, что в Люблине должен состояться «дружественный разговор благочестивых и униятов», предлагал просить митрополита Антония собрать их для выработки общей позиции во Львове «на праздник святого Николы» или в Жолкве [12. № 154. Ч. 1. Л. 16–18]. Очевидно, Иосиф Шумлянский хотел таким способом получить сведения о планах православных противников унии.

У Гедеона Четвертинского, как представляется, не было сомнений в подлинной ориентации Шумлянского. А в приписке к одному из его писем этого времени рассказывалось, что из Рима уже восемь лет назад было приказано давать на нужды «оскудевшей» Львовской епархии 200 червонных золотых «всякой год», но митрополит не выполняет этого распоряжения, заявляя, что выплатит деньги, когда «отец Шумлянский явно в костеле присягнет на унию» [12. № 154. Ч. 1. Л. 29–30]. Надо полагать, что на предложение Шумлянского луцкий епископ не реагировал.

В начале декабря 1679 г. епископ Гедеон принял решение обратиться за помощью на Левобережье. Однако еще до этого там стали проявлять беспокойство, наблюдая за происходящим по другую сторону границы. Уже 30 ноября 1679 г., получив в свое распоряжение текст королевского универсала о съезде в Люблине, архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель отправил его в Москву. В сопроводительном письме он просил царя защитить православных в Речи Посполитой [12. № 154. Ч. 1. Л. 27; Ч. II. Л. 196–200]. На обороте помещенной в деле копии читается резолюция, что 15 декабря об этом было доложено царю, и записано распоряжение «написать в роспись впредь бы было ведомо и выговорить на съезде польским послом» [12. № 154. Ч. II. Л. 196об.].

На это раз на Левобережье не было отправлено специальное посольство. С «письмами» Гедеон Четвертинский отправил туда своего «слугу». Из содержания этих «писем» становится ясно, почему на этот раз в подготовке данного важного шага не принял участие Антоний Винницкий. На Гродненском сейме между двумя иерархами произошел конфликт. В условиях постоянной угрозы осуществления «новой унии» православная церковь была в уязвимом положении в связи с отсутствием у нее одного бесспорного руководителя. На это положение претендовал Антоний Винницкий, именуя себя киевским митрополитом и экзархом константинопольского патриарха, но в действительности не имел «благословения» последнего. В условиях, когда решением сейма православным в Речи Посполитой запрещались контакты с константинопольским патриархом, такое положение представлялось епископу Гедеону не без оснований опасным. Если на переговорах с униатами выдвинуть Винницкого как признанного главу церкви («дабы без совершенного митрополита не сказали нам, что не имеем его»), то это могло создать опасность на будущее, так как после его смерти как бы не сказали, «имели есте того митрополита и экзарха без саккоса от патриарха вашего, то уж и другой митрополит не поедет туды» и наступит желанный для властей Речи Посполитой разрыв церковных связей с Константинополем. Поэтому на Гродненском сейме он предлагал Антонию Винницкому просить саккос у патриарха в Константинополе, но владыка отказался это сделать («не буду толики злата за него давати и здесь сыщу себе») и это привело к тому, что иерархи оказались «в недружбе»¹⁰.

«Слуга» епископа Гедеона повез с собой письма, адресованные Иннокентию Гизелю, Лазарю Барановичу и «архимандриту черниговскому» – Иоанникию Галятовскому¹¹. Последние два письма датированы 6 декабря 1679 г. Из письма

¹⁰ См. письмо епископа Гедеона Лазарю Барановичу [12. № 154. Ч. 1. Л. 21–22].

¹¹ Тексты писем см. [12. № 154. Ч. 1. Л. 20–24, 30–31, 33–34].

И. Гизелю сохранились только выписки и дата отсутствует, но «слуга» Четвертинского приехал именно к Иннокентию Гизелю, который и отправил его к Лазарю Барановичу [12. № 154. Ч. 1. Л. 12–13].

Обращает на себя внимание письмо к «архимандриту черниговскому». В письме говорится, что Гедеон посылает адресату книгу «под титулою “Согласие” противу нас выданую» и надеется, что Иоанникий напишет на нее ответ [12. № 154. Ч. 1. Л. 30–31]. Имеется в виду изданная во Львове в 1678 г. на средства Иосифа Шумлянского книга «Zgoda święta Cerkwie ś. Wschodniej prawosławnej z Kościołem katolickim apostolskim Rzymskim»¹². Это письмо проливает дополнительный свет на отношение епископа к львовскому архиерею и служит явным доказательством существования к этому времени достаточно прочных связей между епископом луцким и православным духовенством Левобережья.

Одна из тем посланий епископа Гедеона Иннокентию Гизелю и Лазарю Барановичу была просьба дать «совет», как строить отношения с Антонием Винницким. К этой просьбе Лазарь Баранович отнесся серьезно и по его просьбе гетман в Киеве провел расследование, результаты которого оказались неблагоприятными для претендента на митрополичий стол. Расследование показало, что Антоний Винницкий не получил «саккос» от патриарха, а присвоил себе саккос митрополита Дионисия Балабана и, «надеяв на себя, приказал имя отца Балабана с него выскресть, а на том месте свое написать». В гетманской канцелярии обнаружилось послания патриарха Мефодия, «в которых грозное написано отцу Винницкому запрещение, дабы он митрополитом киевским наречатися не дерзал и чтоб митрополичьи одежды, что он побрав, возвратил». Сообщая об этом архиепископу, гетман предлагал ему найти «способ, как лутче с отцом Винницким подобало поступить» [12. № 154. Ч. 1. Л. 47–48]¹³. Обсуждение этой темы превалось, когда стало известно о смерти Антония Винницкого в ноябре 1679 г. На первый план выдвинулась другая более важная и актуальная тема посланий Гедеона – о мерах борьбы с опасностью «новой унии».

Сообщая о приезде «слуги» епископа Гедеона и его просьбах Иннокентий Гизель предлагал Лазарю Барановичу обратиться с «листовным ходатайством» к королю или «хотя бы к комиссаром, которые к тому делу из сенату назначены» [12. № 154. Ч. 1. Л. 12–14]¹⁴. Архиепископ черниговский избрал, однако, другое решение. 14 декабря он обратился с посланием к гетману И. Самойловичу. Сообщая о том, как православная церковь «пребывает в гонении», он напоминал, что на Гродненском сейме униаты «не могли вымышленным предприятием своим довольство учинити», так как царь «о православии [...] вступитися изволил» [12. № 154. Ч. 1. Л. 8–10]. Из текста вытекало, хотя архиепископ прямо об этом не писал, что следует просить царя о новом вмешательстве. К гетману обратился епископ Гедеон, выражая надежду, что тот захочет «общим советом и сь их милости властми советовати о целости церкви православной» [12. № 154. Ч. 1. Л. 25–26].

21 декабря 1679 г. гетман написал Лазарю Барановичу, что будет просить царя «тех насильств против церкви и людеи правоверных начатие предприятия были укорочены» [12. № 154. Ч. 1. Л. 39–40]. Одновременно Лазарю Барановичу было отправлено письмо гетмана епископу луцкому. К сожалению, сохранилась лишь начальная часть этого текста, где он призывал Гедеона Четвертинского «в тех трудных делех подвизатися, пребывая всем православным к тому делу предводителем» [12. № 154. Ч. 1. Л. 45–46].

Послание гетмана Ивана Самойловича царю было доставлено в Москву 1 января 1680 г. Вместе с этим посланием в Москву были отправлены копии документов, присланных Гедеоном, и копии переписки гетмана с Барановичем и Гизелем.

¹² Это пожелание Иоанникий Галятовский выполнил в 1683 г.

¹³ Фрагмент письма без начала и конца.

¹⁴ Письмо Иннокентия Гизеля Лазарю Барановичу от 10 декабря.

Обрисовав планы поляков, которые хотят «все православие в своем государстве Польском искоренити и с костелом римским оное соединити», гетман просил царя «учинить х королевскому величеству заступление» [12. № 154. Ч. II. Л. 276–278]¹⁵. 3 января датирована запись: «Великий государь указал и бояре приговорили [...] о гонении на благочестие, когда будут великого государя послы, и о том будет говорено» [12. № 154. Ч. II. Л. 295]. Соответствующие указания получили новые послы, отправленные в Речь Посполитую, окольников И.А. Прончищев и дьяк Е. Украинцев.

Наказ содержал такие же инструкции, как и наказ посольству И.В. Бутурлина с тем дополнением, что послам был вручен перевод королевского универсала о съезде в Люблине. Требование явиться на съезд под угрозой утраты владений означало «явное гонение и утеснение» по отношению к православным [10. Кн. 195. Л. 207об.–212]. В наказе одновременно предписывалось «достать как мочно всякими мерами» «печатные книги на укоризну греческого закона» [10. Кн. 195. Л. 238об.].

К тому времени, когда русские посланники прибыли в начале марта 1679 г. в пограничную Оршу, съезд в Люблине уже был созван и закончился. О нем рассказал посланникам наместник Кутейна монастыря Досифей. Он, несомненно, был достаточно осведомленным лицом, так как в съезде участвовал игумен монастыря Гедеон. Съезд был важным событием, так как, по словам Досифея, в нем участвовали не только духовные, но и «мирские люди, шляхта и мешчане». На основании рассказа Досифея посланники не могли составить ясного представления о том, что происходило на съезде. По его словам, имели место «разговоры о сровнании соборника двенадцати месяцев с римским календарем и о иных церковных артикулах», но в результате имевших место споров «римляне и униаты со стыдом отошли и обиды по своему злему намерению благочестивой вере никакой не учинили».

Вместе с тем для посланников представляла несомненный интерес заключительная часть сообщения Досифея. По его словам, король прервал работу съезда и «сказал духовным благочестивым и мирским людем, что, хотя ныне те разговоры доброго совершения не восприяли, однако же довершит он то дело и к доброму концу приведет на сейме»¹⁶. Эти утверждения Досифея соответствовали действительности. Столкнувшись с сопротивлением и духовных лиц – участников «коллоквиума» и волынской православной шляхты, добивавшейся у короля возобновления контактов с Константинополем и участия представителей восточных патриархов в переговорах об унии, король объявил о переносе собрания на 24 июня [3. S. 71–73].

Всех этих обстоятельств посланники не знали, но сообщения показывали, что данное посланникам поручение остается актуальным. К исполнению предписаний наказа посланники приступили на встрече с сенаторами 25 мая. Первое их заявление во многом повторяло заявления И.В. Бутурлина и его товарищей. Они указывали на конституции о правах православных и договор 1678 г. и о том, что следовало бы эти нормы соблюдать и не принуждать православных к принятию унии. Когда сенаторы заявили, что православным в Речи Посполитой «никакой препоны не чинится», посланники сослались на королевский универсал, заявив, что «не для чево инова в Люблин приывать было указано», но чтобы «православных в римскую веру или в унею обратить» [10. Кн. 196. Л. 290об.–293] (см. также [1. С. 69–70]).

И то обстоятельство, что это было уже второе за краткое время выступление русских дипломатов в защиту православных в Речи Посполитой, и проявленное ими упорство, вызвало раздражение сенаторов. Как отметили посланники, сена-

¹⁵ Послание гетмана от 25 декабря 1679 г.

¹⁶ Посланники немедленно сообщили об этом в Москву [10. Кн. 195. Л. 320об.–321]. См. также [1. С. 54–55] (по тексту статейного списка).

торы отвечали «шумко и сердитуя». Как и в 1678 г., сенаторы утверждали, что договор 1678 г. относится лишь к Невелю, Велижу и Себежу и это установление Речь Посполитая выполняет. Договор этот не дает русским представителям никаких правовых оснований для вмешательства в религиозную жизнь Речи Посполитой. Королю и Речи Посполитой «то zelo досадительно», что царь «за подданных его королевского величества русской веры [...] вступается». Этим королю и Речи Посполитой «чинится великое безчестие» [10. Кн. 196. Л. 293об.–294; 1. С. 70]. Нельзя отказать этому ходу рассуждений в определенной убедительности и последовательности, но эта убедительность утратит силу, если вспомнить хлопоты властей Речи Посполитой о положении смоленских католиков.

В последующей части своей речи сенаторы доказывали, что для выступлений посланников нет никаких оснований. Никаких преследований православных в Речи Посполитой нет: «Неволи им в государстве королевского величества нет и впредь не будет». Съезд в Люблине собрался потому, что «требовали того съезду сами греческой веры духовные люди». Сенаторы подчеркивали, что сам король заботится о том, чтобы никого не принуждали к перемене веры. Заботится об этом и папский нунций, который «крепко того постерегает, чтобы неволи никому к принуждению в веру римскую не было» [10. Кн. 196. Л. 294об.–295; 1. С. 70]. Зная как активно и король, и нунций занимались подготовкой и осуществлением планов «новой унии», можно по достоинству оценить справедливость этих утверждений. Их появление не было случайностью. И король, и большая часть политической элиты Речи Посполитой проявляли заинтересованность в заключении союза с Россией против Османской империи. В августе 1680 г. для продолжения переговоров о союзе в Москву было отправлено очередное посольство во главе с К. Томицким [13. С. 302–303]. Поддерживал планы заключения такого союза и папский нунций. 21 мая он встречался с Е. Украинцевым, доказывая ему необходимость заключения союза [1. С. 68]. В этих условиях необходимо было избежать каких-либо осложнений с Россией, если король и нунций хотели добиться поставленной цели. Отсюда такие заявления сенаторов.

Вместе с тем, стремясь лишить русских представителей юридических оснований для вмешательства, сенаторы выступили с беспрецедентным для практики русско-польских соглашений утверждением, что договор 1678 г. послы Речи Посполитой заключили по своей инициативе, король «того не подтвердил и Речь Посполитая не принела» [10. Кн. 196. Л. 25об.; 1. С. 71].

Это утверждение вызвало резкий протест послов, заявивших, что при подтверждении текста договора в Гродно в 1679 г. ни о чем подобном не говорилось [10. Кн. 196. Л. 296]. Посланники просили показать им «прошения» православных о созыве съезда в Люблине, и сенаторам ничего не оставалось, как заявить, что «до тех писем дела им, послом, нет» [10. Кн. 196. Л. 297–298]. Посланники настойчиво утверждали, что их понимание договора 1678 г. является правильным и в соответствии с этим соглашением «вступаетца великий государь [...] за веру греческую» и «впредь по тому договору вступатися будет» [10. Кн. 196. Л. 297]. «И были о том у послов с сенатори многие разговоры и споры» [10. Кн. 196. Л. 298].

Этот эпизод переговоров привлек к себе внимание. В донесении от 12 июня 1680 г. нунций информировал Ватикан, что в России стало известно о планах, которые связывались со съездом в Люблине [3. С. 74]. Продолжение попыток введения «новой унии» явно угрожало нежелательным осложнением отношений с Россией. Представляется убедительным предположение польского исследователя М. Бендзы [3. С. 74], что именно благодаря выступлению русских дипломатов «amicabile colloquium» не возобновил свою работу, как первоначально предполагалось. Но следует отметить, что само это выступление было ответом на обращение фактического духовного главы православных в Речи Посполитой Гедеона Четвертинского.

Отказ от созыва съезда в июне 1680 г. не означал, разумеется, отказа от планов осуществления «новой унии». Уже в конце 1680 г. начались переговоры на эту тему с Иосифом Шумлянским и новым перемышльским епископом Иннокентием Винницким. В марте 1681 г. во время работы сейма в Варшаве был подготовлен ряд важных документов. При совместном участии Иосифа Шумлянского и униатского митрополита Киприана Жоховского был подготовлен проект, который определял бы положение новой объединенной униатской церкви в Речи Посполитой: «*Modi concordia ecelesiarum, id est ecclesia orientalis cum ecelesia occidentali*»¹⁷. Рассмотрение выдвинутых условий было передано королем специальной комиссии во главе с киевским католическим епископом Я. Витвицким и киевским воеводой А. Потоцким. 18 марта 1681 г. датируются рекомендации комиссаров, какие условия будут предоставлены духовенству и другим «русским людям», если они примут унию (см. [3. С. 84–88], публикацию см. в [7. С. 44–47]).

26 марта 1681 г. епископы Иосиф Шумлянский и Иннокентий Винницкий в королевской капелле Варшавского замка зачитали католическое Исповедание веры по формуле, установленной папой Урбаном VIII, а 27 марта они обратились к папе с посланием, в котором сообщали о своем присоединении к католической церкви и подчинении власти папы [3. С. 93–94] (публикацию см. в [14. С. 677–678]).

Хотя переговоры велись и решения принимались тайно, к маю 1681 г. ряд этих документов оказался в распоряжении Гедеона Четвертинского. Среди документов, которые он, как увидим далее, отправил к гетману Ивану Самойловичу, были и «*Warunki zgody*» [12. № 92. Ч. 2. Л. 439–442], и акт королевских комиссаров от 18 марта 1681 г. [12. № 92. Ч. 2. Л. 446–452], и послание львовского и перемышльского епископов папе от 27 марта 1681 г. [12. № 92. Ч. 2. Л. 453–455].

Сохранившиеся материалы показывают, какова была первоначальная реакция православного общества на Волыни на их появление и на события, одновременно происходившие 14 мая в Луцке, где «по наговору езуицкому три церкви сильным нашествием и окровавленьем священников осквернили» [12. № 92. Ч. 2. Л. 435]. Это событие, очевидно, послужило непосредственным толчком для обращения Гедеона Четвертинского к Иннокентию Гизелю. Пересылая Гизелю тексты упомянутых выше документов, епископ луцкий писал, что из присланных «доводов» Гизель сам убедится, в каком тяжелом положении находятся в Речи Посполитой православные. В отличие от более ранних обращений епископ не просил о помощи, но хотел бы получить приют в Киево-Печерском монастыре. Говорилось в письме и о том, что он хотел бы вывезти с собой ценности, которые он собирал в течение 19 лет «для украшения церквей Божиих» [12. № 92. Ч. 2. Л. 430–433]. Письмо епископа Гедеона переслал Гизелю Дмитрий Жабокрицкий – не последняя фигура в кругу волынской православной шляхты, которая, как известно, в 90-е годы XVII в. пыталась возвести его на луцкую кафедру [5. Т. I. С. 174 и сл.]. В письме Д. Жабокрицкий также просил дать приют ему вместе с семьей [12. № 92. Ч. 2. Л. 436–437]. Все это отражает первоначальную реакцию на происходящее в той среде, которая совсем недавно решительно выступала против съезда в Люблине.

Принимать самостоятельно такие решения Гизель не мог и 18 мая переслал полученные письма гетману. «Сосед горит, – писал он, – надобно бояться пожару того» [12. № 92. Ч. 2. Л. 484–485].

Гетман воспользовался приездом царского посланца – стольника А. Карандеева, сообщавшего о заключении Бахчисарайского мира, чтобы отправить с ним в Москву полученные материалы и большое послание с характеристикой сложившейся в Польско-Литовском государстве ситуации¹⁸. Здесь повсеместно заставляют принять унию «одних наговорами и чинов обещанием, иных грозою

¹⁷ Разбор документа см. [3. С. 81–83], его публикацию см. в [7. С. 41–42].

¹⁸ См. послание гетмана от 5 июня 1681 г. [12. № 32. Ч. 2. Л. 420–422].

и утеснением», епископы львовский и перемышльский и их «пособственники» «с римским костелом соединились», а епископ луцкий, который стоит «столпом недвижимым», «об изгнании своем мыслит». В результате «искорениться со всех стран полских веры нашей благочестию».

При этом гетман в отличие от более ранних обращений не просил московские власти о вмешательстве. Он только отметил лживость постоянных заявлений официальных представителей Речи Посполитой об отсутствии в их государстве каких-либо гонений православных. Гетман сообщал, что он обещал луцкому епископу убежище в Печерском монастыре, но за ним могут последовать многие другие, «знатная шляхта», и он просил у царя указа, как с ними поступить [12. № 92. Ч. 2. Л. 423–424].

В деле сохранился листок с записью о том, что 14 июня дума «слушала» «гетманских писем», присланных с А. Карандеевым [12. № 92. Ч. 2. Л. 323]. Приговор думы не сохранился, но в известной мере о нем можно судить по царской грамоте гетману от 30 июня 1681 г. В грамоте одобрялось решение гетмана дать приют Гедеону Четвертинскому в Печерском монастыре. Следует дать приют в гетманстве и другим людям («быть поволить, где пристойно»), если они «истинно пришли от гонения» [12. № 92. Ч. 2. Л. 281–282].

Однако есть основания полагать, что решение думы этим не ограничилось. На одном из листов дела сохранился фрагмент записи: «А что к великому государю писал гетман о гонении на веру [...] и о том выписать из договоров и объявить о том святейшему патриарху» [12. № 92. Ч. 2. Л. 488]. В деле сохранилась составленная, очевидно во исполнения этого решения выписка из русско-польских договоров, начиная с Андрусовского, тех статей, которые содержали обещания, что православные в Речи Посполитой смогут беспрепятственно исповедывать свою веру [12. № 92. Ч. 2. Л. 326–329]. В думе, очевидно, было также принято решение о консультациях с патриархом Иоакимом, но, к сожалению, ответа патриарха в деле нет.

Как представляется, переданные в Москву документы не могли служить основанием для вмешательства. В них говорилось о планах и расчетах, но не о каких-либо конкретных преследованиях. Иное дело, если бы за ними последовали новые попытки форсированного насаждения «новой унии». Плохие ожидания, однако, не исполнились, не в последнюю очередь потому, что к концу лета 1681 г. в Речи Посполитой на место первоначального отчаяния пришла решимость сопротивляться. Об этом говорят хорошо известные исследователям решения совещания в Новом Дворе, принятые 18 августа 1681 г. при участии монастырей и братьев Великого княжества Литовского и представителей епископа Гедеона (о совещании см. [3. С. 90–92], публикацию решений см. в [7. С. 53–56]). Были достигнуты договоренности о взаимодействии, в том числе и на соборе о соединении, если дойдет дело до его созыва.

Как представляется, это сыграло свою роль в том, что собор, созыва которого опасались православные, так и не был созван в 1682 г. Среди материалов, присланных Гизелю епископом Гедеоном, были так называемые «Разсуждения разные», содержавшие советы, как добиваться утверждения унии. «Разсуждения» начинались с утверждения, что принятые решения следует хранить в тайне – «бо же, не дай того, дабы шляхта, братства и посполитый народ по городом и по городкам бунтов на своих пастырей не учинили» [12. № 92. Ч. 2. Л. 456]. К таким заключениям приводило настойчивое сопротивление православных попыткам форсированного осуществления «новой унии». Правящие круги Речи Посполитой в начале 80-х годов XVII в. все более решительно становившиеся на путь войны с Османской империей в подобных осложнениях никак не были заинтересованы. К тому же Ян Собеский рассчитывал использовать в такой войне казацкое войско. Кроме того, несмотря на заключение Бахчисарайского мира между Россией и Османской империей правящие круги Речи Посполитой продолжали искать союза с

Россией, правильно понимая, что иначе не удастся добиться значимых успехов на территории Восточной Европы.

Между тем уже двукратные выступления русских дипломатов говорили о том, что проведение такой линии может вызвать осложнения в отношениях с Россией. Учетом всех этих факторов следует объяснять отказ в начале 80-х годов XVII в. от форсированного осуществления проектов «новой унии» и переход к политике ее постепенной подготовки с помощью тайно принявших унию епископов.

Приведенные свидетельства о событиях 1679–1681 гг. показывают, что к этому времени на восточнославянских землях Речи Посполитой во многом повторилась ситуация 20-х годов XVII в., когда в условиях преследований и давления слои населения ранее лояльные по отношению к Речи Посполитой (духовенство, православная шляхта) начинают искать поддержки, помощи и защиты в России.

Свидетельства эти говорят о достаточно налаженных связях между Правобережьем и Левобережьем, о стремлении выступать в защиту православной веры в Речи Посполитой не только главных «духовных особ», но и светского руководства гетманства. Эти свидетельства показывают, что пристальный интерес Ивана Самойловича к церковным делам начался задолго до бегства епископа Гедеона на Левобережье, и связан был не только с церковной ситуацией на территории самого гетманства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1888.
2. *Беднов В.А.* Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina legum). Минск, 2002.
3. *Bendza M.* Tendencje unijne względem cerkwi prawosławnej w Rzeczypospolitej w latach 1674–1686. Warszawa, 1987.
4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 52 (Сношения России с Грецией) 1679 г. № 1.
5. *Титов Ф.И.* Русская православная церковь в Польско-Литовском государстве в XVII–XVIII вв. (1654–1795 гг.). Киев, 1905. Т. I; Т. II. 1-я пол.
6. *Mironowicz A.* Prawosławie i unia za panowania Jana Kazimierza. Białystock, 1997.
7. Архив Юго-Западной России. Киев, 1871. Т. IV. Ч. 1.
8. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI.
9. *Bendza M.* Prawosławna diecezja przemyska w latach 1596–1681. Studium historyczno-kanoniczne. Warszawa, 1982.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79 (Сношения России с Польшей).
11. *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji. 1674–1679. Wrocław etc., 1976.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 1.
13. *Wójcik Z.* Jan Sobieski. Warszawa, 1983.
14. *Theiner A.* Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Romae, 1863. Т. III. N DCXCV.

© 2015 г. К.А. КОЧЕГАРОВ

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРОШЛОЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ УКРАИНСКОЙ ЭЛИТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

В статье освещается генезис и развитие историко-политических представлений украинского общества во второй половине XVII в., главным образом верхушки казачества. На основе многочисленных примеров показывается, как сюжеты древнерусской истории использовались для обоснования вхождения Украины в состав Российского государства, в том числе борьбы за объединение под властью царя всех восточнославянских земель. Подробно разбирается ранее практически неизвестный исследователям украинский историко-политический трактат, созданный на основе польскоязычного издания «Хроники Сарматии Европейской» А. Гваньини. В качестве приложения публикуются две редакции трактата.

The article highlights the genesis and development of historical and political ideas in the Ukrainian society of the second half of the seventeenth century, mainly among the upper layers of the Cossacks. Numerous examples show how the plots from the Old-Russian history were used to legitimate the joining of Ukraine to Russia, among others the fight for unification under the sceptre of the Tsar of all Eastern-Slavic lands. It considers in details a Ukrainian historical and political treatise, earlier rarely used by scholars, created on the basis of the Polish-language edition of the «A description of Sarmatian Europe» of Alessandro Guagnini. In the appendix, two editions of the treatise are published.

Ключевые слова: Украина, Древняя Русь, Россия, казачество, А. Гваньини, историко-политическая концепция.

В середине XVII в. Восточную Европу охватил военно-политический кризис, который привел к значительному изменению границ и соотношения сил между Россией и Речью Посполитой. Очагом этих трансформаций стало запорожское казачество, чье мощное, поддержанное селянством восстание, до основания потрясло государственные устои польско-литовской республики.

Одним из важнейших результатов упомянутых перемен стало появление на международной арене нового политического субъекта – Войска Запорожского (Гетманщины). Именно через посредство «войсковых» институтов на землях современной Центральной и Левобережной Украины формировался политический организм, в котором многие исследователи видят исторического «предшественника» современного украинского государства. Заметное место в изучении истории украинской государственности раннего Нового времени играет исследование трансформаций общественного сознания. При этом особенно важно получить представление об историко-политическом мировоззрении казацкой старшины, поскольку именно эта социальная группа возглавила процесс политических перемен. В первую очередь речь идет о концепциях, связанных с древней историей тех земель, которые оказались охвачены казацким восстанием. И в этом смысле

Кочегаров Кирилл Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

нас интересует не просто констатация знания тех или иных фрагментов прошлого Древней Руси, а их интерпретация в соответствии с политическими требованиями момента.

Проведенные на настоящий момент исследования доказывают, что в 1648 г., на начальном этапе восстания историко-политические представления казачества и его лидеров были весьма ограничены. Как показал Б.Н. Флоря, идеология, направленная на поиск оптимальной возможности социально-политического обустройства казачества в рамках Речи Посполитой, не содержала каких-либо обращений к истории, целиком сводясь к осмыслению текущей ситуации. «Переломные изменения в политическом мышлении казацкой элиты», по выражению Б.Н. Флори произошли зимой 1648–1649 гг. Казаки, поняв всю иллюзорность возможности преобразования Речи Посполитой таким образом, чтобы роль «русского народа» в ней стала ведущей, стали мыслить о создании собственного государства либо о переходе в подданство иного правителя. В последнем случае наиболее удобным для казачества партнером выступал русский государь, и именно в 1649 г., по наблюдению Б.Н. Флори меняется смысл обращений Б. Хмельницкого к царю: если сначала гетман предлагал Алексею Михайловичу утвердиться на польском престоле, то теперь призывал взять польскую Русь под свою власть и «оборону» [1. С. 36–51]¹.

Подобная радикализация политической программы требовала и более развернутой аргументации, в том числе и ссылок на историю. В том же 1649 г. Богдан Хмельницкий заявил царскому посланнику Григорию Унковскому, что «мы царского величества милости ищем и желаем потому, что от Владимирова святого крещения одна наша благочестивая христианская вера с Московским государством и имели едину власть. А отлучили нас неправдами своими и насилием лукавые ляхи» [2. С. 152]. Обосновывая свою политическую программу ссылками на древнерусскую историю, гетман подчеркивал, что не считает себя обладающим достаточной знатностью («природой»), чтобы «на государстве быть» в отличие от русского царя, «потомка» князя Владимира Мономаха [3. С. 32]. Если еще в 1649 г. Хмельницкий желал, чтобы поляки уступили ему «всей Белой Руси по тем границам, как владели» древнерусские князья [2. С. 154], то в канун русско-польских переговоров в 1656 г. он трактовал примерно те же границы («по Вислу реку») уже как «искони вечный» рубеж «княжества Росийского», которым владели предки царя, древние князья [3. С. 32–33]. С историко-политической точки зрения концепцию Хмельницкого, базировавшуюся на идее исторического единства всех восточнославянских земель, исконности прав на них русских царей можно назвать «воссоединением Руси».

Если для Б. Хмельницкого подобное обращение к истории было чем-то новым, то сформулированные им идеи отнюдь не были открытием для украинского общества в целом. Значительным интеллектуальным потенциалом, который мог обогатить познания казацких вождей о древнерусской эпохе, обладало киевское духовенство. В 1620-х годах в «Протестации» киевского митрополита Иова Борецкого, «Паллинодии» киево-печерского келаря Захарии Копыстенского обосновывалась преимущество истории казачества со славными подвигами дружин древнерусских князей. Начиная с 1630-х годов в «Тератургиме» печерского инока А. Кальнофойского, редакциях киево-печерского патерика и других трудах появлялись обширные экскурсы в историю Древней Руси. Поиски собственных корней, вызванные необходимостью ведения идеологической борьбы с униатами и католиками наталкивали православных полемистов и на осмысление связи древнерусской истории и соседнего Московского государства. Видя в единой России естественного союзника в борьбе за отстаивание своих сословных и профессиональных прав, они признавали за царем роль наследника политических традиций княжения св. Владимира и его потомков. Эта идея была сформулирова-

¹ В статье даны ссылки на другие работы автора, связанные с данной темой.

на еще в конце XVI в., в послании львовских братчиков царю Федору Ивановичу [4. С. 191–226, 229–230] (см. также [5. С. 364–369]).

Киевский митрополит Петр Могила, несмотря на сдержанное отношение к казачеству и готовность сотрудничать с польскими властями, обращался в 1641 г. к русскому царю Михаилу Федоровичу с просьбой о выделении средств на реставрацию киевских храмов как к преемнику киевских князей Владимира и Ярослава [6. Т. 3. С. 27–29]. Этому примеру следовали и другие. Игумен киевского Выдубецкого монастыря Игнатий Старушич просил в 1646 г. милостыню на нужды обители, именуя царя «исщадием» (потомком) «великодержавного единовластителя русского святого Владимира» [6. Т. 3. С. 76].

Идея этнического родства великороссов и малороссов, родственных уз Рюриковичей и Романовых, а, следовательно династических прав последних на всю территорию Древней Руси, неуклонно развивалась в различных высказываниях, публицистических трудах, обращениях на царское имя, исходивших от лица киевского духовенства и после 1654 г. Свое законченное выражение она получила в известном «Киевском синопсисе» первой половины 1670-х годов, связанном с именем киево-печерского архимандрита Иннокентия Гизеля [7. С. 76–79] (см. также [8. С. 49–52])². Идеей этой, как заметил украинский исследователь А.С. Кузьмук, были пропитаны даже такие далекие от политической жизни источники, как синодики киевских монастырей. Историк отмечает, что «видение исторического процесса Древняя Русь – Великое княжество Литовское – украинские православные княжата – Московское царство (изложенное в “Синопсисе”) четко прослеживается в синодиках XVII в.». По наблюдениям автора, в поминальных книгах киевских Печерского, Михайловского Златоверхого, Николо-Пустынского монастырей «практически целиком игнорируются украинские гетманы: духовенство не нашло им “места” в историческом процессе», в списках политической элиты, помещавшихся в начале синодика, после перечня имен духовенства, упоминания о них нет [9. С. 156–157, 173].

Эти исторические взгляды украинского духовенства и стали основой формирования соответствующих подходов казацкой старшины, а в некоторых случаях представители киевского православия напрямую формулировали соответствующие историко-политические постулаты.

Отмеченный выше поворот в политике казацкой верхушки, совпавший с ответным стремлением русских правящих кругов к более активной поддержке казачества нашел свое логическое завершение в событиях Переяславской рады 1654 г., закрепившей переход украинского казачества в подданство русского царя. Это еще острее актуализировало необходимость обращения украинских политиков к древнерусскому прошлому.

Примеры этого за 1654 г. проанализировал в небольшой заметке Б.Н. Флоря. Встретившиеся накануне рады в Переяславле с русским послом В.В. Бутурлиным гетман Б. Хмельницкий и генеральный писарь И. Выговский выразили удовлетворение тем, что царь Алексей Михайлович «призрил на свою государеву отчину Киев и на всю Малую Русь милостью своею» так, как это было при его «сроднике», князе Владимире Святославиче. Это оказалось созвучно и взглядам русской

² Украинский исследователь Я.В. Затилюк, констатируя распространенность указанной концепции, пытается рассматривать ее как одно из средств борьбы киевского духовенства за сохранение подчинения Киевской митрополии Константинопольскому патриархату, когда «аргументами “от истории”» киевское духовенство-де отвечало «на любые попытки переподчинения митрополии». Подобный подход представляется надуманным. Получается, что православные киевские историки и публицисты (например, Иннокентий Гизель) тратили немало усилий, чтобы развернутыми историческими экскурсами «намекнуть» царскому правительству на то, чему они в другой ситуации открыто противились прямыми ссылками на существовавшую традицию поставления киевского митрополита с санкции Константинополя. Методика, когда исследователь видит в упомянутых идеях весьма туманные намеки при отсутствии прямых указаний источников на декларируемую связь, открывает простор для совершенно произвольных реконструкций.

стороны. В своей речи на раде 8 января Бутурлин также заявил о «воссоединении» восточнославянских земель, разделенных политическими границами, как при князе Владимире. Об обновлении «наследия» древнерусских князей через соединение Великой и Малой Руси под скипетром московского монарха говорили, обращаясь к образу крестителя Руси, представители высшего киевского духовенства – киевский митрополит Сильвестр Косов и игумен Михайловского Златоверхого монастыря, а позднее митрополичий наместник в Великом княжестве Литовском, Феодосий Василевич. Не одобрявшие решений Переяславской рады, они, по мнению Б.Н. Флори, публично вынуждены были «следовать мнению, господствовавшему в [...] украинском обществе того времени» [10. С. 4–10] (Ср.: [5. С. 405–408]).

Тот же исследователь отметил, что «наиболее развернутая оценка решений, принятых в Москве и Переяславе», была дана нежинским протопопом Максимом Филимоновичем [10. С. 8]. Действительно, с точки зрения обращения к древнерусской истории речь протопопа Максима, произнесенная им в русской столице в сентябре 1654 г., является наиболее обстоятельной и глубокой. В связи с этим стоит остановиться на ней подробнее.

Протопоп заявлял, что русский царь «расточенных сынов русских злохитрием лятцким, воедино собрал, разделенных составов воедино тело русского великого княжения совокупил, рассеянных яко кокош птенца своя под крыла вашего царского величества восприял». Царь, полагал Филимонович, «законом Божиим и естественным ближайший есть нами господствовать» как «сродное присвоение к нам имеющи [...]» како к нам по прародителях вашего царского величества, великих князей и самодержцев русских, праведное и дедичное и отеческое жребие и наследие имеющи». Максим именовал Алексея Михайловича «отец природный сынов русских», а князей Древней Руси его «прародителями», вспоминал о расцвете древних Киева и Чернигова, «о Львовской земли, Подолской, Покутцкой, Подгородской, Полеской, Белоруской и о их широких княжствах, славных городах, в них же при державе великих князей русских не токмо многое множество людей русских, но и благочестия яко крин (устар. лилия. – К.К.) процветаше, и храмы Господни, яко звезды небо, тако землю Рускую украшаху». Протопоп Максим констатировал, что ныне все это величие уничтожено под натиском «супостатов иноверных», т.е. католиков и униатов, в связи с чем вопрошал: «Малая Русь [...] ради освобождения все упование свое по Господе Бозе возлагает, аще не на ваше царское величество яко детича, отчича и наследника своего?». Восточнославянские земли под властью Речи Посполитой, Филимонович называл «Малой Русью», «истинной землей Русской», наконец «восточным дедичством» царя, которое ему необходимо «взыскати, яко заблудшее овча от зубов жестоких зверей вырвати» [6. Т. 14. Стб. 175–178].

Полнота исторического экскурса протопопа Максима по сравнению с высказываниями светских представителей Гетманщины подчеркивает несомненную ведущую роль интеллектуалов из кругов киевского духовенства в историко-идеологическом обосновании объединения Украины и России под верховенством русского царя.

С. Плохий, анализируя идеологию казацкой старшины времен Переяславской рады, отмечает, что она не готова была принять «идею династических прав московских царей на Малую Россию», а в «политико-правовом аспекте центром всех устремлений казачества по-прежнему оставалось “Войско Запорожское” и его вольности» [5. С. 415–416]. Солидаризируясь с последним тезисом, следует, однако, признать, что идея династических прав русских царей на Киев и Малую Россию была не чуждой казачеству и использовалась в политических целях. Согласно ряду свидетельств, эта концепция получила достаточное распространение, не ограничиваясь лишь гетманом или генеральной старшиной.

Так, речь Филимоновича прямо перекликается со словами прибывшего в 1657 г. в Москву переяславского полковника Павла Тетери, который во время торжественной аудиенции у царя славил Алексея Михайловича «яко втораго великого во царех и равного во апостолах Владимира» за то, что он «отторженную многими леты, нестроения ради и междуособия промежду князи российскими, ветвь приличную и свойственную, глаголю Малую Росию, под долговременным игом работы ляцкой и литовской обремененую, убо вещи народ наш приобрете под высокую и крепкою рукою вашего царского величества, многия воистинну приобрете род наш славу» [6. Т. 11. Стб. 710].

В 1658 г. миргородский полковник Степан Довгаль обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой лично посетить Малую Россию, «вотчин своих отвещать благоверных прежде бывших владетелей, святороссийских царей, князей» [6. Т. 15. Стб. 85]. Ему вторил полтавский полковник Мартын Пушкарь, призывавший государя «отчин святой Росии благоверных царей и князей, мощей святых и мест и церквей Божиих посетить». И далее: «Изволь, ваша царская милость, в вотчине своей Малой Росии в stolном городе Кieve счастливым своим царским приходом посетить [...], и места благоверных святорусских царей и мощей святых и церквей Божиих посетить». Пушкарь называл Алексея Михайловича «дединым государем», то есть имеющим наследственные права на Малую Россию [6. Т. 15. Стб. 93–94]. Эти высказывания полковников, за которыми стояло осознание древнего политического единства Великой и Малой России, контрастировали с заявлением их противника – гетмана Выговского, который годом ранее говорил о своих претензиях на «стародавнюю Украину или Роксоланию» в границах до Вислы [3. С. 33]. Связь его с древнерусской историей скорее косвенная, когда традиционные уже даже для казачьей старшины ссылки на «благочестивых князей» и «Российское княжество» заменялись историческими топонимами, характерным для историко-политической мысли Речи Посполитой.

С началом русско-польских переговоров о мире интерпретация украинской элитой древнерусского прошлого получила новое политическое применение. Если раньше ссылками на «золотой век» Киевской Руси обосновывались события «воссоединения», то теперь обращения к истории пришлось кстати в дипломатических спорах с польской стороной, продемонстрировав весомую роль казачьих представителей в формулировании исторических аргументов.

В марте 1660 г. послы Войска Запорожского нежинский полковник Василий Золотаренко с товарищами, направленные на русско-польские переговоры получили от гетмана Юрия Хмельницкого специальную «Информацию». Согласно ей, они должны были настаивать, «чтоб Малая Росия как издавно при князех святорусских границу определена была, так и ныне, ничего не имеючи, при его пресветлом царском величестве и при Войске Запорожском пребывала, паче же не заступаючи Волыни и Подоля, понеже его царское пресветлое величество волынским и подолским написоватис титлом в грамотах своих и на печати государской изволяет» [11. Ф. 79. Оп. 1. 1660 г. Д. 3. Л. 40–41]. То есть казачьи представители, выдвигая от имени царя претензии на все земли Малой России – Гетманщины, указывали, что на самом деле русский царь, как наследник древнерусских князей имеет право и на большее – Волынь и Подолию, тем более, что названия этих земель включены в его титул. Династические права в данном случае использовались как предмет дипломатического торга, но само выдвижение украинской стороной подобных предложений и внимание к реальному наполнению царского титула весьма показательно.

В ходе самих переговоров украинские представители вступили в переписку с польскими комиссарами. В послании от 25 мая 1660 г. Василий Золотаренко, Федор Коробка и Константин Матюта заявляли, что гетман, «все войско запорожское и вес малороссийской народ добре себе разсудили, что под высокодержавное его царского пресветлого величества как единовверного монархи рукою

на веки оставатис имеет, так же и нам с под одной головы одного тела составом неподобно иной разсудок иметь, понеж мы не иноверцы, но православные восточные церкви сыны, запасные души не носим и совести нашей порученое дело против старшего и всего войска науки не портить, но цело сохранить хотим». Они подчеркивали, что царь «за Малую и за Белую Русь и за Войско запорожское по их челобитью вступился, до которого монархи христианского слушно и належно Малая и Белая Рус привратилас с княжтвы и з городами своими, а то для ради единой правоверной веры и для ради того, что и преж сего Малая и Белая Русь при Великой Росии под самодержацы рускими пребывали». Далее аргументы от древнерусской истории излагались более детально: «А что о належном государе Войска Запорожского сами ваша милость разсудите, кто перед несколько сот лет Росиею владел, ежели не он, самодержец российский Владимир Блаженный, которой всю Великую, Малую, Белую, Черную, Красную Русь к вере христианской привел и над ними владел, а потом по смерти его несогласие остальных 12 сынов его, брати родных, руские края в розные руки розных государей роздав. Изволте ваша милость разсудит, что так самое поколения российскийского прироженя, паче ж едина вера и един крест нас к правоверному государю, царю нашему, приобщает и его над нами належащим государем чинит» [11. Ф. 79. Оп. 1. 1660 г. Д. 4. Л. 226–227, 230–231] (см. также [12. С. 16–17]). Это свидетельство впервые было введено в оборот на основе польских источников о переговорах Т.Г. Таировой-Яковлевой [13. С. 536]. Русский вариант документа обнародовал Б.Н. Флоря, подчеркивавший его «несомненный интерес для изучения историко-политической мысли украинского общества в середине XVII в.». Он аргументировано обосновал, что историческая часть письма казацких представителей была подготовлена при участии Максима Филимоновича [14. С. 545–546].

В этой декларации казацких представителей события «воссоединения» обосновывались уже не только общей верой и общей историей, но и принадлежностью всех частей Руси к «поколению российскому». Речь таким образом шла и о восприятии казацкой старшиной идеи киевского духовенства об этническом родстве великороссов и малороссов.

Протопоп Максим, не был, впрочем, единственным представителем среднего духовенства, обладавшим систематическими познаниями в древнерусской истории. Глуховский протопоп Иван Шматковский, выступая с речью перед царем в мае 1664 г., говорил: «Да даст ти Господь достояние твое и одержания конца земли, земля Российския наследия Владимера, отца твоего, Ярослава, Изяслава, Лва, Михаила Мономаха (так! – *К.К.*), Данигила Граброго, предков твоих» [6. Т. 5. С. 194] (см. также [15. С. 58–59]).

Так, при несомненном участии представителей украинского духовенства в гетманской канцелярии появились документы, обосновавшие претензии России на земли Украины и Белоруссии аргументами от истории.

Приехавшие в Москву в начале 1665 г. зиньковский полковник Василий Шиман и писарь Степан Шуба подали в приказ «информацию» от гетмана И.М. Брюховецкого, в которой получили продолжение идеи, столь обстоятельно высказанные казацкими дипломатами в письме польским комиссарам: «Не по правде дедичство себе над Русью Полша приписывает, понеже своего дедичного монарха Русь имела; а как через лживую помощь князем руским подданую, ляхи Малою Росиею овладели, так ныне через меч из ляцкие неволи Русь выбилась и природному монархе своему поддалас и добила челом» [6. Т. 5. С. 237–238]. Здесь проглядывает еще одна важная черта историко-политических воззрений казачества. Теперь, не «дедичный» монарх вступился за свою отчину, освободив ее из «неволи», а Русь, сама себя вызволив, возвратилась под его власть. В этом нельзя не видеть намек казацкой верхушки на то, что добровольное признание власти наследника св. Владимира дает им право на сохранение своих прав и «вольностей».

В 1666 г. в Москве шла подготовка к очередным мирным переговорам с Речью Посполитой. К тому времени у России не было сил продолжать вооруженную борьбу за правобережные земли Днепра, где было частично восстановлено польское влияние, а частично усилились позиции Османской империи и Крыма. Главные территориальные споры должны были развернуться за Киев с округой, в связи с чем глава русской делегации А.Л. Ордин-Нащокин запросил из Посольского приказа дополнительных инструкций. В ответ ему 2 мая 1666 г. были высланы, во-первых, материалы касательно возможного территориального размежевания на Киевщине, а во-вторых «Истинные примеры из Кроник Гвагвина о русской земли и о границах ея от начала монархии Руской словенского народа» [16. С. 140] (о дате отправки документа см.: [11. Ф. 79. Оп. 1. 1666 г. Д. 3. Л. 357]). В документе, посвященных переговорам, сохранились лишь материалы, касающиеся киевского разграничения, тогда как выписка из сочинения А. Гваньини отсутствует.

Между тем ее украинский вариант сохранился. В известный рукописный сборник, принадлежавший семье киевского полковника В.Ф. Дворецкого, включен текст под названием «Истенные доводы с кройник Кгвагвина о русской земли и о границах ея и о початку монархеи русской сармацкого народа». К нему тесно примыкает идущее следом краткое описание Киевской и Черниговской земель, сделанное также на основе Гваньини [17. Л. 59–61] (см. приложения, документ № 1). Составитель обоих текстов, сосредоточившись на обосновании единства древнерусских земель под главенством потомков Владимира Святого завершил их важной констатацией: «Огулом кладучи, того докладую, же великий царь московский до тых мест господарем ся тых мест звал» [17. Л. 60об.–61]. Появление данного источника датируется таким образом не позднее первых месяцев 1666 г. Затем он был вписан в основное содержание сборника Дворецкого, составленного, по предположению исследователей в начале 1670-х годов [18. С. 166].

И сама рукописная книга, и ее владелец – В.Ф. Дворецкий – заслуживают особого внимания. Помимо «Истинных доводов», в состав рукописи входит «Пересторога Украины» – первый светский украинский историко-политический трактат, написанный в 1669 г. По мнению его публикатора Ю.А. Мыщыка, он был написан близкой к Дворецким духовной особой. Важно, что трактат обращен не к царскому правительству, а к широким казацко-старшинским кругам. Автор произведения, выступая последовательным сторонником власти над Малой Россией московского царя, считал, что если бы вся Украина принадлежала ему «не за длу́гый бы час во всемь обфитовала и вшеляким народом, яко за св(я)того Владымера страшна была и користы и славы великой бы мевала». Здесь же констатировалось, что именно царь казачеству «волности дает», не требуя ни дани, ни «панщины». Признание царской власти автор трактата понимал именно как «зъедночєня Руси», в результате которого «русы жадєнь ся народъ губыты не покусить, овшем примыря кождый просить буде, яко было за Володымера с(вя)того, [яко ц(а)ря московского] монархи руского и потужного». В соответствии с этим автор «Перестороги» считал что именно русский царь «суксєссор» «тых панств» (как следует из текста, Украины, а также Волыни и «Литвы», т.е. Белоруссии), «бо то его продок власный был с(вя)тый Влодимеръ и другие ксенжства³, которые в той же веры, яко он был, ц(є)ркви и розные фуньдацые в русских землях своих фундовали и в ных тела свои зложили» [19. С. 134–136].

В сборнике Дворецкого помещена и так называемая «Память, якого от ляхов обворования на розговорах Комысиях потреба», содержащая предложения киевского духовенства по защите Россией православия в польско-литовском госу-

³ Здесь переписчик или публикатор ошиблись. Речь идет не о княжествах («ксенжствах», от польск. «księstwa»), но о князьях (и тогда возможно слово должно писаться как «ксенжента», от польск. «książęta» – князья), которые были православными, как и Владимир.

дарстве. Написанная в 1670 г., «Память» была подробно исследована Б.Н. Флорей. В документе отмечается, что царь, как «правдивый князей русских потомок [...] и до русских земель все право имеет и слушне может упоминаться кривды церковное в русских землях» [20. С. 190–191].

Интересна и сама личность В.Ф. Дворецкого, которого исследователи считают одним из лидеров прорусской «партии» на Украине. Он активно сотрудничал с царским правительством, достигнув в указанное время, по выражению Ю.А. Мыщыка, пика политической карьеры. Взгляды, изложенные в «Истинных доводах» и других включенных в сборник произведениях («Пересторога» и «Память») вполне соответствовали известным фактам биографии Дворецкого, который до последнего сражался вместе с русской армией под Чудновым (1660 г.), был арестован, как не вызывавший доверия гетмана П.Д. Дорошенко, в ходе антироссийского восстания казачества 1668 г. Дворецкий вполне мог быть автором «Летописца», в основу которого легла одна из частей хроники выдающегося публициста, игумена Киевского Златоверхого монастыря Феодосия Софоновича [21. С. 220–221; 18. С. 165–168], что дополнительно свидетельствует о его склонности к интеллектуальным занятиям и изучению истории.

Ю.А. Мыщык допускает, что В.Ф. Дворецкий и Феодосий Софонович были тесно знакомы. Вместе с тем, при написании своего труда, последний в основном использовал хронику М. Стрыйковского, а тексты Гваньини – в значительно меньших объемах и лишь при создании отдельных хроник по истории Литвы и Польши [22. С. 21, 23–27, 34–35].

Вполне вероятно, поэтому, что «Истинные доводы» могли быть написаны по непосредственному указанию В.Ф. Дворецкого кем-то из близких к нему представителей духовенства, либо даже им самим, как специально для предстоявших дипломатических споров с комиссарами Речи Посполитой, так и по другому поводу.

Наличие в сборнике киевского полковника как минимум трех произведений, в которых четко видны основные краеугольные камни исследуемой историко-политической концепции (общая история восточнославянских земель, наследственные права царя на Украину и Белоруссию, идея единого народа «русов», неотъемлемое право населения польской и литовской Руси на сохранение под властью наследственного монарха прав и «вольностей») уже не может быть объяснено случайностью или сиюминутными политическими реверансами. Перед нами, несомненно, проявления определенной позиции части казацкой верхушки, которая связывала с Россией свои долговременные интересы, рассчитывая на сохранение и укрепление своего материального и социального положения под властью русского царя (анализ идеологии сборника Дворецкого см.: [18]).

Как уже отмечалось, вместе с «Истинными доводами» А.Л. Ордину-Нащокину были высланы три варианта прохождения русско-польской границы в районе Киева под не совсем точным названием «Описание воеводств Киевского, Бряславского, Черниговского» [11. Ф. 79. Оп. 1. 1666 г. Д. 3. Л. 351–357]. Документ этот перекликается с описанием на основе Гваньини трех воеводств, помещенном в сборнике Дворецкого [17. Л. 60об.].

Первый вариант (или «пример») предлагал царю добиваться передачи России Киевского воеводства, включая на юге Запорожскую Сечь и земли до Очакова. Конституировал, что в трех воеводствах – Киевском, Брацлавском и Черниговском «вся Украина и все Войско Запорожское со(единя)етца». Второй вариант предусматривал границы со стороны Полесья – по реку Тетерев, с юго-запада – по реку Рось. Наконец, третий «пример», допускал «от великие нужды» согласится на северо-западную границу по правому притоку Тетерева р. Здвиг, южную – по небольшой речке Стугне, впадавшей в Днепр [11. Ф. 79. Оп. 1. 1666 г. Д. 3. Л. 351–357].

Андрусовское перемирие 1667 г. не принесло удовлетворения даже минимальных чаяний казацкой старшины. Киев остался за Россией без уездов, с ограничением в одну милю и лишь на два года (в конечном итоге так и не был возвращен Польше). Это, вкупе с попытками московского правительства расширить систему воеводского управления на Украине и ввести сбор налогов в царскую казну, спровоцировало в русско-украинских отношениях масштабный кризис. В результате казацкого восстания Левобережная Украина на некоторое время признала гетманом П.Д. Дорошенко, стремившегося к объединению под своей властью обеих берегов Днепра при поддержке Османской империи.

Веда после 1667 г. переговоры с царскими представителями, Дорошенко выказывал готовность признать власть царя, но на условиях самой широкой автономии, фактически лишь формально. Нередко подобные заявления были вообще дипломатическим маневром. Однако и в этих условиях Дорошенко и его окружение считали возможным апеллировать к бывшему восточнославянскому единству. В декабре 1667 г. правобережный гетман говорил посланцу киевского воеводы П.В. Шереметева о своем стремлении привести под царскую власть не только Правобережную Украину, но и «все належачее поки панство, то есть княжество Руское, ограниченное было: Перемышль, Ярославль, Львов, Галич, Володимер, тые головные города княжества Руского» [6. Т. 6. С. 241]. То, что в данном случае имело место обращение именно к историческим границам Древней Руси, подтвердил в беседе с гонцом воеводы киевский митрополит Иосиф Нелюбович-Тукальский (подробнее о его взаимоотношениях с русским правительством см.: [23. С. 123–147]), заявивший, что царю должны принадлежать территории в границах, «як все пред тым належачое Руское панство, что бывало по самый Перемышль» [6. Т. 6. С. 242]. А в 1669 г., в расчете на возможность посетить Киев, митрополит обращался к царю, как к «православного царства скипетра держашу над всем православно-росийским народом, его же долгота от Путивля за Перемышль и Самбор, аж до Санока, широта же от Днестра до Двины и за Двину простресея». Он желал государю царствовать над указанными территориями «равно с равноапостольным князем великим самодержцем росийским Владимиром святым», сохранив их населению все «стародавние» права и «вольности». В этом случае, полагал он, царь и его наследники по праву бы владели «всеа Росии титулю и державою Великия и Малыя и Белья Росии» [6. Т. 8. С. 133–134].

Нетрудно заметить, что в рассуждениях Дорошенко и Тукальского наиболее явственно обозначалась условность династических прав царя на украинские и белорусские земли, которые неизменно должны были сохранить свои «вольности», трактовавшиеся весьма широко. Кроме того, митрополит вымерял «широту» и «долготу» православных «российских земель» без учета Северо-Восточной Руси, намеренно или нет подчеркивая обособленность территорий Украины и Белоруссии. Это, впрочем, не смущало российскую дипломатию, использовавшую в своих целях письмо владыки Иосифа, конъюнктурность исторических экскурсов которого была очевидной. Составляя в 1671 г. приказную выписку для переговоров с польской стороной, русские дипломаты ссылались на упомянутое письмо, отмечая, что митрополит указал «в державе его царского величества Малыя Росии границы, как было во владении великаго князя Владимира киевского, которого места широта и долгота до которого места в урочищах» [24. С. 1028. Примечание 897].

Канадский историк З. Когут, признавая, в отличие от С. Плохия, формирование у казацкой элиты в первые годы после 1654 г. представления об украинских землях как о «наследственном царском владении», полагал, тем не менее, что концепт этот довольно скоро приказал долго жить, а после Андрусовского договора 1667 г. родилась уже идея «украинской отчизны», не связанная ни с Москвой ни с Варшавой [25. С. 228–239]. Между тем, дело обстояло далеко не так схематично. Пока территориальный вопрос между Польшей и Россией не был окончательно

разрешен, документы, подготовленные при активном участии В.Ф. Дворецкого для Посольского приказа, и сформулированные в них идеи, не теряли своей актуальности. Отложившись в архиве гетманской канцелярии, они были вновь использованы чуть менее двадцати лет спустя гетманом И.С. Самойловичем.

Как сын священника, Самойлович был вполне образованным человеком для своего времени, имел собственную библиотеку (о библиотеке И. Самойловича см.: [26. С. 80–84]), и в том числе исторические труды – хронику М. Стрыйковского, «Киевский синопсис», некую книгу «истории латинской» и т.д. [27. Стб. 1060]. Он не только интересовался историей, но и охотно обращался к ней в связи с политической необходимостью.

В 1675 г. древнерусское прошлое стало предметом полемики Самойловича и Дорошенко. На факт этот обратил внимание еще Н.И. Костомаров [28. С. 492–493], а вслед за ним другие исследователи [29. С. 561–563]. Правобережный гетман, отвечая на обвинения в союзе с турками и татарами, замечал, что «некогда князи рустии в своем утеснении против своих неприятелей татарские силы употребляли» [6. Т. 12. Стб. 120]. «Нам тем не надобно уводиться, – отвечал Самойлович, – что мы имели к природным князем, яко временные, а паче казацкая старшина, ровняться, понеж равным всегда с равными может все случиться, а как сказывают за вымысл, а нам не всегда, обаче яко в то время росийстии князи, завоеався не по делу меж собою, яко кроники действ их свидетелствуют, не много что помочию бусурманскою восприяли, понеж державы их от того на многие части разорвался, впрям все ни во что обратились, что и ныне впрям видим кое-где разорение, нежели украшение каково» [11. Ф. 124. Оп. 1. 1675 г. Д. 4. Л. 15об.–16]⁴ (Ср. [С. 28. С. 493]). В другом месте Самойлович отмечал, что «пестует» Войско Запорожское по милости Бога и великого государя. Он заявлял, что доволен и этим, поскольку «не дедичные мы господа, не для чого вдаль гонятис, но о том стало, что еже час за грехи наши упадаем в роде своем» [11. Ф. 124. Оп. 1. 1675 г. Д. 4. Л. 13об. – 14].

К историческим аргументам гетман Самойлович прибегал и в полемике с политиками Речи Посполитой. В 1682 г., пользуясь смертью царя Федора и стрельческими бунтами в Москве, польский двор выслал на Левобережную Украину агентов с инструкциями, в которых содержались призывы к казачеству вернуться под власть исконного («дедичного») монарха – польского короля [30. С. 105–123]. В ответ Самойлович составил собственный памфлет, который был переправлен за польский рубеж. В нем было немало ссылок на права и вольности Войска Запорожского, историю казачества и его взаимоотношений с польскими властями. Однако по поводу притязаний Речи Посполитой на «дедичность» власти своих королей над Украиной в нем говорилось: «Чи то Войско Запорожское Речи Посполитой полской Адамовым есть обликано (предназначено. – К.К.) цырографом⁵? И чи Киевская земля и Заднепре и Север увес з початков своих росл в державе королей полских, иж их таким горячим умыслом взывают до прошлой полской (дедичною ее именуючи) поворотачиса области? Вшак той земле и народови старовечнейшая есть дедизна Росийская монархия! Час был тое учинил, же по Батью татарин ею владнул, час и тое учинил же и полская ею владнула корона. Часом знову и тое ся стало, яко теперь стоит, а стается все не людским але Божим делом» [11. Ф. 124. Оп. 3. Д. 418. Л. 9]. Характерно, что украинский гетман сравнивал польского короля с ханами, владевшими Русью как завоеватели, а не как наследственные правители, воспоминания об эпохе которых были в восточнославянской письменной традиции однозначно негативными.

⁴ Письмо датировано июнем 1675 г. из Батурина. На л. 18об. на полях помета: «Числа не писано».

⁵ От польск. «cyrograf» – письменное обязательство. Автор иронично намекал, что не сам ли прародитель людей Адам завещал полякам обладание Войском Запорожским и Украиной.

В 1680-е годы одним из основных вопросов русско-польских отношений оставалось урегулирование территориальных противоречий, теперь уже не на условиях перемирия, как в 1667 г., а в форме постоянного, «вечного» договора о мире. Стороны вели интенсивные дипломатические переговоры, обменивались посольствами. Русское правительство стремилось учесть позицию казацкой старшины и гетмана, которые не желали заключения между Россией и шляхетской республикой мирного договора на условиях границы 1667 г. Из Батурина всячески давали понять Москве, что надеются на расширение территорий Гетманщины за счет хотя бы части земель Правобережной Украины (см. подробнее [30]).

В декабре 1682 г. – январе 1683 г. Москва и Батурин обсуждали подготовку русского посольства на варшавский сейм. Подробности этих консультаций нам известны лишь фрагментарно. Царский двор особенно тревожил вопрос, как воспримут поляки восхождение на престол двух малолетних царей, Ивана и Петра Алексеевичей, произошедшее в ходе масштабных стрелецких выступлений в столице [31. С. 62]. В январе 1683 г. царский посланец Л.Р. Неплюев, отвечая на ранее поставленный И. Самойловичем вопрос, сообщил гетману, что «о великих государях» русским послам «ис Посольского приказу ответы даны, и естли поляки о том зачнут, знатно у послов слово готово, понеже убо свидетелства имеем многие и ответовати в том не трудно». Примечательно, что интересовавшийся историей гетман выразил готовность подключиться к обоснованию прецедента восхождения на престол сразу двух монархов: «О великих государех и у него гетмана историчные свидетелства есть, и выправяс накрепко, о том им великим государем впрд учинит ведамо» [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 418, 420].

Осенью 1684 г. казаки Стародубского полка по распоряжению И. Самойловича «зехали» земли Великого княжества Литовского, располагавшиеся между русско-польской границей и рекой Сож. В Речи Посполитой восприняли это как нарушение мирных договоренностей. В Москву зачастили польские гонцы с требованиями очистить занятые территории. В свою очередь И. Самойлович недвусмысленно намекал, что в преддверии заключения русско-польского «вечного мира» неплохо бы передвинуть границу Войска Запорожского в районе Сожи на запад, закрепив свершившийся факт новым договором. Московские политики, вынужденные давать за действия гетмана объяснения польскому двору, требовали от гетмана «подлинных свидетелств» принадлежности Засожья Войску Запорожскому. В ответ из Батурина слали в Москву различные документы, подтверждавшие, по мнению Самойловича, его правоту [30. С. 206–214]. В ход пошли и традиционные уже исторические аргументы. В январе 1685 г. в столицу прибыл старший канцелярист В.Л. Кочубей. В доставленной им инструкции отмечалось, что Подолия, Вольнь, Подгорье, Подляшье, Червонная Русь принадлежали «монархии росийской от початку бытия здешних народов» и лишь «тылко сто лет з невеликим лишком тому времени якого Полское королевство оными завладело». Гетман советовал русским царям «отыскивать» бывшую территорию Древней Руси как свое «искони вечное» [32. С. 19–20].

Кроме того, Кочубей подал в Приказ выписки из сочинения Гваньини и предложения по разграничению киевских земель (было озаглавлено как «Древнее еще прежде перемирья предложение»), составленные для руководства русской дипломатии в 1666 г. В Москве они сохранились по крайней мере в двух рукописных вариантах – в составе архива Малороссийского приказа [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 14–29] и среди польских дел архива Посольского приказа [11. Ф. 79. Оп. 1. Д. 219. Л. 308об.–316]. На основе последнего выписки из Гваньини были введены мной в научный оборот в 2010 г. [33. С. 63–67], а на основе «малороссийского» списка рассмотрены Т.Г. Таировой-Яковлевой два года спустя [34. С. 67–73] (подробней об обстоятельствах этого см. ниже). Документы из фондов Малороссийского приказа, как более аутентичные, были взяты за основу дальнейшего ис-

следования, хотя сколько-нибудь значительных различий между обоими вариантами нет.

Примечательно то, что материалы 1666 г. были не просто заново переписаны в гетманской канцелярии, а существенно дополнены. Так, теперь после изложения первого «способа» русско-польского разграничения (согласно ему под власть царя отходило все Киевское воеводство), после уже известной констатации, что Украина заключается в «трех воеводствах», следовал следующий комментарий: «Которых воеводств надобно великому государю всеми силами, яко своей подлинной искони вечной отчины доходити, а сам Господь Бог поможет, токмо сами восхотели б мы, а радение о том приложити, наше есть хотети, Божие ж действовати» [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 21].

Существенные дополнения имелись и ко второму варианту прохождения границы. Во-первых, в нем констатировалось, что «при Киеве как ныне Запорожье все даже под Очаков до Черного моря под высокою рукою великого государя нашего, его царского пресветлого величества пребывает, так и далее, Бога ради не надобно рознить и делить, ибо при ком Киев и Запорожье пребывать будет, при том и все Войско Запорожское оставатца непоколебимо будет». Во-вторых, чтобы добиться этого, в документе предлагалось оказать на Польшу военное давление, сосредоточив в районе Киева и белорусской границы русские войска, «чтоб неприятели на шею наступили», который бы «сам рад и не рад совсем теми тремя воеводствами поступился, прося милосердия». «А не видя на себя никакова принуждения, – отмечалось далее, – токмо смеетца неприятель и манит всячески, чтоб тем временем, собрався в силу, чтобы мог тем отлагати время от времени, к своей корысти приитти и отискати ту страну; война зачинаетца» [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 23–24].

Но самое интересное, что Кочубей подал в приказ две редакции «Истинных доводов», которые можно назвать краткой и пространной (см. приложения, документы № 2 и 3). Если первая является практически дословным переложением текста, помещенного в сборнике В.Ф. Дворецкого, то вторая – ее расширенным вариантом. Наличие значительных дополнений в тексте о разграничениях позволяет с высокой долей вероятности предположить, что пространная редакция была создана именно накануне поездки Кочубея в Москву. Наиболее значительные добавления были сделаны за счет привлечения из труда Гваньини новых сведений по истории Древней Руси, в то время как текст «грамоты» Александра Македонского был исключен.

Перейдем теперь к анализу «Истинных доводов», в первую очередь пространной редакции и ее связи с первоосновой – хроники натурализованного в Польше итальянца Александра Гваньини (см. о нем подробнее [35. С. 169–196]). Составитель документа выписал из данного труда утверждения, обосновавшие по его мнению древность русского народа и право московского царя на земли, принадлежавшие когда-то древнерусским князьям. При подготовке документа использовались предисловие, «хроники» Польши, Великого княжества Литовского и «русской земли». Выписки, оформленные тезисно, со ссылками на соответствующие страницы, подбирались не хронологически, а, по-видимому, по мере прочтения автором соответствующих разделов книги.

При составлении документа использовалось польскоязычное издание 1611 г. «Хроники Европейской Сарматии» А. Гваньини, разделы которого по истории Руси, Литвы и др. были значительно дополнены по сравнению с предыдущими, латинскими изданиями [35. С. 173, 177, 179]. Это издание также было наиболее популярной версией труда Гваньини в России и на Украине в XVII в. [36. С. 113]. Листы, указанные в «Истинных доводах», почти всегда совпадают с изданием 1611 года [37], полностью расходясь с предыдущей латинской версией (ср.: [38]).

Весьма часто автор «Истинных доводов» достаточно вольно интерпретирует текст хроники итальянца, что особенно видно при сравнении отдельных тезисов документа с указанными при них страницами труда А. Гваньини.

Представление легендарной истории восточных славян в целом соответствует помещенным в предисловии («Wywod i początek starożytnego i walecznego narodu Sarmackiego, z którego Polacy i wszyscy Słowianie początek i rodzaj swój wiodą») рассуждениям Гваньини, который действительно связывал происхождение руси-роксолан с сарматами и вандалами, писал об их храбрости и воинственности, происхождении от сына Ноя, Иафета. Но если у итальянца присутствовали в предисловии и поляки, как часть славянского/сарматского племени, пусть и несколько на заднем плане ([37], предисловие не имеет пагинации), то украинский автор их легендарную историю обходил молчанием.

Рассуждая о начале государственности восточных славян, автор «Истинных доводов» подчеркивал, что они ранее поляков появились в Европе, где «еще лета от сотворения света 6370 (862. – К.К.) году державу имеша». Этому известию вторило другое, что русским князем был знаменитый Одоакр, низложивший последнего правителя Западной Римской империи [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 15, 17]. В своих рассуждениях украинский автор отталкивался от констатации Гваньини, что «Ruś dobrze jest starsza niżeli Lech, przodek nasz tu przyszedł» («Русь есть значительно старше, нежели Лех, предок наш, сюда пришел»), которую итальянец подкреплял рядом «исторических» аргументов. Что касается Одоакра, то помимо взятия Рима, он писал о его разгроме готами, предлагая не только славяно-русскую версию его происхождения: «Acz niektórzy go piszą Rugianskim a nie Ruskim książęciem» («Хотя некоторые пишут его Ругианским, а не Русским князем»). При чем легендарная «Ругия» располагалась там, где ныне располагается Поморская земля, между Одером и Вислой [37. Księga III. S. 1–2], однако это не учитывалось украинским автором.

Русь, как декларировалось в украинском трактате, не только издревле имела собственную державу, но и в свое время получила грамоту от самого Александра Македонского, который отдал русам в вечное владение четвертую часть Европы. В краткой редакции трактата текст легендарной грамоты приводился со ссылкой на хроникера Мартина Бельского, в пространной – пересказывался с опорой на предисловие к труду А. Гваньини.

Фальсификат грамоты Александра Македонского славянам возник, по-видимому, в Чехии и впервые был напечатан чешским историком Вацлавом Гайком в 1541 г. в «Чешской хронике». За пределами Чехии грамота была впервые напечатана в «Хронике всего света» Мартина Бельского в 1551 г. [39. С. 46–63].

Исследователь легенды о «даре» Александра Македонского А.С. Мыльников обратил внимание на разночтение в тексте грамоты посмертного издания хроники Бельского 1597 г. и остальных [39. С. 58–59]. Благодаря его наблюдению ясно, что текст «грамоты», включенный в краткую редакцию «Истинных доводов», соответствует изданию 1597 г. Это подтверждается и совпадением данной украинским компилятором ссылки [40. S. 15]. Хотя у Гваньини грамота также присутствует, составитель краткой редакции «Истинных доводов» посчитал необходимым сослаться на М. Бельского как на первоисточник, что свидетельствует об особой важности, которую в его глазах имел этот документ.

Основной акцент в трактате был направлен на историю Древней Руси. Здесь также немало произвольных толкований текста Гваньини.

Используя сведения о походе Болеслава Храброго на Киев, автор почему-то заявлял, что тот увез Золотые ворота в Гнезно, хотя итальянец передавал известный сюжет об ударе польского короля по ним мечом. Главным для украинского компилятора, было, однако, известие об установлении границы между Польшей и Русью по Днестру. Замечание автора «Хроники европейской Сарматии», что Болеслав и с прусскими, и с русскими князьями обходился «łaskawie» («милостиво»), поскольку «wiedział, iż z książęty słowiańskimi są jedno» («знал, что с князьями славянским они есть одним целым») [37. Księga I. S. 30], давало украинскому сочинителю основания для следующего вывода: «А что едино суть во вери и во

мужестве и во сродстве» [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 16]. И здесь уже автор вспомнил об умалчиваемом при рассмотрении легендарных генеалогий этническом родстве всех славян, потому что это способствовало возвеличиванию киевских князей.

Сюжет «Истинных доводов» о женитьбе Казимира I на Марии, сестре князя Ярослава, в целом соответствует описанию Гваньини. Под «княжениями», что были возвращены Ярославу понимались земли, завоеванные королем Болеславом [37. Księga I. S. 35].

Основой констатации, что «короли польские всегда во племяни суть со князи росийскими» [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 16] послужило сообщение хроники о браке Болеслава III Кривоустого и Сбыславы, дочери киевского князя Святополка Изяславича [37. Księga I. S. 43]. Получение, согласно Гваньини, польским князем Владиславом II помощи от русских князей для борьбы с братьями [37. Księga I. S. 51] дало основание казацкому автору утверждать о «равнодержавности» древнепольских и древнерусских правителей [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 16].

В «Истинных доводах» заявляется, что Лев Данилович – «удельный князь во своем княжении, наследник князей росийских», основал город Львов [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 16]. Однако на соответствующей странице труда А. Гваньини сообщается, что русский князь Лев, сын «русского короля» Даниила Галицкого, потерпел сокрушительное поражение от польских войск, которые дошли аж до Львова [37. Księga I. S. 66]. Или в хронике говорится, что в 1340 г. польский король Казимир вторгся «на Русь» (имелась в виду Галицкая Русь) и захватил ее столицу Львов [37. Księga I. S. 77]. Составитель документа на основе этого утверждал, что «Лвов град – глава росийские земли» [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 16]. Между тем об основании Львом Даниловичем города своего имени четко говорится в другом разделе труда Гваньини – «Хронике русской земли» [37. Księga III. S. 6].

Особо важным было утверждение автора трактата, что «Смоленск, Витепск и Полоцк, Новгород, Галич и все Подолие, Лвов, Перемышль, Ярослав и все Покутие, Люблин и всею Черною Русию, Луцк, Владимир, Острог, Изяслав и всем Волынем владели сынове Владимира Святого, яко природные князи росийские» [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 17]. И именно оно основывалось на наиболее произвольной интерпретации текста Гваньини. В разных редакциях и переводах ссылки на соответствующие страницы «Хроники русской земли» различаются: страницы 10 и 13 в пространной редакции, страницы 5 и 13 в украинской версии краткой редакции и страницы 5 и 11 в ее переводе. Возможно, это отражало какие-то колебания автора и тех, кто дополнял его труд позднее, вызванные осознанием шаткости своей позиции. Дело в том, что на соответствующих страницах труда Гваньини излагаются краткие родословия наиболее крупных в Речи Посполитой княжеских родов, причем не только тех, кто связывал свое происхождение с Рюриком, но и Гедиминовичей и даже Радзивиллов. На пятой странице действительно говорится о распределении князем Владимиром Святославичем русских земель между своими сыновьями, однако в данном перечне фигурирует едва ли половина из топонимов, что приводит украинский автор (Полоцк, Смоленск, Острог, Владимир-Волынский и Волынь) [37. Księga III. S. 5–13]. В целом, однако, данный текст итальянца может служить обоснованием очередного тезиса украинского автора лишь с большой натяжкой, и более того, в определенном смысле противоречит ему.

По поводу обладания Польшей и Литвой восточнославянскими землями, в «Истинных доводах» отмечалось, что Киевское княжение, Волынь и Подляшье были присоединены к Польше лишь в 1569 г. Напоминалось, что русско-литовская граница некогда проходила по р. Березине [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 16–17]. Что касается последнего тезиса (при ссылке на него украинский автор ошибочно указал страницу 108 вместо 8; при этом у московских переводчиков обеих редакций она превратилась в сто сороковую), то здесь составитель «Истинных

доводов», использовал комментарий Гваньини к тексту о правлении в Полоцке литовского князя Бориса. Отмечая, что тот «zamek Boryssow z miastem nad rzeką Berezyną od swego imienia zbudował» («замок Борисов с городом над рекой Березиной в честь своего имени построил»), итальянец добавлял далее: «Gdzie wielki książę moskiewski państwa od Litwy wymierzając, granice swe zakłada» («Где великий князь московский, государства от Литвы отмеряя, границы свои устанавливает») [37. Księga II. S. 8]. Сам он был не согласен с территориальными претензиями царя Ивана IV (именно о нем шла речь), однако украинского компилятора, использовавшего пояснение Гваньини как доказательство, что русско-литовская граница действительно должна проходить по Березине, это ничуть не смутило. Причем даже в украиноязычной рукописи Дворецкого говорилось о границе Литвы «з княженіем руским» [17. Л. 59об.], под которым понималась именно Россия XVI в.

Говоря о формировании Великого княжества Литовского, автор отмечает, что первые литовские князья были «подданные и рабы князем киевским» [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 17]. Однако в хронике Гваньини акцент несколько иной. Речь идет о «незначительности» литовского народа, над которым «Ruś miała [...] zwierzchność» («Русь имела [...] верховенство»), что выражалось в том, что киевский князь получал от литовцев символический «tribut» («дань») в знак вассалитета [37. Księga II. S. 5]. Подобное изложение выглядело менее уничижительно, чем у украинского автора.

Подытоживая перетолкованные в соответствии со своим пониманием тексты Гваньини, автор документа делал вывод, что поляки не могут быть наследниками русской земли, а сам автор «Хроники европейской Сарматии» обвинял в подтасовке фактов с целью лишить русский царей их «достоинства и отечества». Итальянцу ставилось в упрек, что он русский народ и «князей российских московских незнатными сотворих» [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 17–18]. Речь шла о самом начале раздела труда Гваньини, посвященного Московскому великому княжеству, где польский хронист утверждал, что «bardzo mały i nieznaczný na początku był naród moskiewski, z Rusi pochodzący, lecz już teraz za objęciem wielu Księstw i Prowincji Ruskich... bardzo się rozszerzył» («очень малым и незначительным вначале был московский народ, происходящий от Руси, но теперь уже, после присоединения множества княжеств и русских провинций [...] он значительно распространился») [37. Księga VII. S. 1]. Автор же «Истинных доводов» считал, что поймал Гваньини на противоречии, указывая что «в том же стихе», т.е. в той же фразе книги, указано «яко от российских князей походят» князья Московского государства [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 18]. Ввиду имелась оговорка А. Гваньини, что «московский народ» происходит «из Руси». Вполне вероятно, что автор принял во внимание и утверждение итальянца (хотя и не сослался на это), что московский князь носит и титул князя владимирского, а принадлежащее ему Владимирское великое княжество существует «od czasów Włodzimierza wielkiego, wszystkiej Rusi monarchy» («со времен Владимира великого, монарха всей Руси»), а город Владимир-на-Клязьме был столицей «всей Руси», пока князь Иван Калита не перенес столицу в Москву [37. Księga VII. S. 5–6].

Подводя итог критике исторических построений А. Гваньини, в «Истинных доводах» язвительно отмечалось: «И добро глаголют: кажная лисица свой хвост хвалит и величает» [11. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 18].

Отталкиваясь от концепций польской средневековой историографии, украинский автор четко отделял славян и русь от поляков, доказывая, что происхождение русского народа и государства более древнее, нежели поляков и Польши, подчеркивал древние традиции политического превосходства (или, в крайнем случае, равенства) русских по отношению к полякам и литовцам. Обоснование же исконности границы Древней Руси и Польши по Днестру и Березине, преемственности прав московских князей на древнерусское наследие по сравнению с

Польшей и Литвой давало, по мысли украинского составителя, весомые исторические аргументы в руки русского правительства в дипломатической борьбе с Речью Посполитой, должно было побудить его к дальнейшей экспансии на восточнославянские земли шляхетской республики. Важно также, что автор «Истинных доводов» никак не разделял ни Русь московскую, ни Русь польскую и литовскую, однозначно считая их единым народом, связанным общей историей.

Очевидно, что «Истинные доводы» противоречили идеям как польских историографов (в том числе и самого А. Гваньини), так и взглядам польско-литовской политической элиты. Перед нами, несомненно, оригинальный историко-политический трактат, где имя и авторитет итальянца используется как прикрытие для развития и представления собственных, причем порой диаметрально противоположных первоисточнику взглядов.

Почему труд А. Гваньини стал основой при составлении трактата? Определенно ответить на этот вопрос трудно, поскольку автор «Истинных доводов» был ограничен в выборе определенным кругом изданий, состав которого нам неизвестен. Одним из мотивов, который заставил его остановиться на труде А. Гваньини, был, по-видимому, тот факт, что русско-польско-литовские отношения за значительный временной период (с древности до третьей четверти XVI в.) были изложены в нем компактно, что давало возможность составителям документа проследить их историю на протяжении значительного периода времени. Современные автору украинские летописцы пользовались в тех же целях хроникой М. Стрыйковского.

Как уже отмечалось, с введением в научный оборот «Истинных доводов», связана заметка Т.Г. Таировой-Яковлевой [34. С. 67–73]. Используемые в ней материалы посольства В.Л. Кочубея автор преподнесла как уникальные и впервые вводимые в научный оборот. Между тем ситуация в действительности выглядит иначе.

Так, исследовательница уверенно заявляет, что от посольства В.Л. Кочубея в Москву не сохранилось оригинальных документов, а только современные переводы. Вместе с тем, она считает, что оригиналы эти видели в свое время русские историки XIX в. – С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров. При этом первого Таирова-Яковлева обвиняет в том, что он умышленно вырвал цитату из контекста приведенной Кочубеем гетманской инструкции, так, что она стала звучать в «имперском духе». Автор также упрекает обоих историков, что они не ввели в научный оборот этот уникальный документ.

Легко обвинять корифеев русской историографии, которые при написании своих обобщающих работ, охватывавших целые исторические эпохи, не процитировали в необходимом объеме посвященный частному сюжету источник, чтобы заслужить одобрение Т.Г. Таировой-Яковлевой. Труднее, однако, внимательно проанализировать уже давно существующие издания документов и труды предшественников.

Раскритиковав Соловьева и Костомарова, исследовательница обвиняет и других авторов, в том числе и меня, что они-де пользовались лишь приведенными вышеупомянутыми историками цитатами. Между тем, более тщательно изучив хотя бы соответствующее примечание к моей монографии [30. С. 282–283, 298], Т.Г. Таирова-Яковлева могла бы заметить, что при упоминании о посольстве Кочубея и цитировании фрагмента инструкции, я ссылаюсь не столько на труды Соловьева и Костомарова (в данном случае это как раз дань уважения предшественникам, которые впервые об этом написали), а *в первую очередь* на том № 1 «Источников для истории запорожских казаков» Д.И. Яворницкого.

В этом издании, с момента выхода в свет которого в 2013 г. исполнилось уже сто десять лет, и содержится (вероятно, к великому удивлению коллеги из города на Неве) оригинальная украиноязычная инструкция, данная В.Л. Кочубею из гетманской канцелярии [32. С. 15–26]. Она никуда не исчезла, никем не пряталась,

и до сих пор храниться в Российском государственном архиве древних актов, в третьей описи («Подлинные малороссийские дела»), причем шифр (№ 458) не изменился со времен ссылавшегося на документ Костомарова [28. С. 639–640] и публикации Яворницкого. Самое поразительное, что Т.Г. Таирова-Яковлева совершила «открытие» этого «уникального» документа в московском переводе с украинского оригинала, посетовав при этом, что «можно только догадываться о том, какие термины использовались в украинском оригинале» [34. С. 69].

Исследовательница ничего не знала и о моей заметке с анализом выписок Гваньини от 2010 г., повторно «открыв» их для науки в своей статье, хотя на самом деле только выявив новый, пусть и более аутентичный список. В целом работа Т.Г. Таировой-Яковлевой содержит поверхностный анализ документов, который дополнительно теряет свое значение из-за игнорирования публикации источников и историографии. Так, не удосужившись заглянуть в первоисточник – труд А. Гваньини, Т.Г. Таирова-Яковлева считает «Хронику Европейской Сарматии», «Хронику Великого княжества Литовского», «Хроникарь княжения русского», «хронику Русской земли» разными произведениями, хотя все это части одного труда, а два последних названия – вообще одно и то же. Автор оставила без внимания наличие двух редакций текста – краткой и пространной и т.д. [34. С. 67–73].

Возвращаясь к анализу древнерусского аспекта исторической идеологии украинского общества второй половины XVII в., следует поставить вопрос о социально-политических предпосылках его формирования. Еще М.С. Грушевский с сожалением отмечал, что в 1654 г. казацкая старшина не смогла преодолеть рамки сословного самосознания и презентовать себя в отношении России как правящую элиту Гетманщины, каковой она фактически на тот момент и являлась [41. С. 765–766]. Это выразилось в том, что с формальной точки зрения верховная власть царя устанавливалась над отдельными социальными группами украинского общества (казачество, мещане, духовенство), а с фактической – существованием Гетманщины в составе России как автономного образования со своим правителем (гетманом) и политической элитой (казацкая старшина).

Могло ли в этих условиях обращение к истории Древней Руси стать средством эмансипации политических взглядов казацкой верхушки Гетманщины, а позднее левобережной ее части? Проведенное исследование дает на этот вопрос скорее отрицательный ответ. Из кратких высказываний Б. Хмельницкого и П.Д. Дорошенко можно сделать лишь вывод, что древнерусская история подталкивала гетманов к осмыслению исторического и этнического единства всех восточнославянских земель, принадлежавших Речи Посполитой, но не послужила толчком к обоснованию своего господствующего положения в украинском обществе, права репрезентации Малой России (не говоря уже обо всех украинских и белорусских землях) перед верховным правителем – царем или тем более ее независимости. Туманный намек П.Д. Дорошенко на равенство с древнерусскими князьями выглядит здесь скорее как случайно использованный полемический прием, нежели как историко-политическая константа мировоззрения правобережного гетмана.

Социально-политические взгляды казачества концентрировались вокруг идеи прав и вольностей Войска Запорожского как служилой корпорации. Оно так и не оформилось в полноценную протогосударственную идеологию, оказавшись в этом смысле невосприимчивым к историческим аргументам, связанным с древнерусским прошлым. Особенно четко об этом свидетельствует адресованное П.Д. Дорошенко высказывание лидера левобережного казачества И. Самойловича, ставившего себя ниже «дедичных» правителей, какими были древнерусские князья.

Вместе с тем древнерусские сюжеты вполне подходили для достижения некоторых целей в отношениях с царем, за которым, на определенных условиях старшина была готова признать прерогативы верховной власти. Таким образом, знания о периоде древнерусской истории украинских земель использовались

казацкой верхушкой инструментально, сначала для политического обоснования вхождения Украины в состав России, затем для подкрепления дипломатических претензий русского государства на земли Правобережной Гетманщины в сношениях с Речью Посполитой. Вместе с тем, степень этой инструментальности была разной, от конъюнктурных заявлений П.Д. Дорошенко и Иосифа Тукальского до достаточно последовательной идеологии, которая позволяла казацкой верхушке занять достойное место в иерархии подвластных русскому царю автономных образований как части его древней отчины, добровольно воссоединившейся со своим «исконным» монархом, и потому претендовавшей, во-первых, на определенные права и привилегии, а во-вторых, на особую заботу государя в деле возвращения оставшихся под польской властью «наследственных» земель, с передачей их под управление гетмана.

Русско-польский Вечный мир 1686 г. окончательно закрепил границы России и Речи Посполитой по Днепру, разделив земли казацкой Украины между двумя государствами, несмотря на то, что в ходе переговоров с польско-литовскими дипломатами руководитель русской внешней политики В.В. Голицын требовал уступки России земель по реку Березину, «как в древние времена» [30. С. 324] (что прямо перекликается с «Истинными доводами»), и даже сумел выторговать примерно тот «треугольник» земель на Правом берегу Днепра, который соответствовал гетманскому варианту «от великия нужды».

Договор надолго похоронил идеи украинской верхушки на объединение земель Правого и Левого берега Днепра под властью царя. Историческая идеология, обосновывавшая этот процесс, видоизменилась. Теперь древнерусское прошлое все больше привлекало казацких интеллектуалов с точки зрения их сословных интересов, обусловленных развернувшимся в последней четверти XVII в. процессом складывания малороссийского дворянства, когда генеральная, полковая и сотенная старшина стремилась закрепить за собой права на наследственное владение землей и крестьянами. От интерпретации в русле идей киевского духовенства о былом единстве Руси и обоснования династических прав Романовых, как наследников Рюриковичей, украинские идеологи переходят к использованию исторической аргументации для обоснования отдельного этнического, хотя и славянского (от некоего племени «козар» или «козаров») происхождения казачества, исконности его социальных прав. Впервые этот постулат был упомянут в сочинении Иоанникия Галыцкого «Скарбница», изданном в 1676 г. Автор был с ним не согласен, однако украинские книжники светского происхождения ухватились за идею происхождения казачества от «козар». Последовательное воплощение этот подход получил в «Конституции» Ф. Орлика 1710 г., а также летописи Григория Грабянки, созданной в первой четверти XVIII в. (см. подробнее [42. С. 25–46; 3. С. 41–42]).

В приложении публикуются тексты пространной и краткой редакций «Истинных доводов». Документы № 2 и 3 публикуются согласно «Правилам издания исторических документов» (М., 1990), документ № 1 – с сохранением вышедших из употребления в современном русском языке букв, которые могли иметь разное фонетическое звучание в русском и украинском языках того времени (подробнее о принципах передачи текста см. [43. С. 356–357]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Флоря Б.Н.* Отношение украинского казачества к Речи Посполитой во время казацких восстаний 20–30-х годов XVII века и на начальном этапе народно-освободительной войны // *Славяноведение*. 2002. № 2.
2. *Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах.* М., 1953. Т. 2. 1648–1651 годы.
3. *Затилюк Я.В.* «Спадкоємці», «власники» та «охоронці» киево-руської спадщини в уявленнях мешканців Гетьманщини другої половини XVII ст. // *Український історичний журнал*. 2011. № 5.

4. Пацуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
5. Плохий С. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2005.
6. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1861. Т. 3. 1638–1657; СПб., 1867. Т. 5. 1659–1665; СПб., 1869. Т. 6. 1663–1668; СПб., 1875. Т. 8. 1668–1669; 1648–1657; СПб., 1879. Т. 11. 1672–1674; СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676; СПб., 1889. Т. 14. (Дополнение к 3 тому); СПб., 1892. Т. 15. 1658–1659.
7. Степанов Д.Ю. Почему и для кого был издан первый печатный учебник по русской истории // Родина. 2014. № 2.
8. Затилюк Я.В. Давньоруська історія на службі у київських церковних ієрархів середини – другої половини XVII ст.: політична риторика та статус митрополії // Український історичний журнал. 2012. № 6.
9. Кузьмук О.С. «Козацьке благочестя»: Військо Запорозьке Низове і київські чоловічі монастирі в XVII – XVIII ст.: еволюція взаємовідносин. Київ, 2006.
10. Флоря Б.Н. Воссоединение Украины с Россией в оценке современников // Славянский альманах 2004. М., 2005.
11. Российский государственный архив древних актов.
12. Степанов Д.Ю. «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50–60-е годы XVII века // Славяноведение. 2012. № 4.
13. Яковлева Т. Руїна Гетьманщини: Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ, 2003.
14. Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010.
15. Эйнгорн В.О. Иван Андреевич Шматовский, протопоп глуховский и его сношения с московским правительством (1653–1673 гг.) // Киевская старина. 1892. Т. 39. № 10.
16. Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.
17. Российская национальная библиотека. Отдел Рукописей (Далее – РНБ. ОР). Рукопись Q. XVII. 220.
18. Флоря Б.Н. О формировании идеологии украинской элиты во второй половине XVII в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1.
19. Мицик Ю.А. Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. 1991. № 5.
20. Флоря Б.Н. Борьба киевского духовенства за права православных в Речи Посполитой в первые годы после заключения Андрусовского мирного договора // Вестник церковной истории. 2014. № 1–2 (33–34).
21. Мыцык Ю.А. «Літописець» Дворецких – памятник украинского летописания XVII в. // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984.
22. Софонович Феодосій. Хроніка з літописців стародавніх / Підготовка тексту до друку, передмова, коментарі Ю.А. Мицика, В.М. Кравченка. Київ, 1992.
23. Флоря Б.Н. Митрополит Иосиф Тукальский и судьбы православия в Восточной Европе в XVII веке // Вестник церковной истории. 2009. № 1–2 (13–14).
24. Эйнгорн В.О. Очерки из истории Малороссии в XVII в. М., 1899. Т. 1. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича.
25. Козут З. Від Гадяча до Андрусова: осмислення «отчизни» в українській політичній культурі // Гадяцька унія 1658 року. Київ, 2008.
26. Алмазов А.С. Библиотека политического деятеля на Левобережной Украине второй половины XVII в. (на примере собрания книг гетмана И.С. Самойловича) // Библиотековедение. 2010. № 2.
27. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1884. Т. 8.
28. Костомаров Н.И. Руина // Исторические монографии и исследования. СПб., 1882. Т. 15.
29. Смолий В. Степанков В. Петро Дорошенко. Політичний портрет. Київ, 2011.
30. Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
31. Коцегаров К. Początek wojny polsko-tureckiej a stosunki polsko-rosyjskie w pierwszej połowie roku 1683 // Kwartalnik Historyczny. Rocznik CXII. 2005. № 1.
32. Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских казаков. Владимир, 1903. Т. 1.
33. Кочегаров К.А. Легенды и факты по истории славян и Древней Руси в интерпретации украинского гетмана Ивана Самойловича // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. М., 2010.
34. Тайрова-Яковлева Т.Г. До питання про історичні й територіальні уявлення козацької старшини наприкінці XVII ст. // Український історичний журнал. 2012. № 4.
35. Карнаухов Д.В. История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в. Новосибирск, 2009.
36. Ковальский Н.П. Известия по истории и географии Украины XVI века в «Хронике Сарматии Европейской» Александра Гваньини // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972.

37. *Gwagnin A.* Kronika Sarmaczej Europskiej, w której się zamyka królestwo Polskie ze wszystkiemi Państwami, Xięstwami i Prowincjami swemi; tudzież też Wielkie Xięstwo Lithew(skie), Ruskie, Pruskie, Żmudskie, Inflantskie, Moskiewskie i część Tatarów. Kraków, 1611.
38. *Gwagnini A.* Sarmatiae Europaeae descriptio, quae regnum Poloniae, Letuaniam, Samogitiam, Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam, et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. Kraków, 1578.
39. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, прототипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 2000.
40. *Bielski M.* Kronika Polska. Kraków, 1597.
41. *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Київ, 1996. Т. 9. Кн. 1.
42. *Флоря Б.Н.* Формирование новой социальной элиты украинского общества (вторая половина XVII – первая треть XVIII века) и два ее идеолога // Славяноведение. 2014. № 2.
43. *Кочегаров К.А.* Потери Войска Запорожского в Чигиринской кампании 1678 г. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., Вып. 2. 2011.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

Не позднее мая 1666 г. – Краткая редакция трактата с прибавлением описания украинских воеводств, составленная при участии киевского полковника В.Ф. Дворецкого накануне Андрусовских переговоров 1666–1667 гг.

(л. 59) Истинные доводы с кройник Кгвагвина о русской земли и о границах ея и о початку монархѣи русской сармацкого народа.

Роксоляны, рус^а или словяны от Яфета, сына Ноева, початок свой ведут, а потом от вандалов, якож описует Кгвагвин в предословіи своем. Российскому народу или словенскому великій Александер Македонскій грамоты надал державствовати всѣми краинами в Еропії, четвертой части свѣта, во вѣчные роды за их мужественное сердце, от полуношнаго Великого окіяну даже до полуденного Влоского Склянного моря. Чти о сем Гвагвина в предословіи. Привилей Александра, кроля македонского народови словенскому даный в кройніцѣ Марцина Бѣлского в книгах 1, 38, 15. Мы, Александер, Бога найвышшого Ювиша сын в небе, а Филипа, короля македонского, на земли, пан всходу аж до заходу слонца, от полудня до пулночи. Потлучител медских, перскіх, грецкіх, сѣрийских, бабилонских кролевствъ, крол над кролми, ксионже над ксонженты и пан над паны. Вам, освяченому поколеню кгенецкому албо словенскому милост, покой и поздоровене од нас и от наших намѣ (л. 59об.)сников будучих по нас у росправованно и порядку свѣта, прето ж есте нам приклонни были у вѣрности, правдомовны, без (з)брои статечны, военные, а нигды не уставаючіе. Даемо вам навѣчност вси краины од пулночного моря Великого окіяну Людоватого аж до моря Влоского Склянного полудневого, абы в тых краинах жаден не смѣлся садит, ани осѣдат, едно ваше поколеня, а если бы хто такі знайденый был з общих, нехай будет ваш подданный, або слуга с потомками своими навѣки. Данѣ в Александріи мѣстѣ нашего заложения над славною рѣкою Нилом, лѣта панованя нашего 12 з позволенем богов великих Ювѣша і Марса и богини Минервы. Кіевское княжене, Волын, Подол и Подляше до корони полское прилучено року 1569, лист 142 в кройніцѣ. Литовскіе князѣ данники и рабы князем киевским были. Лист 5 в кройниках Великага князтва Литовского. А потом стали пакта и граница литовскому князтву по Березѣн(у) реку, лист 108, з княженіем руским. Смоленском, Витепском и Полоцком, Новгородком (л. 60),

^а Первые буквы обоих слов написаны красными чернилами.

Галичем и всем Подолям, Львовом, Премьшлем, Ярославлем и всем Покутем, Люблином и всею Червоною Русю, Луцком, Володимером, Острогом, Изяславлем и всѣм Волыням владѣли сыны Владымера Святого, яко природные князѣ россійстѣ, читай лист 5 в кройницы Рускоя земля или 13 там же. Данило княз руский галицкий на Подолу королем был, имал сына Лва, що Львовъ закладавъ. Удѣльный княз был у своем княженіи, наслѣдник князей русских. Паина 66 о полскоя земли. Потом у малороссійском княженіи. Львовъ град главою был. Лист 77.

(л. 60об.) С книг третих в Гвагнинѣ на лѣст(е) 23 воеводство Кіевское^b так описует, що ся ткнет широкости тоей земли ест на пятьдесят мил полских, вниз над Днепром по Черкасы и Канев, аж до самого Очакова и замок татарскій, а вверх по Мозыр зо всѣм его повѣтом. Воеводства Браславского^c зособна не описал. В tych же книгах на картѣ 20 положил в повѣте Камянца Подолского и описал мѣста до того належачіе: Камянец, Бар, Межибож, Бережани, Теревовле, Хмелник, Браславль, Вѣница, Дзвинігород. Черниговское^d князтво так описал на карте 8, в описаню московского панства, Чернѣгов мѣсто и замокъ за Кіевом до которого належало Брин, Бранеск, Карачовъ, Курско, Почепъ, Рилско и Моровско недалеко Чернигова лежат, до того князтва з стародавна належачіе, так над рекою Десною, яко в сторону Гомля и Любеча. О(л. 61)гулом кладучи, того докладаю, же великій царь московскій до tych мѣст господарем ся tych мѣсть звалъ.

Россійская національная библиотека. Отдел рукописей. Рукопись Q.XVII.220.

№ 2

1685 г., январь. – Перевод краткой редакции «трактата В.Ф. Дворецкого», который был доставлен в Москву В.Л. Кочубеем.

(Л. 26) *Истинные доводы и свидетельства из летописцов Гвагнина по русской земле и о границах ее и от начала монархии русской сарматского народа.*

Роксоляне, русь и славяне от Афета, сына Ноева, начало свое производят, а после от вандалян, яко же описует Гвагнин в Предисловии. Россійскому народу или словенскому великий Александр, царь Макидонский грамоты дал державствовать всеми странами во Европии, четвертой части вселенной в вечные роды за их мужественное сердце (л. 27) от полунощнаго Великого акияна даже до полунощнаго Италиянского, чти о сем Гвагнина в Предисловии.

Привилей Александра, царя Макидонского народу славенскому, дан в хронике Мартына Белского, в книгах первых, лист 15-й.

Мы, Александр, Бога превышняго Зевеса сын в небе, а Филипа, царя макидонского на земли, государь востока даже до запада солнца, от полудня до полунощи, разоритель мидцких, персицких, греческих, сирийских, вавилонских царств, царь царем, князем и государь государем.

(л. 28)^e Вам, священному поколению сенескому или словенскому, милость, мир и поздравление от нас и от наших наместников будучих по нас управлений и порядку, прежде сего нам склонны были в верности правдоглаголивые, в збруе постоянные воинские и никогда не уступающие, даем вам на веки все краи от полунощнаго моря Великого окияна Ледоватого даже до моря Италиянского окияна

^b Красными чернилами перед словом поставлена точка, над словом – цифра 1 («ā»).

^c Красными чернилами перед словом поставлена точка, над словом – цифра 2 («v̄»).

^d Красными чернилами перед словом поставлена точка, над словом – цифра 3 («t̄»).

^e В левом верхнем углу листа смазанная подпись более темными чернилами и другим почерком: «Афанасью Протопопову и ...» (далее слово зачеркнуто, неразборчиво).

полуденного, дабы в тех краях никто не смел садити или оседати, токмо ваше поколение, а естли кто так сыщется из общих, да будет ваш подданный или слуга с потомками своими навеки. Писано во Александрии, месте нашем, заложенном над славною рекою Нилом, лета государствования нашего 12, со изволения богов великих Иовиса и Марса и богини Минервы^f.

Киевское княжение, Волын, Подолье и Подляшье короне полской совокуплены лета 1569, лист 142-й в кронике. Литовские князи подданные и рабы князем (л. 29) киевским были, лист 5-й в крониках Великого княжства Литовского. А потом стали договоры и рубежи Литовскому княжеству по Березу реку, лист 140-й, с княжением руским.

Смоленском, Витепском и Полоцком, Новгородком и Галичем и всем Подолием, Лвовом, Перемышлем и всем Покутием, Люблином и всею Червонною Русью, Луцком, Владимиром, Острогом, Изяславлем и всем Волынем владели сынове Владимира Святаго, яко природные князи росийские, чти лист 5-й кроники руские земли и первого надесять. Данило, князь руский галицкий на Подолье королем был, имел сына Лва, который Лвов заложил. Удельный князь был в своем княжении, наследник князей руских, лист 66-й «О полской земли». Потом в малоросийском княжении Лвов град был, лист 77-й.

РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90.

№ 3.

Конец 1684 – начало 1685 г. – Пространная редакция трактата, составленная, по всей вероятности, в гетманской канцелярии для посланца в Москву В.Л. Кочубея.

(Л. 14) *Истинные доводы ис кроник Гвагнина о русской земли и о границах ея, и о початку монархии русской сармацкого народа.*

Роксоляне, Русь или славяне от вандалов, а прежде от Афета, сына Ноева, початок свой ведут, яко же ясно глаголет Гвагнин в Предисловии.

Русь или сарматы всех народов храбрейшие были и добленственнейшие, яко же тот Гвагнин глаголет в Предисловии.

Русь или славяне еще лета от сотворения (л. 15) света 6370 году державу имевша во Европе, и какие первенственнейшая места осели, чти Гвангвина «О русской земли» лист 2.

Росийскому народу или словянскому великий Александр царь Макидонский грамоты подавал державствовати всеми странами во Европе четвертой части, в вечные роды для их мужественного сердца, от полунощного Великого окияна, даже до полудневного Италиянского, чти о сем Гвангвина Предисловие.

Русь или словяня прежние суть, нежели поляки во Европе, чти лист первый кроникаря княжения Руского.

Болеслав Храбрый, иже и Киев сожег и Врата Златые взял в Гнездно^g, с рускими князи рубеж сотвори по Днестр реку узакони, Гвангвин о сем глаголет «О полской земли» в тридесятом листу.

Казимер Первый корол полский племянник руский, понял себе в жену Марию дщерь Владимира Святаго росийского самодержца, а родную (л. 16) сестру князя Ярослава росийского Киевского, и в то время все отеческие руские княжения возврати, о сем чти лист 35-й «Полские земли».

^f Перед началом следующей строки следует косое отчеркивание.

^g На полях примечание переводчика «город полский».

Короли полские всегда во племяни суть со князи росийскими, лист 43-й. А что едино суть во вере и во мужестве и во сродстве, лист 30 «О полской земли».

Даниил князь русский Галицкий на Подолии король был, имел сына Льва, который Львов город заложил, уделный князь во своем княжении, наследник князей росийских, лист 66 «О полской земли».

Короли полские яко Владислав Второй всегда от князей росийских, яко от равнодержавных, себе помощи желаше противу всех ополчающихся на них, чти лист 51-й «О полской земли».

Лвов град – глава росийские земли, лист 77-й.

Киевское княжение, Волынь и Подляше Короне Полской присовокуплено лета от Христа 1569, лист 149-й.

(л. 17) Литовские князи подданы(е) и рабы князем киевским, лист 5-й в крониках Великого княжества Литовского.

Договоры и рубежи Великому княжеству Литовскому по Березину реку, лист 140-й в крониках о княжестве Литовском, с княжением руским.

Одонакер князь русский взял было Рим лета 470 по Христе, кроникарь руские земли, лист 2-й. Владел 14 лет.

Смоленск, Витепск и Полоцк, Новгород, Галич и все Подолие, Лвов, Перемышль, Ярослав и все Покутие, Люблин и всею Черною^h Русиюⁱ, Луцк, Владимир, Острог, Изяслав и всем Волынем владели сынове Владимира Святаго, яко природные князи росийские, чти лист 10-й кроники руские земли и лист 13-й там же.

О сем дивно поляком, руские земли наследниками называтися и всех вещей чюднейшая есть вещь лож соплетать и природных князей росийских чюждими (л. 18) достояния и отечества их творити, и странно есть мудрым во слове разнствовать, ибо на первом листе княжения московского росийского незнатным народом, князей росийских московских незнатными сотворих. Последи же в том же стихе свидетелствует, сам же против себе, яко от росийских князей походят. И добро глаголют: кажная лисица свой хвост хвалит и величает.

РГАДА. Ф. 229. Д. 90.

^h На полях примечание переводчика «Красною».

ⁱ В тексте ошибочно «Русии».

© 2015 г. Л.И. САЗОНОВА

«ДАННЫЙ РОССИИ ВОЕВОДО И ЧУДОТВОРЧЕ ПРЕДИВНЫЙ»:
СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ
В ЛИТЕРАТУРЕ МОСКОВСКОГО БАРОККО

В статье впервые анализируются труды Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и др., участвующие в литературном оформлении культа Сергия Радонежского. Установлено авторство ряда произведений. Появление этих сочинений актуально в контексте русско-турецких войн и идет в русле активизации почитания русских святых при Алексее Михайловиче и его наследниках.

The article is a pioneering analysis of the works by Simeon Polockij, Sylvester Medvedev and others involved in the literary design of the cult of St. Sergius of Radonezh. The article proves the authorship of several works. Appearance of these works was relevant in the context of the Russian-Turkish wars and related to the veneration of the Russian saints under Alexey Mikhailovich and his heirs.

Ключевые слова: Сергий Радонежский, Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, проповедь, силлабика, гимнографические жанры, историко-культурный контекст.

Не только исторические источники, церковное предание (житие, служба), иконопись запечатлели образ Сергия Радонежского. Образ этот получил широкое отражение в русской литературе и культуре. Особый интерес к нему наблюдается в последней четверти XVII в. в культуре московского барокко. В этот период раннего Нового времени, отмеченного новациями в системе жанров и в поэтике (см. подробно [1]), появляется ряд произведений, участвующих в литературном оформлении культа самого почитаемого русского святого. О преподобном Сергии писали не только в жанре проповеди, но и в силлабических стихах. Авторы – писатели-поэты – и те, чьи имена хорошо известны в истории литературы, и оставшиеся безымянными.

Несколько сочинений посвятил Сергию Радонежскому придворный поэт и проповедник, учитель царских детей Симеон Полоцкий (1629–1680). В 1675 г. он поднес царю книгу под названием «Словеса похвальная купно же и нравоучительная на двадесять и один праздник угодников Божиих»: «Государю царю и великому князю Александрию Михайловичю [...] всемирно врученная от сложившаго я трудолюбне мно[го]грешнаго иеромонаха Симеона Полоцкаго в царствующем граде Москве [...] В лето от создания мира 7183, от Рождества же по плоти Господа нашего Иисуса Христа 1675» [2. № 130. Л. 231]. В нее вошли торжественные слова на дни памяти святых, тезоименных членам царской семьи, а также наиболее почитаемых святителей русской православной церкви. Сборник до нас не дошел, но представление о его составе дает эпиграмматический цикл под названием «Еленхос» (лат. *elenchus* – оглавление), имеющий функцию стихотворного

Сазонова Лидия Ивановна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

«Оглавления слов, в книзе сей содержимых» (опубликовано: [1. С. 754–758]) и включающий четверостишные эпиграммы – двадцать одну по числу похвальных слов. Одна из них свидетельствует о том, что Слово двадцатое было посвящено Сергию Радонежскому:

Двадцатое слово СЕРГИЮ святому
преподобно пожившу отцу пречудному,
Наставнику иноков, егоже молбами
и ходатайством теплым буди, Христе, с нами
[2. № 130. Л. 233]

По-видимому, книга «Словеса похвалная...» была использована Симеоном при составлении им в 1676 г. сборника «Вечеря душевная» [3. С. 152–202], составленного из торжественных проповедей на праздники «господские», «богородичные», на дни памяти святых и на разные случаи церковной и светской жизни.

Слово похвальное Сергию Радонежскому вошло уже в первоначальное ядро «Вечери душевной», оно присутствует в авторской рукописи [2. № 658. Л. 22–26об.], кстати, наряду со Словами на дни памяти равноапостольного князя Владимира и святителей русской православной церкви – Саввы Сторожевского, митрополитов Петра, Филиппа, Алексея, Ионы. В процессе работы Симеон добавил в сборник проповеди об основателях Киево-Печерской лавры Антонии и Феодосии. В автографе (на верхнем поле 22-го листа, слева) есть помета рукой Симеона «przerisane», означающая, что текст Слова о Сергии Радонежском был переписан писцами в промежуточную рукопись [2. № 657. Л. 57–65]. В нее Симеон также внес правку, отметив записью «согеста» (л. 57, вверху справа). В 1683 г. беловая рукопись «Вечери душевной» [4] была опубликована (уже после кончины автора) под наблюдением Сильвестра Медведева в Верхней типографии. «Слово в день преподобного отца нашего Сергия чудотворца, игумена Радонежского» помещено в «Вечере душевной» в соответствии с календарным принципом композиции книги на день его памяти – 25 сентября [5. Л. 55–64об.].

Пространное, торжественное Слово выдержано в риторических традициях барокко с использованием в целях убеждения (*persuasio*) примеров и параллелизаций, приемов логизации, систематизации и аргументации с отсылками к Библии. Проповедующий голос возвещает, разъясняет, убеждает. Жизнь Сергия Радонежского, как и других святителей, являет собой пример нравственного совершенства и служит источником правильного богопознания. Его подвижнический путь изображается как неуклонное восхождение по «ступеням совершенства» (их семь), своего рода по лестнице, на верх горы, увенчанной храмом добродетели. На путь иночества отец Сергей встал, следуя наставлению Вседержителя: «Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имения твоя и даждь нищим, и имети имати сокровище на небеси, и гряди вослед мене». Сергей Радонежский, «яко же юноша он евангельский», принял «совет совершенства» и пошел «вослед Христа Господа радостно».

Первая ступень к совершенству – всегда иметь Господа «пред очима своими» и ходить перед ним, «яко сын пред отцем, яко ученик пред учителем, яко воин пред воеводою, и готов быти вся повеления его делом совершати». Преподобный отец Сергей ходил вослед Господа, ибо «ниществовал добровольно», и все свои дела совершал во славу Его, учил людей как добрый наставник врученного ему «стада ниществующих» истинной вере и благочестивому житию, очищая сердца людей «от терний грехов, от блата нечистоты, от камней соблазна».

Вторая ступень к совершенству – во всяких делах, радостных и печальных, подчиниться воле Божией и «глаголати: Да будет воля Твоя». Тот же, кто следует своей воле, никогда не сможет достичь совершенства, ибо «воля наша, прелщенная от лукавого демона, противных воли Господней обыче желати». Преподоб-

ный отец Сергей еще в юности отрекся от своей воли и в знак «отсечения ея» постригся – «и бысть монах, подавый себе воли Божией».

Третья ступень к совершенству – «умерщвление плоти». Прохождение через нее, описанное особенно обстоятельно, отмечено чудотворениями, о которых повествует Житие святого, получившее широкое распространение в рукописной традиции XV–XVII вв., а в 1646 г. впервые опубликованное [6] и вскоре, в 1653 г., переизданное. В детстве в среду и в пятницу Сергей не принимал «сосца и млека», что стало знаком начала его постнического жития. Жил он духовно, «подобясь великому святителю Николаю», на земле – небесно, в человечестве – ангельски, в младенчестве – мужественно. В детстве принял благословение от ангела, явившегося в образе старца. После кончины родителей создал молитвенный дом и, собрав братию, устроил общежительную обитель во славу Живоначальной Троицы. За добродетельное свое житие получил от Господа «силу многих чудес творения». Воскресил мертвого отрока, как некогда Елисей вернул вдовице сына. Как Илия в Сарепте Сидонской умножил вдовице муку и елей, так и Сергей, помолившись Господу об оскудевшей обители, получил «обилие велие [...] во препитание братии». Подобно тому, как Моисей жезлом высек из камня источник неоскудевающий, так и Сергей «изведе» к обители далеко отстоящую от нее воду. Наделенный даром пророчества, он предрек великому князю Димитрию победу «над агаряны». Во время богослужения замечен был ангел, «сослужая ему». На божественной литургии епископ Симон видел Сергия, объятого огнем, словно живущего в Боге, который и есть огонь. Преподобный отец Сергей удостоился также видеть Царицу Небесную, посетившую его с апостолами Петром и Иоанном и обещавшую неотступно хранить обитель Живоначальной Троицы и после преселения его «во обитель вечную».

Четвертая ступень к совершенству – смирение, при котором человек не хочет иметь «славу мира сего», как некогда Моисей, усыновленный дочерью египетского царя, отказался «нарицаться» сыном дочери фараона, или Иоанн Предтеча, когда его принимали за Христа, «не похищал» славы Господа своего. Доказывая, что смирение присуще и отцу Сергию, Симеон Полоцкий использует прием этимологизации имени собственного: Сергей означает «славный», «славен». Данное значение зафиксировано в «Лексиконе» Памвы Берынды (в изд. 1653 г.): Сергей – «славен», приведенная здесь дата памяти «сеп[темвриа] 25» указывает на то, что имеется в виду Сергей Радонежский [7. С. 231]. И действительно, рассуждает проповедник, святитель «славно прославися благочестным житием». Однако, даже когда слава о многих его чудесных деяниях просияла, как солнце, он «во ничтоже вменяше себе пред Богом». Не искал отец Сергей хвалы перед людьми, но только от Бога. И так благополучно прошел четвертую ступень.

Пятая ступень – отречение от страстей суетного мира. По слову евангелиста Иоанна: «Не любите мира, ни яже в мире». Зная это, отец Сергей «отвратил очи своя от мира» и от всей души возлюбил «единого Господа». Так он «добре» преодолел пятую ступень совершенства.

Шестая ступень – все свои намерения полагать в Боге и все совершать ради его обретения, как сказано у псалмопевца: «Взыщите Бога и жива будет душа ваша» (Пс 68:33). Если кто постится или милостыню творит, либо труды тяжкие подъемлет, – все это должно совершать ради Бога, но не ради уловления славы человеческой. Во все дни своей жизни преподобный Сергей лишь в Боге «всяких дел своих намерение полагал».

И, наконец, седьмая ступень к совершенству – целиком вручить себя божественному промыслу, по слову Псалма 54: «Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает» (Пс 54:22). Господь всех питает – и птиц небесных, которые не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и святых отцов, удалившихся в пустыни, «во вертепы земные», где Он не оставил их ни голодом, ни холодом умирать. Преподобный отец Сергей всегда уповал на Господа и не услышал от него

«отречения». Помолвившись во время оскудения обители, получил «обилие дивное». Патриархи Авраам, Исаак и Иаков копали землю, чтобы добыть воду, отцу же Сергию нужно было лишь помолиться, чтобы пробился обильный целебный источник. Многие другие неизреченные чудеса содеял по его молитве Господь. И даже время кончины праведника от того не утаил, но известил о ней за шесть месяцев.

Перейдя последнюю ступень совершенства, отец Сергий взошел на превысокую гору божественных добродетелей, а с нее – на гору небесную, от земной обители Живоначальной Троицы в обитель небесную. Душою же он «взыде» в горный Сион, где украшенный ризою славы предстал перед престолом Божиим, моля Господа о всех чтущих его священную память.

Проповедник обращается к Сергию с призывом выступить ходатаем перед Богом за царя, церковь и народ. Воззвание открывается каскадом определений, характеризующих подвижническую личность святителя: «О, великославный отче наш Сергий! О, совершенный в добродетелех человече! О, дивный подражателю Отца нашего небеснаго! О, преблагий наставниче иноков, образе пустынножителей, устройтелю общаго жития, всех правоверных скорый помощниче и заступниче, Царя Небеснаго умилоствителю! Пролий ныне теплую твою молитву о нас, грешных, ко Господу, яко да презрев вся согрешения наша отеческое свое нам отверзет благоутробие. Во-первых же, да подаст благоверному государю нашему царю здравие Моисеево, лета, его веку равная, силу Сампсонову, мир Соломонов, обладание Августово, славу Александрову, победы на враги, яко царю Константину на Максентиа, яко Давиду на Голиафа. И вся благая желания сердца его да исполнит. Благодетельную державу его да расширит и укрепит. Церковь свою святую непозыблему да сохранит. Обилие всяческих плодов земли да дарует. И рог православных, благодетельное воинство да укрепит. И вся правоверная христианы да спасет и помилует, яко един благий Бог и человеколюбец».

Симеон Полоцкий написал также эпитафию – «Надписание гробное преподобному отцу нашему Сергию Радонежскому чудотворцу». Текст имеет форму элогиума, образуемую сочетанием прозы, коротких и длинных строк, силлабических стихов и неравносложных рифмующихся строк. Содержание раскрывается как ответ на вопрос, поставленный в начальных строках:

Что зде видиши, путниче благодетельный?
Гроб негли и в нем мертвец лежаща.
Чювственно убо тако,
Но мысленно инако.

Мысль о том, что в гробу покоится не мертвец, но Сергий «сном честным на ложи почивает», варьируется на всем пространстве текста. Сергий жив, он – среди ликов ангельских, «бдит святою душою на небеси», ходатайствуя перед Богом

во утвержение царствия и супостат побеждение,
в защиту христиан благодетельных,
в поражение агарян нечестивых.

Его молитвами немощные обретут здравие, печальные получают утешение, обиженные – избавление, а грешные – спасение.

Как и в Слове похвальном, здесь присутствуют и образ храма добродетели, и прием этимологизации имени. Гроб, который мы видим «чювственными зеницами», открывает «во ковчезе» мысленному взору сокровище божественных даров, что «на горе сей чювственной», а наверху горы – «добродетелей храмину». Значение же своего имени – «славен», «славный» – Сергий многократно оправдал не только чудотворениями, совершенными в земной жизни. «Во свет славы и в славу света» он облечен и у престола Отца Небеснаго, ходатайствуя о «благоверном царе нашем».

«Надписание гробное» Сергию Радонежскому находится в белой писцовой рукописи «Книга приветствы на господския и на иныя праздники и иныя речи разныя» [2. № 229. Л. 388–388об.], содержащей сочинения Симеона Полоцкого: приветственные речи по случаю Рождества, Нового года, Пасхи, дней святых, а также по поводу знаменательных событий в общественной и придворной жизни, ритуально-обрядовых ситуаций. Некоторые из этих текстов могли использоваться как готовые образцы в коммуникативной практике и для этой цели предназначались (см. подробно [1. С. 145–165]). К ним относится и «Молитва к преподобному отцу Сергию Радонежскому». Она открывается обращением к святителю: «О великий заступниче рода христианскаго, теплый ходатаю ко всещедрому Богу о всех православных, неусыпный сохранниче рода Российскаго...». «Молитва» составлена от лица неопределенного «аз, многогрешный», и всякий мог обратиться с нею к святителю. Особая часть молитвословия, следующая в рукописи через пробел строки, – воззвание к Сергию выступить ходатаем за «благовернаго государя нашего царя», царицу, царевичей, царевен, патриарха, «испросить им здравие телесное, спасение душевное, мирное царствование, державы утверждение». Имена, однако, не названы, вместо них значится «имрек», что позволяло встраивать молитву в соответствующий исторический контекст. Завершается она призывом к Сергию Радонежскому «умолить» у Господа всем православным христианам единство веры, «расколов истребление, крепость в бранех, здравыя во мире советы, племен разширение, градов утверждение, земли благоплодие» ([2. № 229. Л. 389–390об.] публикуется в приложении).

Текст молитвы к Сергию Радонежскому «О великий заступниче рода христианскаго...» читается также в списке конца XVII в. ([2. № 2. Л. 19–21]; описание рукописи см. [8. С. 306–307. № 511]) и в двух рукописях из книжного собрания Петра Великого, написанных в 1689 г. писцом Викентием, архимандритом Троице-Сергиева монастыря, и вложенных им в церковь Троицы «ко гробу преподобнаго отца Сергия Радонежскаго чудотворца» [9. № 86. Л. 19–24об.; № 87. Л. 17–22об.] (описание рукописей см. [10. С. 119–120]).

Составленная Симеоном Полоцким «Молитва к преподобному отцу Сергию Радонежскому» до сих пор бытует в церковном обиходе, ее текст, сопровождаемый записью «Сия молитва читалась настоятелем Обители», воспроизведен на сайте Троице-Сергиевой Лавры [11] по рукописи ГИМ [2. № 2. Л. 19–21]; в результате конъюнктурной правки опущена часть, содержащая упоминание царя, членов царской семьи и патриарха; наблюдается также пропуск фразы «Буди исхититель души моя из насытних челюстей волка геенскаго», отсутствующей и в упомянутой рукописи.

И, наконец, Симеон написал также «Молитву к Святой и Живоначальной Троице» от лица самого Сергия Радонежского, ходатайствующего перед Богом за Россию и царя Алексея Михайловича: «Спаси люди твоя Российския и благослови достояние твое. Соблуди благовернаго царя Алексия на многа лета в здравии и крепости и во благоденствии. Покори под нозе его всякаго врага и супостата, утверди престол его во век века [...] Соблуди, Господи, благоверную царицу имрек [...]» ([2. № 229. Л. 391–391об.] публикуется в приложении)¹. Отсутствие имени царицы и появление на его месте «имрек» объясняется, по-видимому, тем, что «Молитва» была написана в период между 1669 г., когда скончалась царица Мария Ильинична Милославская, и 1672 г., когда царь Алексей Михайлович сочетался вторым браком. Авторство Симеона в составлении обеих «Молитв» (к отцу Сергию и от его лица к Троице) оставалось до сегодняшнего дня не установленным.

¹ «Молитва» от лица Сергия Радонежского к Троице, составленная Симеоном Полоцким, читается также в списке конца XVII в., однако упоминание имени царя Алексея Михайловича здесь отсутствует [2. № 2. Л. 8–9].

Созданием нескольких произведений, посвященных Сергию Радонежскому (похвальное слово, эпитафия, молитвы), Симеон Полоцкий внес определяющий вклад в литературное оформление культа великого подвижника.

Другой придворный поэт – Сильвестр Медведев (1641–1691), ученик Симеона Полоцкого, выполняя ответственное поручение царевны Софьи Алексеевны, составил Акафист Сергию Радонежскому, что следует из текста на заглавном листе рукописи: «Кондаки и икосы преподобному отцу и чудотворцу Сергию Радонежскому. Повелением богомудрыя и благоверныя Великия Государыни Царевны и Великия Княжны Софии Алексиевны всея Великия и Малыя и Белыя России самодержицы, на славу великолепнаго имени святыя Троицы и на честь тоя благаго раба и вернаго служителя. Новосотворены и написаны в царствующем и богоспасаемом граде Москве в лето от создания мира зрѣз [=7197]-е, от воплощения же Бога Слова ахѣ-е [=1689] месяца маиа в 28 день». Приведенная далее инициальная аббревиатура «М:Н:Г:С:М:», которой завершается текст титульного листа, указывает на авторство акафиста: «М[онах] Н[едостойный] Г[рѣшный] С[ильвестр] М[едведев]» ([9. № 85. Л. 4]²; далее ссылки на цитаты из Акафиста приводятся в тексте в круглых скобках; описание рукописи см. [10. С. 118]).

Знаменательно появление Акафиста Сергию Радонежскому в мае 1689 г., когда во время второго Крымского похода русские войска под предводительством князя В.В. Голицына вплотную подошли к стенам Перекопа. В разгар русско-турецкой войны особую актуальность приобрела тема борьбы с «агарянами». В надежде на духовную помощь царевна-правительница обратила свои взоры к фигуре преподобного Сергия Радонежского как защитника Русской земли, к которому всегда прибегали «во бранех». Организованное царевной Софьей литературное предприятие – создание Акафиста подвижнику – являлось делом государственным и служило идеологическим сопровождением военной кампании.

«Данный России воеводу и чудотворче предивный» (Л. 4об.), «всея России увеселение» (Л. 11), «великославный Российский наш заступниче» (Л. 15об.) – такие обращения-определения сопровождают образ Сергия Радонежского в Акафисте. С благодарностью и похвалой вспоминается молитвенная помощь святителя во всех ратных делах: «молитвами твоими от нашествия иноплеменных и скорбных обстояний нас присно избавляеши» (Л. 4об.). Содержание повествовательной части одного из кондаков составляет исторический эпизод о пророчестве грядущей победы в Куликовской битве: «Силою, данною ти свыше, будущая яко настоящая созерцая, возвещал еси и великому князю Димитрию о победе многочисленных прегордых агарян, хотящих Россию огнем и мечем опустошити, прорекл еси. И от своего си иноческаго лика дву монахов на противных в помощь дал еси. И молитвою твоею святою ко Богу выну вопия, на агаряны побѣду сотворил еси» (Л. боб.).

То, что царевна Софья обратилась к С. Медведеву с поручением написать Акафист Сергию Радонежскому, неудивительно, учитывая ее благочестие, интерес к истории и богословию. Будучи еще 13-летним подростком, она «прилежно» прочитала рабочую рукопись книги Симеона Полоцкого «Венец веры» (1670–1671), содержащей свод богословских знаний о мироустройстве, и, оценив духовную пользу сочинения, повелела изготовить белой экземпляр (см. «Рифмологийон» [2. № 287. Л. 395–395об.]).

Акафист С. Медведева строго соблюдает композицию данного гимнографического жанра и включает 25 строф, из которых нечетные тринадцать – кондаки, четные двенадцать – икосы. Кондаки имеют повествовательно-благодарственный характер и завершаются восклицанием «Аллилуйя», обращенным к Богу, за ис-

² Текст Акафиста Сергию Радонежскому, составленный С. Медведевым, помещен в Интернете [12] без указания имени автора и с конъюнктурной правкой, устранившей упоминания о царе и царстве; отсутствует также текст, приведенный на титульном листе подносной рукописи.

ключением кондака 1-го, где в отступление от традиции звучит в качестве финальной фразы то же самое приветствие Сергию, которым увенчиваются все икосы. В заключительном, 13-м, кондаке автор Акафиста просит святителя Сергия принять сие «приношение» и «силу свыше православному воинству на агаряны подати». Обязательную принадлежность структуры икосов составляют хайретизмы, объединенные попарно, – обращения к воспеваемому святому в звательном падеже, начинающиеся приветствием «Радуйся...» (Χαίρε): «Радуйся, скорый помощниче призывающим тя во бранех православным; радуйся, молитвою твоею Российскому царствию победы на противных подавая» (Л. 9) и т.д. В каждом икосе в Акафисте С. Медведева по шести пар таких возгласий, подобная структура представляет, по словам исследователя современных акафистов, «идеальный случай», «общая тенденция – наличие трех-четырёх пар хайретизмов» [13. С. 59]. Икосы завершаются рефреном, в котором хайретизм соединяется с именем святого. В Акафисте С. Медведева лейтмотивом звучит остающаяся неизменной во всех икосах последняя строка: «Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче» (Л. 4об.–16).

Источником для составителя акафиста служит Житие святого, повествовательные эпизоды которого преобразуются в соответствии с гимнографической формой. Несомненна преемственность текста Акафиста С. Медведева с Житием Сергия Радонежского, составленным Епифанием Премудрым. К нему восходит, в частности, характеризующая Сергия метафора «земной ангел, небесный человек», применявшаяся впоследствии и другими авторами.

«Новосотворены» кондаки и икосы написаны С. Медведевым не без влияния также Слова похвального Сергию Радонежскому, составленного Симеоном Полоцким. С. Медведев, как известно, являлся наследником рукописного архива и библиотеки своего учителя, курировал издание его сочинений в Верхней типографии, в том числе, как уже отмечено, и «Вечери душевной», в составе которой находится Слово на день памяти Сергия Радонежского. Прямые цитаты из него обнаруживаются в Акафисте С. Медведева, например, в кондаках 10 (Л. 13, ср. [5. Л. 58]), 11 (Л. 14, ср. [5. Л. 59об.]), 12 (Л. 15об., ср. [5. Л. 64об.]); в икосах 2 (Л. 6, ср. [5. Л. 60]), 9 (Л. 12об., ср. [Л. 56]), 10 (Л. 13об.–14, ср. [5. 58об.]) и 11 (Л. 14об., ср. [5. Л. 64]), что соответствует его технике работы с текстами своего учителя (см. подробно [1. С. 186–194]). Приведем один пример. В Слове похвальном Симеона Полоцкого в качестве одного из способов достижения духовного совершенства предлагается след за советом апостола Павла (Кол 3:5 – «умертвите земные члены ваши [...] злую похоть») «умертвление плоти»: «Мертву сотворите гортань на приимание сластей. Мертв сотворите язык на глаголение скверных, клеветных и ложных. Мертвы сотворите уши на слушание душевредных. Мертвы сотворите руки на грабление и всяких злоб деяние. Мертво сотворите чрево на объядение и пьянство. Мертва сотворите чресла на нечистоту. Мертвы содейте ноги на течение в путь грешников на совет нечестивых» [5. Л. 58об.]. Текст этот приспособлен С. Медведевым к гимнографической форме:

«Радуйся, мертву соделавый гортань на приимание сластей; радуйся, мертв сотворивый язык на глаголение скверных, клеветных и ложных.

Радуйся, мертвы устроиый уши на слышание душевредных; радуйся, мертвы содей руки на грабление и всяких зол творение.

Радуйся, мертво сотворивый чрево на объядение и пианство; радуйся, мертва соделавый трудами чресла своя на нечистоту.

Радуйся, мертвы сотворивый ноги на течение в путь грешников и на совет нечестивых» (Икос 10. Л. 13об.–14).

Впечатляющий пример грандиозной анафорической конструкции, основанной на хайретизмах, являет гимн «Преподобному Сергию отцу из рифм молебнѣ...»

(конец XVII в.)³, где на протяжении 100 строк (из 120) нанизываются приветствия, начинающиеся восклицанием «Радуйся...». Риторический прием такого обращения, составляющий, как уже отмечено, принадлежность структуры акафиста, распространен практически на весь текст гимна, написанного 11-сложником с цезурой после пятого слога. Церемониальность слова и воздание причитающейся святому чести соединяются в образных именовании с рассказом о жизни Сергия, не лишенном конкретных исторических деталей. От строки к строке определения складываются в последовательное описание, которое охватывает все предусмотренные жанром жития моменты жизни святого (рождение, крещение, стяжание мудрости, монашеские подвиги, посмертные чудеса): «[...] Радуйся, прошед утробны чертоги. / Радуйся, рожден в предстательства многи. / Радуйся, прияв крещения тайну [...] / Радуйся, обще житие составлши. / Радуйся, в блазе путь братию управлши [...]» [14. Л. 240об., 242]. Пророчество святого о великой победе Дмитрия Донского отмечено строками:

Радуйся, князя	Дмитрия увестив,
Радуйся, храбрством	на Мамаю вооружив,
Радуйся, побив	молитвами татар...

[14. Л. 242].

Риторические фигуры, служащие целям эмфатизации поэтического высказывания – анафоры, параллелизмы, метафорические значения слов, устанавливают семантические связи между стихотворными строками, образуя словесное узорчье, напоминающее стиль «плетения словес». Стихи поэтов барокко располагаются на риторической линии «словоизвития», идущей еще из Средневековья, в русской литературе – от Епифания Премудрого. Гимнографические цитаты и формулы функционируют в стихах как один из риторических приемов развития темы, служа цели панегирической, экзегетико-дидактической и эстетической одновременно.

Гимн «Преподобному Сергию отцу из рифм молебнѣ...», построенный на использовании приема, принадлежащего поэтической природе гимнографического жанра акафиста, выходит, однако за рамки традиции, образуя отдельное ответвление от нее. В период раннего Нового времени, ставшего прорывом в мир новых литературных форм (см. [1]), литургические формулы и цитаты, гимнографические жанровые образцы выполняли в качестве прецедентных текстов культуротворческую роль при формировании новых жанров в русской литературе и их поэтического языка [15. С. 487–501; 16. С. 173–195].

В литературном оформлении культа Сергия Радонежского приняли участие такие высокообразованные представители русской православной церкви, как Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев, создавшие произведения, которые и сейчас находятся в церковном обиходе. Изучение их рукописного наследия позволило установить авторство эпитафии («Надписание гробное преподобному отцу нашему Сергию Радонежскому чудотворцу»), молитв к Сергию Радонежскому («О великий заступниче рода христианскаго...») и от его лица к Троице, Акафиста (начало кондака 1: «Возбранный от Царя сил Господа Иисуса, данный России воеводу...»).

Через все тексты последней четверти XVII в., участвующие в литературном оформлении культа Сергия Радонежского, проходит мысль, особенно актуальная в контексте русско-турецких войн, о святом подвижнике как защитнике Русской земли и духовном помощнике в борьбе с «агарянами». Появление новых сочинений, посвященных преподобному отцу Сергию, идет также в русле активизации

³ Текст сохранился в бумагах Кариона Истомина [14. Л. 240–242об.]. Однако наличие полонизмов («витана», «витавши»), сбоя в рифмовке («именовав» / «зван»), случай фонетического письма («ва веки») ставят под сомнение его авторство.

почитания русских святых в период правления царя Алексея Михайловича и его наследников.

В приложении публикуются составленные Симеоном Полоцким молитвы к Сергию Радонежскому «О великий заступниче рода христианского...» и от лица Сергия «к Святой и Живоначальной Троице» по рукописи последней четверти XVII в.; рукопись в 2°, почерк – полуустав. Текст передается по правилам, принятым в «Трудах Отдела древнерусской литературы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
2. ГИМ. Синодальное собрание.
3. Елеонская А.С. Работа Симеона Полоцкого над подготовкой к печати книг «Обед душевный» и «Вечеря душевная» // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / Гл. ред. А.Н. Робинсон. М., 1982.
4. РГАДА. Ф. 381. Синодальная типография. № 503.
5. Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. М., 1683.
6. Службы и Жития и о чудесах списание преподобных отец наших Сергия Радонежского чудотворца и ученика его преподобного отца и чудотворца Никона. М., 1646.
7. Лексикон словенороский Памви Беринди / Підг. тексту і вступ. ст. В.В. Німчука. Київ, 1961.
8. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1917. Отд. 3. Книги богослужебные. Ч. 2.
9. БАН. Библиотека Петра I. Рукописные книги. П I А.
10. Лебедева И.Н. Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб., 2003.
11. URL: <http://www.gorod-zagorsk.ru/mess054.htm> (дата обращения: 01.11.2014).
12. URL: <http://akafist.ru/saints/sergij-radonezhskij/akafist> (дата обращения 01.11.2014)
13. Людоговский Ф.Б. Церковнославянский акафист как современный гимнографический жанр: структура, адресация, функционирование // Славяноведение. 2004. № 2.
14. «Преподобному Сергию отцу из рифм молебнѣ...» – ГИМ. Чудовское собр. № 301.
15. Отражение церковных песнопений в панегирических контекстах «Рифмологиона» Симеона Полоцкого // Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für H. Rothe zum 80. Geburtstag / Hrsg. von D. Christians, D. Stern und V.S. Tomelleri. München; Berlin, 2009. (=Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe. Bd. 3).
16. Православная литургия в поэтическом творчестве Симеона Полоцкого // Симеон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць (матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі 19–20 лістапада 2009 г.). Полацк, 2010.

Молитва к преподобному отцу Сергию Радонежскому

О великий заступниче рода христианского, теплый ходатаю ко Всещедрому Богу о всѣх православных, неусыпный хранниче рода Российского, скорый во бѣдах всем, к тебѣ с вѣрою и любовию притекающих помощниче, отче святой, от Отца Небеснаго чадом твоим данный, богомудрый наставниче иночествующих, прекрасный образе постников, свѣтлое зеркало добродѣтелей, столпе цѣломудрия непозыблемый, священная главо, преподобне Сергие!

Се аз, многогрѣшный, к тебѣ, скорому помощнику, во умилении сердца моего прибѣгаю и во глубоцѣ души моя смиренни мил ся тебѣ дѣю. Моли Всемилостиваго и Всещедраго Человѣколюбца Бога о мнѣ, грѣшном, яко да по многим своим щедротам очистит беззакония моя и от грѣх моих омые мя, да не тѣх ради скверны отвержен буду пречистаго Града Небеснаго. Призри на вѣру мою, яже к тебѣ, и настави мя на стезю заповѣдей Божиих, да поне отнынѣ шествую путем жизни вѣчныя. Буди мнѣ, заблудшему, вождь во Царствие Небесное. Буди исхититель души моя из насытных челюстей волка геенскаго. Буди управитель корабля жизни моя к тихому пристанищу. Ты, богомудрый отче, прежде, неже свѣтъ чувственный узрѣл еси, Истинный Свѣтъ Бога, во Троицѣ Святѣй славимаго, прославил еси, егда во чревѣ матернем трижды возгласи.

Сотвори убо, да и аз, помраченный грѣхов тмою, Свѣтъ Невещественный Трисиятельнаго Единаго Божества выну прославляю троичею души моя, трети ея силы: памятию, разумом и волею. Разум утверди, еже заповѣди Божия разумѣти.

Память укрѣпи, еже вся Его благодѣяния, нас дѣла сотворенная, по вся дни живота моего, вечер и утро, воспоминати благочестно и благодарствие приносити. Волю настави, еже Божию волю всегда совершати и та выну хотѣти, яже Его святому угодна суть хотѣнию.

Еще, о, наставниче мой предобрый, усердными молю твою благостыню слезами, настави ко славословию Пребожественныя Троицы грѣшныя и окаянныя жизни моя троицество: помышление, слово и дело. Умоли Бога-Отца Небеснаго, яко да мене, дѣло руку Своєю, обратит на дѣлание повелѣнии Своихъ Божественныхъ. Упроси Единороднаго Сына Его, Бога-Слова, да устнѣ мои отверзет, еже выну слово славы Его глаголати и никогда же гнила слова от уст моихъ испущати. Умилостиви во видѣ огненныхъ языкъ являшагося Всесвятаго и Животворящаго Духа, яко да огнемъ благодати Своєю помышления в сердце моемъ, аки злато во горнилѣ, очистит и сотворитъ мя достойно жилище пребывания Своего.

Увы мне, яко рабъ грѣха бѣхъ аз, доселе сластями искушаемъ и демономъ прелщамъ, но отнынѣ каюся от всея души моя и плачюся дѣломъ моихъ горко, отвращаюся от беззаконии моихъ множества, обращаю же ся всѣмъ сердцемъ моимъ к Единому Богу моему и Творцу, имѣя предприятие во умѣ истинное Ему Единому выну служить.

Точию ты, скорый помощниче, о, святыи отче Сергие, помози ми, окаянному, святымъ ти пособиемъ и буди споручникъ у Всещедраго Бога о моемъ исправлении. Ей, отче святыи, невозвратну имамъ волю и намѣрение, еже не к тому грѣху работати и усердно хошу Божиихъ заповѣдей нелѣностный дѣлатель быти, но врагъ лукавый боретъ мя страсти безпрестанно, телесными и житейскими услаждениями прелщаетъ.

Ты убо, крепкий демоновъ силы побѣдителю, в годъ борьбы моя помози ми, да не речетъ врагъ мой: укрѣпихся на нь. Изнемогающа мя укрѣпляй, падающа поддержи, падша воздвигни и утверди нозѣ мои, еже право ходити в пути воли Божия, и вождствуй мя сам, яко добрый пастырь свое овча, до послѣдняго моего издыхания пасый неоскудно пажитыми благодатей Божиихъ.

По разлучении же души моя грѣшныя от сквернаго сего тѣлесе исходатайствуй ми у Царя всѣхъ Бога в селениихъ праведныхъ водворение, да и аз, грешный, тобою сподобленъ буду пѣти и воспѣвати со всѣми святыми Бога, во Троицѣ Святыи славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа, во безконѣчныя вѣки вѣковъ. Аминь.

Паки ко твоему благоутробию, преблаженне отче Сергие, смиренно припадаю и прилѣжно милъ ся дѣю. Поминай непрестанно во твоихъ святыхъ молитвахъ предъ Страшнымъ престоломъ непреступнаго Бога, егоже трепещутъ херувими и трясутся серафимы, поминай благовѣрнаго Государя нашего Царя и Великаго Князя имрк и благовѣрную Государыню нашу Царицу и Великую Княжну имрк, и благовѣрныя Царевичи, и благородныя Царевны и испроси имъ здравие телѣсное, спасение душевное, мирное царствование, державы утверждение, подчиненныхъ благопокорение, враговъ смирение и всѣхъ благожелаемыхъ удобное получение.

Поминай и святѣйшаго патриарха нашего имрк. Купно вся преосвященны митрополиты, архиепископы и епископы, преподобныя архимандриты и игумены, и весь чинъ священнический, диаконский и иноческий, и весь причетъ церковный. И исходатайствуй имъ, правяшымъ, доброправление, правимымъ повиновение, всѣмъ по сану и чину благополезное пребывание. Не забуди и пресвѣтлаго царскаго сигклита, благочестивыхъ князей и бояр, и всего христоролюбиваго воинства, и всѣхъ христианъ православныхъ, со вѣрою и любовию к священной рацѣ многоцѣлебныхъ ти мощей прибѣгающихъ и повсюду имя твое прославляющихъ. И умоли имъ у Всемилостиваго Господа долготу дний живота, миръ душевный и тѣлесный, любовь нелицѣмѣрную, вѣры святыя кафолическия единство, расколовъ истребление, крѣпость во бранѣхъ, здравыя во мирѣ совѣты, племенъ разширение, градовъ утверждение, земли благоплодие, воздуха благорастворение и всѣхъ полезныхъ ко спа-

сению приобрѣтение. Да вси твоим предстательством здѣ безбѣдно и благочестно живуще, Божию угодяем благоволенію и во премирных от его десницы желаемое восприемше воздаяние, вѣчно Ему воспоем славословіе. Аминь.

Молитва к Святѣй и Живоначалнѣй Троицѣ от преподобнаго отца Сергія

Безначальный и Присносущий и Всемогущий Господи Боже и Отче Вседержителю Боже-Сыне, искупителю мира, Боже, душе святый утѣшителю и просвѣтителю рода человѣча, Единый по существу, в Троицы святых ипостасѣй пребывай, Истинный Боже, создавый человѣка по образу и по подобію своему, причастія ради и благодати твоея божественныя, и в население мѣста на небесѣх, из него же низриновени быша супротивлишиися гордостію духове. Славою небесных дарований украсивый и честию обладания мира почтый его и падшаго не отринувый до конца, но по твоим естественным щедротам и милосердію взыскавый и на первое достоинство возведый Сам, Владыко Человѣколюбче, и нынѣ яви твое человѣколюбие непреложное, покажи благоутробіе неизмѣнное и никогда же оскудѣваемое. Одиви милость твою непобѣдимую на избранном твоём стадѣ. Утверди милосердіе твое неизреченное на рабѣх твоих, вѣрою тебѣ служащих. Сохрани святую и апостолскую церковь во вѣки непозыблему, яко да и врата ада не одолѣют ей.

Спаси люди твоя Россійскія и благослови достояніе твое. Соблуди и благовѣрнаго Царя Алексія на многа лѣта в здравіи, в крѣпости и во благоденствіи, покори под нозѣ его всякаго врага и супостата. Утверди престол его во вѣк вѣка и посади на нем от плода чрева его и сыны сынов его до всемирнаго премѣненія. Соблуди, Господи, благовѣрную Царицу имрк, благородныя Царевичи и благовѣрныя Царевны в здравіи, долгоденствіи и во всяком благополученіи.

Спаси, Царю Небесный, имже вручил еси паству словеснаго стада твоего: святѣйшаго патриарха имрк, преосвященныя митрополиты, архиепископы и епископы, преподобныя архимандриты и игумены, и весь чин священнический, диаконский, иноческий и весь причет церковный. Снабдѣвай, Всемилолюбиве Творче, святую обитель сию до кончины вѣков, яко виноград свой, емуже мною, рабом твоим, изволил еси насажденну быти.

Подаждь, Всещедре Господи, благочестивым князем и бояром единомыслие и благосовѣтіе, воем – крѣпость непобедимую.

Всѣм же православным христианом – здравіе, мир и благолѣпіе, вся нужная во изобилии, изряднѣ же оставленіе согрѣшеніи и вся, яже суть в ползу спасенія.

На землю же достоянія твоего низпосылай росу доброугодную, дождь благовременный, вѣтры здравія, обиліе земли обѣтованныя. Да тако людие твои, имуще благочестіе, со доволством благодареніе тебѣ, всяких благ сподобителю, выну возсылают, славят же и воспѣвают всехвалное Имя твое здѣ, на мѣста обителей тобою уготованных им, хвалят тебе, Бога в Троицы Единаго, и славят с небесными силами и со всѣми, от вѣка тебѣ угодившими, в безконечныя вѣки вѣков. Аминь.

ГИМ. Синодальное собр. № 229. Л. 389–391об.

© 2015 г. В. С. ЕФИМОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КАЛЬКИРОВАНИЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Автор рассматривает явление калькирования в старославянском языке в контексте словообразования и делает попытку показать, что если в композитах соположение двух знаменательных корней, диктуемое греческим образцом, может указывать на процедуру калькирования, то однокорневые дериваты по большей части образовывались древними славянскими книжниками независимо от греческих образцов.

The author considers the phenomenon of calques creation in the Old Slavonic language in the context of word-formation and strives to demonstrate, that, on the one hand, in composita juxtaposition of two autosemantic root morphemes, determined by Greek samples, might imply the procedure of calques creation, on the other hand, one-root derivatives were mainly created by medieval Slavic bookmen independently from the Greek samples.

Ключевые слова: старославянский язык, калькирование

Изучение старославянских калек началось в конце XIX в., и уже исследование В. Ягича 1898–1899 гг. можно расценивать как основополагающее [1]. В XX в. калкам с греческого в древнеславянских рукописях много внимания уделяли в своих работах Л.В. Вялкина [2; 3], М.М. Копыленко [4], Л. Мошинский [5], М. Тихова [6], Р.М. Цейтлин [7; 8], А. Минчева [9], Е.М. Верещагин [10], М.И. Чернышева [11; 12] и другие. Тем не менее вопрос, что является калками в старославянском языке, не представляется решенным, а подходы к его решению не кажутся верными.

Классификации старославянских калек с греческого, данные в монографиях К. Шуманна 1958 г. [13] и Н. Молнара 1985 г. [14], считаются «классическими» и до сих пор пользуются авторитетом у палеославистов¹, однако применение их к старославянскому материалу устраивает, видимо, не всех. Е.М. Верещагин предпочитает писать не о «семантических калках», а о «транспозиции», калькирование часто называет «поморфемным переводом» [10. С. 18–19; 40–41].

Ефимова Валерия Сергеевна – д-р филол. наук, заведующий отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН.

Статья написана в рамках работ по проекту сотрудничества РАН и АН ЧР «Исследования в области палеославистики: влияние греческого языка на формирование старославянского лексического фонда; палеографические исследования памятников письменности».

¹ См., например, далее о теоретических установках недавно опубликованной статьи Т. Илиевой.

Р. Вечерка также пишет не о «семантических кальках», а об «эксцессивной семантической идентификации» (*excessive semantic identification*) [15. Р. 368]. М.И. Чернышева четверть века тому назад, анализируя существовавшие в то время общетеоретические установки по проблеме калькирования и пытаясь разобраться в многообразной терминологии, предлагала для всех видов заимствований из греческого и всех типов калек ввести термин «византизм» [16].

Предположим, что мы возьмем за основу подхода к проблеме калькирования в старославянском языке общепризнанные классификации, данные в монографиях К. Шуманна и Н. Молнара, и посмотрим статистические данные. В то время как словарь «Старославянского словаря (по рукописям X–XI веков)» (М., 1994) насчитывает около 10 000 единиц, К. Шуманн числит в своей монографии 1 096 разного рода калек, из них 176 приходится на евангельский текст². Не много ли калек? Н. Молнар идет еще дальше: верифицируя лексический инвентарь исключительно евангельского текста, он зачисляет в своей результирующей монографии в разного рода кальки 290 слов.

То, что объединяет монографии К. Шуманна и Н. Молнара со всеми исследованиями калькирования с греческого, базирующимися на материале как собственно старославянских, так и более поздних церковнославянских рукописей разных изводов (за исключением наших собственных попыток [17; 18]), – это методика сопоставления калькируемого слова языка-источника и калькированного слова языка-реципиента, разработанная предыдущими поколениями европейских лингвистов. Однако безоговорочное применение этой методики по отношению к материалу старославянского языка, без учета специфики последнего, вызывает возражения. Калькирование, безусловно, было одним из основных способов пополнения старославянского лексического инвентаря, но формирование последнего происходило в эпоху, когда старославянский язык еще не существовал, а только рождался в процессе переводов с греческого. Продуктивность словообразовательных процедур в рождающемся языке была слишком масштабна, чтобы для установления факта калькирования считать достаточным рассмотрение изолированных пар, состоящих из слова славянского перевода, как бы вырванного из общего словообразовательного контекста, и его соответствия в греческом оригинале. Как мы уже неоднократно подчеркивали (следуя в этом за Е.М. Верещагиным), первый литературный язык славян создавался узким элитарным кругом книжников. Древние книжники формировали лексический инвентарь нового литературного языка в особых социолингвистических условиях, при которых они должны были не только генерировать славянские тексты, равнозначные греческим оригиналам (или хотя бы приближающиеся к ним), но и учитывать языковую компетенцию широких масс христианизировавшихся славян, для которых этот язык и предназначался: пастве язык должен был быть по возможности понятен, хотя от нее и не требовалось пользоваться им активно [18. С. 13–18; 19]. Основными источниками для формирования лексического инвентаря первого литературного языка славян книжникам служили народная славянская речь и собственное словотворчество. У нас есть основания предполагать, что результатом словотворчества книжников было гораздо больше слов, чем обычно принято думать [20; 21]. Посмотрим, однако, что считают старославянскими кальками К. Шуманн и Н. Молнар

² Словник «Старославянского словаря (по рукописям X–XI веков)» учитывает все встречающиеся в рукописях так называемого старославянского канона лексемы, включая служебные. Круг рукописей, вовлекаемых в анализ К. Шуманном, даже уже, чем в указанном словаре.

(сохраним для точности их терминологию непереуведенной). К. Шуманн зачисляет в кальки (Lehnprägungen) Lehnübersetzungen, Lehnübertragungen, Lehnbedeutungen, Lehnwendungen, Lehnsyntax, Teillehnwörter. Н. Молнар делит кальки (calques) на real structural calques, semicalques, calque neologisms (pseudocalques), semantic calques, phraseological calques, syntactic (morphological) calques, phenomenological calques. В практическом же применении этих классификаций почти любое слово, являющееся результатом словотворчества древних славянских книжников, подпадает у К. Шуманна и Н. Молнара под какую-нибудь из их рубрик в качестве кальки. Не удивительно поэтому, что идентификация Н. Молнаром многих старославянских слов как калек вызывала у палеославистов недоумение³. Не говоря уже о спорности причисления Н. Молнаром к старославянским калькам «калек-неологизмов» или «псевдокалек» (о чем скажем ниже), в поморфемных кальках (в его терминологии «real structural calques») у него оказываются такие слова как длзжынкз ~ ὁ ὀφειλέτης, законьнкз ~ ὁ νομικός, засѣдынкз ~ ὁ ἐγκάθετος, кзннгзчнн и кзннжынкз ~ ὁ γραμματεὺς, наставьнкз и оучнтель ~ ὁ ἐπιστάτης (ὁ καθηγητής, ὁ διδάσκαλος), нѣждынкз ~ ὁ βιαστής, пѣнажынкз ~ ὁ κερατιστής и др. [14. P. 144–145; 163–164; 165–166; 193–195; 213–214; 229; 264–265].

Обратимся к другим работам о старославянских кальках. Замечаем интересное обстоятельство: работы обобщающего характера авторы либо начинают с описания калек-композигов (сложений), уделяя им основное внимание, либо описанием композигов (сложений) и ограничиваются. Именно композигам была посвящена работа В. Ягича [1]. Именно композиги (сложения) являются предметом исследования в работах Л.В.Вялкиной [2; 3], Л. Мошиньского [5], М. Тиховой [6], Р.М. Цейтлин [7; 8]. А. Минчева в своей статье о кальках в «Кирилло-Мефодиевской энциклопедии» тоже основное внимание уделяет композигам, хотя жанр энциклопедической статьи не позволяет ей не упомянуть и о других видах калек [9]. Случайно ли это? Или «срабатывает» интуиция исследователей?

Теперь попытаемся посмотреть на проблему калькирования в старославянском языке как бы с позиции древних славянских книжников. То есть представим себе, как, каким образом они создавали новые книжные слова для нового литературного языка. Имея в качестве опоры народную славянскую речь, они имели и словообразовательные модели – суффиксальные, префиксальные, префиксально-суффиксальные. Имели они и словообразовательные модели сложений (т. е. славянские образцы) для передачи композигов, так характерных для византийского греческого. Однако характерными для народной славянской речи того времени сложения отнюдь не были. Из лексического инвентаря старославянского языка к старым славянским сложениям дописьменной эпохи исследователи относят весьма немногочисленный ряд лексем: братоуѣадз, малзжена, срздоболя, вельможа, воєвода, лѣторасль, дрѣводѣла и некоторые другие [1; 23. S. 262]. Л. Мошиньский и вовсе писал: «В словообразовательной системе праславянского существительного сложения занимают маргинальное положение, а, может быть, их и вообще не было. Известные из текстов древнецерковнославянские существительные-сложения имеют несомненно новый, книжный характер» [5. S. 109]. Более поздние исследования показывают, что для создания новых композигов древние книжники все-таки использовали в том числе и архаичные славянские словообразовательные модели сложений – с

³ См., например, довольно отрицательную рецензию на упомянутую монографию в «Slavonic and East European review» [22].

опорными компонентами как именного, так и глагольного происхождения. И именно поэтому для палеославистов-лексикологов очень трудна идентификация некоторых таких образований – являются ли они старыми славянскими лексемами или результатом словотворчества книжников, хотя в некоторых случаях значения композитов не оставляют места для сомнений: *златоустъ[зин]* ~ *χρυσόστομος* (речь идет об именовании отца церкви Иоанна Златоуста), *прснодѣва* и *прснодѣваа* ~ *ἄειπάρθενος* (речь идет о Богородице), *маловѣръз* ~ *ὀλιγόπιστος*, *подовьнзвѣръз* ~ *ἀξιόπιστος* и под. [17. S. 118–119; 20. С. 32–35].

Однако основная масса старославянских композитов оформлена продуктивными суффиксами, указывающими на их частеречную принадлежность. Ср.: *θεομάχος* ~ *боговорьць* ‘богоборец’, *боготорьнз* ‘богоборческий’ и *богосварьнз* ‘богоборческий’; *ἑξαπτέρυγος* ~ *шестокрнлатъ* ‘шестикрылый’ и *шестокрнлатьць* ‘серафим’ и под. Подлежащие переводу греческие композиты – как видим уже по этим примерам – во многих (если не в большинстве) случаях таких суффиксов не имеют. Использование древними книжниками собственных моделей суффиксально-сложного способа словообразования или – реже – модели чистого сложения, с подчинением порядка компонентов, а иногда и их частеречного происхождения структуре славянских моделей и славянской сочетаемости лексем (см. об этом ниже), говорит, несомненно, о самостоятельности «словообразовательной стратегии» книжников и необходимости рассматривать калькирование в качестве специфического старославянского способа словообразования [17. S. 122–125; 18. С. 94–102]. Вместе с тем при создании старославянского композита наряду с использованием славянских классифицирующих (т. е. словообразовательных и словоизменяемых) морфем книжники переводили, как правило, две корневые морфемы композита греческого, т. е. две греческие знаменательные морфемы, указывающие на понятия. И именно соположение двух корневых знаменательных морфем, диктуемое греческим образцом, показывает, что новое старославянское слово было создано не только с использованием возможностей и механизма славянской словообразовательной системы, но в подражание греческому слову, его двукорневой морфологической структуре, с тем самым «поморфемным переводом», которое и есть калькирование. Напомним кстати, что для передачи греческих композитов не всегда книжники создавали старославянские композиты (см. уже у В. Ягича [1. S. 538–545]). Так, изучение нами способов номинации лиц показывает, что греческие наименования лиц в виде композитов передавались как композитами, так и несколькословными наименованиями (т. е. разного рода словосочетаниями), реже однокорневыми словами. Ср., например: *οἰκοδεσπότης* ~ *господннъ храма* (Мт 24,43 Зогр, Мар, Ас), *господннъ храмннъ* (Л 12,39 Зогр, Мар, Ас), *господннъ домоу* (Мт 10,25 Зогр, Мар, Ас; Л 14,21 Зогр, Мар, Ас, Сав), *чловѣкъ домовнтъ* (Мт 20,1; Мт 21,33 Мар, Ас, Сав); *δεσμοφύλαξ* ~ *тъмьнчънзин стражъ* (Деян 16,23; Деян 16,27; Супр 184,26–27; Супр 255,23–24), *стражъ тъмьнчънзин* (Деян 16,36) и мн. др. Более того: очевидно, что первые славянские переводчики явно избегали передачи греческих композитов путем калькирования, предпочитая ему более свободный перевод несколькословными наименованиями либо однокорневыми словами – особенно на начальном этапе становления старославянского языка. Ср.: *ψευδοπροφήτης* – *лзжнн пророкъ* в Мт 7,15 (Зогр, Мар, Ас), Мк 13,22 (Зогр, Мар), но *лзжепророкъ* в толкованиях на книгу пророка Иезекииля (на Иез 1,3; 227а 20 и 227а 20–21 по рукописи F.I.461); *εἰρηνοποιός* – *сзмиръян* в Мт 5,9 (Зогр, Ас, Сав, Остр), но *мротворьць* уже в Сборнике Клоца (Клоц 9а 38–39) [24; 25. С. 31–33].

Видимо, о калькировании – хотя и частичном – следует говорить и в тех случаях, когда при создании композита «побеждала» славянская сочетаемость лексем, и в результате в старославянском композите при сравнении его с греческим соответствием наблюдается совпадение семантики только одного из двух корней: *νομοθέτης* ~ законодатель (Пс 9,21), *ἀστρομαγικός* ~ свѣздоуьрьць (Евх 54а 17–18), *ζωράφος* ~ шаропнсатель (Супр 83,9 – при наличии более точной кальки жнвопнсць в Минее 1097 г.), *ἄθλοφόρος* ~ страстотрьпць (Супр 256,3; Супр 271,9 – при наличии более точной кальки страстоносць в Супр 60,7; Супр 61,5; Супр 64,23). Вместе с тем следует иметь в виду, что такая «частичная калька» на самом деле может оказаться обычной «полной» калькой, но созданной не по образцу того греческого соответствия, которое оказалось в поле зрения исследователя, а ранее, с другого греческого соответствия, которому она вполне отвечает по семантике обоих корней. Слово, созданное однажды книжниками для перевода какой-либо лексемы, закреплялось в старославянском лексическом инвентаре и использовалось затем для перевода других греческих слов, близких по значению, но другой морфологической и семантической структуры – явление, на которое впервые, кажется, обратила внимание Э. Благова [23. S. 261–262]. Так, например, упомянутый выше композит мнротворьць исследователю Супрасльской рукописи мог бы на первый взгляд показаться «частичной калькой» со своего греческого соответствия *εἰρηνάρχης* (Супр 329,9), но на самом деле он является довольно точной калькой (точной по крайней мере в том, что касается семантики корней, т. е. знаменательных морфем) с композита *εἰρηνοποιός*, которому и соответствует в Сборнике Клоца (Клоц 9а 38–39) [17. S. 124–125; 18. С. 102–107].

Но следует ли рассматривать в качестве калек однокорневые суффиксальные дериваты, образованные самими книжниками с помощью продуктивных в старославянском языке суффиксов (*-tel'(b)*, *-ьnik(ъ)*, *-ьc(b)*, *-ьj(e)*, *-ьstv(o)*, *-ьn-*, *-iv-* и под.) по регулярным словообразовательным моделям и хорошо мотивированные на славянской почве? В отличие от создания нового старославянского композита, когда книжники переводили два соположенных греческих корня, т. е. две соположенные указывающие на понятия знаменательные морфемы, и это соположение корней следовало греческому образцу, при создании однокорневого суффиксального деривата славянский корень с близкой к значению греческого слова семантикой снабжался только словообразовательным суффиксом, т. е. морфемой классифицирующей, а не знаменательной. Таким образом, словообразовательная процедура создания нового композита и нового однокорневого деривата принципиально различалась.

В опубликованной недавно статье о старославянских кальках болгарская исследовательница Т. Илиева рассматривает кальки в тексте книги Иезекииль по рукописи F.I.461 [26]. В своих теоретических установках исследовательница опирается на общепризнанные дефиниции старославянских калек, называя рассматриваемое явление как «калькирование», так и «поморфемным переводом». Зачисление автором в кальки старославянских композитов (двукорневых сложений), переводящих греческие композиты, не может вызвать возражений: *благодѣтель* – *εὐεργέτης*; *всьеснльнъ* – *παντοδύναμος*; *гъжвоустьнъ* – *βαθύχειλος*; *звѣроуденъ* – *θηρίαλωτος*; *мноплеменьнъ* – *ἄλλόφυλος*; *многомъжънъ* – *πολύανδριος*; *многобразънъ* – *πολύμορφος*; *многосзвьрьшенъ* – *πολυτελής*; *поздънонъзъчънъ* – *βαρύγλωσσος*; *чловѣколюбъць* – *φιλάνθρωπος*. Как видим, здесь семантика каждого из двух корней старославянских лексем достаточно точно отвечает семантике

соответствующих корней греческих лексем, хотя – и в этом сказывается действие собственно старославянского словообразовательного механизма – все старославянские лексемы снабжены суффиксами, указывающими на их частеречную принадлежность, тогда как греческие лексемы (за исключением *εὐεργέτης*) таких суффиксов не имеют. Однако следует ли считать кальками («неполными поморфемными переводами») «древнеболгарские книжные слова, возникавшие путем деривации или композиции по определенной словообразовательной модели не с точной передачей "член за член", а только с частичной опорой в греческом образце [...]: весъльннкъ – *κωπηλάτης*; дѣлатель – *γεωργός*; прьвѣтънць – *πρωτότοκος*; саднтель – *φυτουργός*; насаждение – *φυτουργία*; погоубленне, погзбенне, погзбленне – *πανωλεθρία*; сзграждение – *οικοδομία*; рзвенне – *ζηλοτυπία*; сзтворенне – *δημιουργία*; благожнтне – *εὐημερία*, *εὐπραξία*; пьрнез – *φιλόνοιχος*; рьвьннез – *ζηλοτυπῶν*; сзпротвнне – *ἀντιλογία*; коумнрство – *εἰδωλολατρεία*» [26]? Как видим, все эти старославянские слова, переводящие греческие композиты, представляют собой однокорневые дериваты с продуктивными суффиксами (за исключением благожнтне), причем каждое из них хорошо словообразовательно мотивировано на славянской почве.

За счет словотворчества книжников словообразовательные модели с определенными суффиксами развивали в старославянском языке очень высокую продуктивность. Так, например, по подсчетам Р.М. Цейтлин в евангельском тексте употребляется всего 17 слов с суффиксом *-tel'(b)*, тогда как в Супрасльской рукописи – уже 43 [8. С. 105]. При тщательном рассмотрении семантики конкретных лексем с суффиксом *-tel'(b)* (кръстнтель, нскоуснтель, сзвѣдѣтель, сѣднтель, сзказнтель и др.), их словообразовательных мотиваций, обстоятельств вхождения их в старославянский лексический инвентарь и взаимоотношений в нем с другими лексемами и греческими соответствиями можно достаточно надежно установить источником происхождения многих из них (а для большинства из них предполагать) словотворчество книжников [18. С. 54–90].

Почему тем не менее мы считаем, что однокорневые дериваты, образованные древними книжниками по регулярным словообразовательным моделям с продуктивными суффиксами (такими, например, как суффикс *-tel'(b)*) и словообразовательно мотивированные на славянской почве, нет оснований рассматривать в качестве поморфемных калек («real structural calques»)? Действительно, суффикс *-tel'(b)* так часто использовался книжниками при создании новых слов для перевода греческих соответствий с суффиксом *-της*, что он стал как бы аналогом этого греческого суффикса [18. С. 56–59]. Однако, как уже отмечалось выше, словообразовательные суффиксы – в отличие от корневых знаменательных морфем – представляют собой морфемы классифицирующие, и для передачи греческих слов с суффиксом *-της* со значением лица древние книжники образовывали слова со значением лица и с другими суффиксами – например, с суффиксом *-(bn)ik'(b)* (*μαθητής* ~ оученнкъ, *βουλευτής* ~ сзвѣтъннкъ, *κερματιστής* ~ пѣмъжннкъ, *κολλυβιστής* ~ трзжннкъ, *ληστής* ~ рзбонннкъ и др.). С другой стороны, наименования с суффиксом *-tel'(b)* образовывались книжниками и для передачи греческих слов без суффиксов или с другими суффиксами (*διδάσκαλος* ~ оучнтель, *μάρτυς* ~ сзвѣдѣтель, *φύλαξ* ~ краннтель, *γονεύς* ~ роднтель, *ἱερεὺς* ~ чнстнтель и др.). Учет словообразовательных мотиваций для определения зависимости или независимости образования старославянского слова от греческого образца имеет решающее значение. Формальное совпадение структур (изоморфемность, эквиморфемность) однокорневого старославянского слова и его

греческого соответствия еще не говорит о калькировании, т. е. создании нового старославянского слова по образцу греческого. И в тех случаях, когда морфемные структуры греческого и старославянского слова – казалось бы – демонстрируют аналогичность, старославянское слово, скорее всего, на самом деле образовано независимо от греческого. Наглядно это можно показать на примере однокорневых дериватов, имеющих в своей морфемной структуре префикс. Так, например, морфемный состав ст.-слав. погребѣти и одного из его греческих соответствий ἐνταφιαστῆς формально аналогичен: префикс *po-* соответствует префиксу ἐν-, суффикс *-itel'(b)* – суффиксу *-της*. При этом очевидно, что погребѣти – продукт словотворчества книжников, о чем свидетельствует – в том числе – и поздняя модификация суффикса *-itel'(b)*. Однако внимательное рассмотрение номинационных процессов в старославянском и греческом словообразовательных гнездах, результатом которых явились «пара» наименований ἐνταφιαστῆς – погребѣти, в которой погребѣти на первый взгляд – казалось бы – калькирует ἐνταφιαστῆς, показывает, что погребѣти образовано независимо от греческого слова, по продуктивной модели от глагола погребѣти. Ср.: [θάπτειν ‘хоронить’] → τάφος ‘похороны’ → τάφιος ‘связанный с погребением’ → ἐνταφιάζειν ‘готовить к похоронам’ → ἐνταφιαστῆς ‘могильщик’; [*grebti ‘копать; грести’] → погребѣти (наст. вр. погребѣ) ‘похоронить’ → погребѣти ‘могильщик’.

Таким образом, массу однокорневых старославянских дериватов с продуктивными суффиксами нет никакой нужды зачислять в поморфемные кальки («real structural calques»). Мы должны признать, что древние книжники создавали новые слова в процессе переводов, далеко не всегда калькируя греческий образец, но часто исключительно на славянской почве, используя возможности старославянской словообразовательной системы. Аналогию здесь можно провести с детским словотворчеством: некоторые дети в случаях, когда им неизвестно какое-либо общепринятое слово, легко и с удовольствием создают новое, не существующее в языковом узусе, но понятное для взрослых слово. Какой язык они при этом калькируют? Никакой! Они реализуют возможности словообразовательной системы своего родного языка⁴.

Но следует ли в отношении к такому старославянскому материалу говорить о «кальках-неологизмах», или «псевдокальках», или о «калькоидах»?

Классификация слова как «кальки-неологизма» («псевдокальки», «калькоида») предполагает тот случай, когда в языке-реципиенте создается слово для передачи некоего понятия по причине отсутствия в нем соответствующего слова. Действительно, наличие в старославянском лексиконе большого количества новых книжных слов, номинирующих незнакомые ранее славянам понятия, – одна из характерных его черт. Однако изучение старославянского лексикона показывает, что далеко не всегда побудительной причиной для словотворчества древних славянских книжников было именно отсутствие слова. Во многих случаях они создавали новое книжное слово при наличии в народной славянской речи того времени слова с нужным значением. Не только для перевода новой для славян терминологии, но и при описании бытовых ситуаций, для номинации земледельцев, жнецов, пастухов, охотников и рыболовов создавались новые книжные слова.

⁴ О реализации возможностей словообразовательной системы языка с точки зрения современной теории словообразования много писал И.С. Улуханов, см. особенно [27].

Обратимся, например, к вышеприведенному списку слов, которые Т. Илиева считает частичными кальками с греческого («неполными поморфемными переводами»). В нем четыре наименования лиц, из них два – дѣлатеѣ и саднтѣѣ – образованы с суффиксом *-tel'(b)*, а по значению относятся к слою бытовой лексики: дѣлатеѣ переводит *γεωργός* ‘земледелец’, саднтѣѣ – *φυτουργός* ‘садовник’. Слово саднтѣѣ употреблено в толковании на книгу пророка Иезекииля (на Иез 31,18): Ἐπειδὲ γὰρ, φησὶν, οὐκ ἐβουλήθης ὁμοιωθῆναι τοῖς ἄμα σοι φυτευθεῖσι ξύλοις, ἀλλὰ τῷ φυτουργῷ μετὰ τούτων τῶν ξύλων, τῶν ταῦτά σοι πεφρονηκότων, προστάτω σε ἀπορρίφῃναι... — Сѣма же не хотѣ тзченъ быти дрѣвесѣ . сз нмнже нногдао всажѣнъ бѣ . нѣ самому саднтѣѣ тзченъ са творшн . сз тѣмн дрѣвесы сзнндешн . яко тожѣ сзмыслншъ еже н ты . В паре саднтѣѣ ~ *φυτουργός* нет не только структурного поморфемного соответствия, но эти наименования, при одинаковом значении в тексте, словообразовательно мотивированы совершенно по-разному и независимо друг от друга: *φυτουργός* – двукорневой композит (ср. τὸ φύτον ‘растение’, τὸ ἔργον ‘дело’), саднтѣѣ – дериват с суффиксом *-tel'(b)* от глагола саднтн ‘сажать (растения)’. В распоряжении преславских книжников, переводивших толкования на книги Ветхого Завета, для передачи понятия ‘садовник’ были слова народной речи. Во-первых, это – слово общеславянского распространения *ратан* [28. S. 53; 29. С. 209–211]. Слово *ратан* часто встречается в текстах, восходящих к старославянским протограммам и, в частности, в списках с произведений одного из самых авторитетных писателей Преславской школы письменности Иоанна Экзарха Болгарского. Первоначально праславянским словом **ratajъ* номинировался человек, который, как пишет Л.В. Куркина, занимался черканьем почвы деревянной клюкой ради получения мелкой борозды [30. С. 160–162], однако тексты Иоанна Экзарха показывают, что в X в. это слово имело уже более широкое значение, им номинировался человек, выполняющий разнообразные земледельческие работы. Имело это слово в том числе и значение ‘садовник’ – ср., например, в «Шестодневе»: Γεωργοὶ δὲ, οἱ περὶ τὰ σπέρματα καὶ τὰς τῶν φυτῶν θεραπείας πονούμενοι, πάσας ἐντεῦθεν εὐρίσκουσι τὰς εὐκαιρίας τῶν ἔργων. — *РАТАН* же нже сѣмена сѣютъ . н садъ садешен . н всн трощающеесе . ѿ тѣхъ знаменен обрѣтаютъ . (Шест 148d 6–7). Кроме того, в распоряжении преславских книжников было и слово общеславянского распространения и праславянского происхождения **koraśь*, которым также номинировался человек, занимающийся разнообразными земледельческими работами [31. S. 102; 32. С. 12–13]. Так, в Мстиславовом евангелии (древнерусский список XI–XII в.) в стихе Лк 13,7 находим замену слова *вннаръ* ‘виноградарь’ на слово *копачь*: εἶπεν δὲ πρὸς τὸν ἀμπελουργόν — рече же кз *ВННАРЕВН* . (Зогр, Мар) — рече же кз *КОПАЧУМЪ* . (Мст 88в 15). Слово *koraś* употребляется и в выполненном с латинского языка старочешском переводе Евангелия [33]. По всей видимости, саднтѣѣ, как и большинство других старославянских наименований с суффиксом *-tel'(b)*, – новообразование, книжное слово, результат словотворчества преславских книжников, переводивших толкования на книги Ветхого Завета. Такое предположение подтверждается тем, что наименования с суффиксом *-tel'(b)* не характерны для болгарских народных говоров, и, как пишет М. Тетовска-Троева в обобщающей монографии об отглагольных наименованиях лица в болгарских говорах, употребляются в них под влиянием литературного языка [34. С. 115–116]. Преславские книжники реализовывали возможности слововозрастной системы старославянского языка и обогащали новый литературный язык синонимами – книжными словами с продуктивными суффиксами, но,

как и многие другие старославянские наименования с суффиксом *-tel'(b)*, слово *саднтѣль* нет оснований считать какой бы то ни было калькой.

Слово *дѣлатѣль* «Этимологический словарь славянских языков» включает в праславянский лексический фонд [35. С. 231]⁵. Это слово высокочастотно по меркам старославянского языка («Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)» указывает для него больше 100 употреблений [36. С. 204]), и, видимо, распространенность этого слова в древних славянских рукописях и довольно широкий спектр его значений послужил этимологам основанием для того, чтобы считать его праславянским. Однако в статье [21] мы уже пытались показать, что слово *дѣлатѣль* (которое в евангельском старославянском тексте переводит не только двукорневой композит *υεωρῦός*, но и гораздо более близкий по морфемной структуре греческий отглагольный дериват *ἐργάτης*) является, скорее всего, результатом словотворчества переводчиков Евангелия. Вместе с тем так же, как и слово *саднтѣль*, нет оснований считать его калькой, так как оно образовано по регулярной модели и хорошо словообразовательно мотивировано на славянской почве. Нет оснований считать его даже и «калькой-неологизмом» («псевдокалькой», «калькоидом»), так как в распоряжении переводчиков Евангелия были слова общеславянского распространения *ratajъ*, *корась*, имеющие подходящие значения и действительно унаследованные народной речью того времени из праславянского лексического фонда.

Кропотливый анализ, учитывающий как словообразовательные мотивации, так и обстоятельства вхождения слова в старославянский лексический инвентарь, взаимоотношения его с другими старославянскими лексемами и греческими соответствиями, примененный таким же образом ко многим суффиксальным дериватам, образованным по продуктивным моделям, может представить доказательства независимости их образования от греческих образцов, отсутствия какого бы то ни было калькирования.

Несколько иначе, видимо, обстоит дело с рядом префиксальных дериватов. Если оставить в стороне отрицательный префикс *не-*, который взаимодействовал со всеми знаменательными частями речи и участвовал как в префиксальном, так и в префиксально-суффиксальном словообразовании, можно сказать, что номинационная активность префиксации в старославянском языке была неизмеримо ниже, чем номинационная активность суффиксации. Некоторые старославянские имена, являющиеся предположительно результатом словотворчества книжников и содержащие в своей структуре префиксальные морфы, на самом деле образованы не с помощью префиксов, но «унаследовали» их от префигированных глаголов (реже существительных), служивших им мотивирующими словами. Ср.: *нсправнтѣль* ‘вождь’ образовано от *нсправнтн* в значении ‘направить’, *вззнскатѣль* ‘судья, посредник в споре’ – от *вззнскатн* в значении ‘исследовать, установить’, *оубнство* – от *оубнтн* ‘убить, умертвить’, *сздѣнстѣннкъ* ‘помощник, сподвижник’ – от *сздѣнство* ‘содействие, помощь’ и мн. др. Восходящие к праславянскому словообразовательные модели префиксации, представляющие собой по существу модель чистого сложения [37. Р. 757–765; 8. С. 190–191] и обнаруживаемые в старославянской лексике, почерпнутой из народной славянской речи того времени, продуктивности по большей части не демонстрируют. Из сугубо именных «старых» префиксов (**pa-*, **pra-*, **sq-*, **q-*)

⁵ Редактор последних выпусков словаря А.Ф. Журавлев, однако, в частной беседе высказал сомнения насчет «некнижного» характера этого слова.

только **sq-* (сѣ-) проявляет словообразовательную активность, участвуя в образовании новых слов. При этом наблюдается соответствие префикса сѣ- префиксу *ἀντι-* в переводимых греческих словах, и по крайней мере в некоторых случаях здесь можно предполагать роль префикса сѣ- как префикса, калькирующего префикс *ἀντι-* в значении ‘ответности, взаимности’: сѣпърь ‘противник (в суде или обыденной жизни)’ ~ *ἀντίδικος* (от сѣпърь образовано сѣпърьннкъ ‘противник (в словесном споре)’ — ср. пьрьць ‘юрист, судейский’ (‘contentiosus’ [38. S. 758]), сѣпостатъ ‘противник, неприятель’ ~ *ἀντίπαλος*, сѣпротнвьннкъ ‘противник, неприятель’ ~ *ἀνταγωνιστής*, *ἀντικείμενος*, *ἀντίπαλος*, сѣгласне ‘антифон’ ~ *ἀντιφωνία*, сѣпротнвне ‘сопротивление’ ~ *ἀντίθεσις*, сѣпротнвотвтрне ‘встречный ветер’ ~ *ἀντανεμία* (подробнее см. [39. С. 184–186]). Как видно из примеров, калькирование могло происходить только в части префикса, в остальном морфемно-семантические структуры могли не совпадать. Префикс же сѣ-, в праславянском являвшийся глагольным префиксом, соотносительным с именным **sq-*, использовался книжниками в именном словообразовании в модели чистой префиксации для калькирования префикса *συν-*. Об этом свидетельствуют такие новообразования, в которых префикс сѣ-, ничего не изменяя в значении префигурируемого имени, является как бы лишним, добавленным формально в подражание греческому слову. Ср.: *поспѣшьннкъ* ‘сотрудник, помощник’ ~ *συνεργός* и *сѣспоспѣшьннкъ* ‘сотрудник, помощник’ ~ *συνεργός*; *пнчѣастьннкъ* ‘соучастник’ ~ *μέτοχος* и *сѣпнчѣастьннкъ* ‘соучастник’ ~ *συμμέτοχος*. Калькирование префикса *συν-* можно предполагать также и в тех малочисленных и низкочастотных словах, образованных книжниками способом чистого сложения, в которых префикс сѣ- имеет словообразовательное значение ‘совместности’: *сѣвоннъ* ‘соратник’ ~ *συστρατιώτης*, *сѣстоальннкъ* ‘помощник, ассессор’ ~ *σύνεδρος*, *сѣпннмыннкъ* ‘соучастник’ ~ *συμμέτοχος*, *сѣвзздрьжьннкъ* ‘сподвижник, тот, кто вместе с кем-либо ведет жизнь аскета’ ~ *συνασκούμενος* (подробнее см. [18. С. 108–111])⁶.

Что касается префиксов *не-* и *вез-*, то довольно часто наблюдается их соответствие префиксу *ἀ-* в переводимых греческих словах. Однако и здесь соответствие морфемных структур еще не является свидетельством образования старославянского слова путем калькирования. Так, например, субстантивно употребляемое прил. *недѣжьнъин* ‘больной’ переводит греческое субстантивно употребляемое прил. *ἄρρωστος* (Мт 14,14 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мк 16,18 Ас; Мк 6,13 Зогр, Мар), достаточно хорошо отвечая его морфемно-семантической структуре [41. S. 668]. Однако слово *недѣжьнъин* образовано от исконно славянского слова *недѣжъ* ‘болезнь, недуг’ [42. С. 125–126] и им мотивировано. Вместе с тем в некоторых случаях учет обстоятельств вхождения слов с отрицательными префиксами в старославянский лексический инвентарь и взаимоотношений в нем этих слов с другими словами и греческими соответствиями указывает на калькирование. Так, например, для номинации немого человека в старославянском языке обычно употребляется слово славянской народной речи *нѣмъ(ъин)*, и это слово, начиная с евангельского и псалтырного текстов, используется для перевода как *κωφός*, так и *ἄλαλος*. В том числе и в стихе Мк 7,37

⁶ В дальнейшей истории старославянского языка префиксы сѣ- и сѣ-, очевидно, смешивались в результате варьирования написаний в рукописях, затемняя для исследователя вопрос о способе образования некоторых слов. См., например, наши сомнения по поводу образования слов *сѣдлъжъ/соудлъжъ* и *соудлъжьннкъ* [40. С. 13. Примечание 10].

ἄλαλος было переведено словом нѣмъ(зин), о чем свидетельствуют все старославянские кодексы. Однако при аллюзии на этот стих в тексте Синайского евхология ἄλαλος переведено уже не как нѣмъ(зин), а как неглаголян: τοῦ κωφοῦ ἀκούειν ἐμφυτεύσαντος καὶ ἀλάλοισι τὸ λαλεῖν ἀνορθώσαντος — всаждьшнмъ глаухымъ слоухъ ѿ негльѣщннмъ глатн . (Евх 53а 23–24). То есть книжники постарались приблизить морфемную структуру переводящего старославянского слова к структуре слова греческого путем создания нового наименования с калькированием отрицательного префикса. Или, например, влияние на образование слова неправдынь(зин) наличия отрицательного префикса ἀ- в его соответствии ἀδικος ‘неправедный человек’ выявляется при сопоставлении употребления неправдынь(зин) с употреблением в Саввиной книге слова обндыньзин в том же месте евангельского текста. Так, в стихе Мт 5,45 находим: ὅτι ... βρέχει ἐπὶ δικαίους καὶ ἀδίκους. — ѣко ... дзжднтъ на праведзньзиа . ѿ неправдыньзи . (Зогр, Мар, Ас) — ѣко ... дзжднтъ на праведзньзиа . ѿ обндыньзиа (Сав). В целом же можно сказать, что на образование массы старославянских слов с отрицательными префиксами оказал влияние язык греческих оригиналов, однако это влияние выразилось не столько в прямом калькировании греческих слов, сколько в выборе и дальнейшей разработке исконно славянских словообразовательных моделей [43].

Итак, основной вывод нашей статьи: к дефиниции старославянских слов как калек нельзя подходить механически, формальное соответствие морфемных структур старославянского слова и его греческого соответствия (или одного из его греческих соответствий) еще не является основанием считать старославянское слово калькой. В отличие от композитов, где соположение двух корневых знаменательных морфем, указывающих на понятия, показывает, служил ли греческий композит образцом для подражания при его создании, однокорневые дериваты в большинстве своем образовывались по продуктивным моделям на основе славянских корней, имеющих подходящую семантику (но отнюдь не всегда сходную с семантикой корней греческих переводимых лексем), с помощью классифицирующих морфем и были хорошо мотивированы на славянской почве. При этом для номинации определенного понятия (предмета, лица и т. д.) в распоряжении древних славянских книжников могли быть и слова народной славянской речи, но несмотря на это во многих случаях книжники предпочитали создавать по продуктивным моделям книжные слова, т. е. слова «высокого регистра», не выходя, однако, за рамки собственно славянского словообразовательного механизма и без «оглядки» на греческое соответствие как на образец.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Ас – Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Евх – Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Зогр – Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Клоц – Клоцов сборник, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Мар – Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Мст — Мстиславово евангелие, древнерусская рукопись XI–XII в.

Остр – Остромирово евангелие, древнерусская рукопись 1056–1057 г.

Сав – Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Шест — Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, древнесербская рукопись 1263 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Jagić V.* Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Bd. 20.; Berlin, 1899. Bd. 21.
2. *Вялкина Л.В.* Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала (на примере Ефремовской кормчей) // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.
3. *Вялкина Л.В.* Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966.
4. *Копыленко М.М.* Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности // Византийский временник. М., 1973. Т. 34.
5. *Moszyński L.* Rzeczowniki złożone Synajskiego pateryka na tle złożzeń kanonu staro-cerkiewno-słowiańskiego // Slovo. Zagreb, 1974. Т. 24.
6. *Тихова М.* Сложните думи в езика на Григорий Цамблак, Константин Костенечки и Йоасаф Бдински // Годишник на Висшия педагогически институт. Год. 1. Шумен, 1976.
7. *Цейтлин Р.М.* Сложные слова на вель-, веле-, велние-, велнко- в языке старославянских памятников // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. М., 1975.
8. *Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.
9. *Минчева А.* Калки в старобългарски език // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1995. Т. 2.
10. *Верецагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
11. *Чернышева М.И.* Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славяно-русских переводах с греческого языка // Вопросы языкознания. 1984. № 2.
12. *Чернышева М.И.* Семантика словообразовательных моделей с начальными благо- и бого- (новые данные) // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008.
13. *Schumann K.* Die griechischen Lehnbildungen und Lehn-bedeutungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958.
14. *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985.
15. *Večerka R.* The Influence of Greek on Old Church Slavonic // Byzantinoslavica. Praha, 1997. Т. LVIII. Fasc. 2.
16. *Чернышева М.И.* О понятии «византизмы» в языке славяно-русских переводных памятников // Византийский временник. М., 1991. Т. 52.
17. *Ефимова В.С.* О старославянском калькировании как специфическом способе словообразования // Byzantinoslavica. Praha, 2007. Т. LXV. Fasc. 2.
18. *Ефимова В.С.* Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора. М., 2011.
19. *Ефимова В.С.* Риторические стратегии древнейших славянских гомилетических текстов // Языковая вариативность и культурный контекст. М., 2013.
20. *Ефимова В.С.* О проблеме дифференциации старославянского лексического инвентаря (в поисках кирилло-мефодиевских переводов) // Славянский альманах 2012. М., 2013.
21. *Ефимова В.С.* К вопросу о путях формирования старославянского лексического инвентаря // Преславска книжовна школа: Филология и текстология. Юбилеен сборник в чест на 70-годишната на проф. Уйлям Федер. Шумен, 2014.
22. *Leeming H.* [Рец. на]: Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985 // Slavonic and East European review. London, 1986. Vol. 64. № 4.
23. *Bláhová E.* Kompozita v staroslověnské terminologii // Slavia. Praha, 1996. Roč. 65.

24. *Ефимова В.С., Желязкова В.* Несколькословные наименования лиц в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgarica* (в печати).
25. *Ефимова В.С.* Некоторые наблюдения над номинацией лиц в старославянском евангельском тексте (на материале древнейших кодексов) // *Язык Библии: лингвотекстологические исследования*. М.; СПб., 2012.
26. *Илиева Т.* Поморфемният принцип на превеждане в ЕзF.I.461 // *Lettera et lingua*, пролет – лято 2013. Електронно списание за хуманитаристика, <http://slav.uni-sofia.bg/naum/lilijournal/2013/1-2/ilievat>.
27. *Улуханов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
28. *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego / Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. Т. 2.
29. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / Под ред. А.Ф. Журавлева. М., 2005. Вып. 32.
30. *Куркина Л.В.* Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М., 2011.
31. *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. Т. 1.
32. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1984. Вып. 11.
33. *Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká. I. Evangelia.* Praha, 1981.
34. *Тетовска-Троева М.* Отглаголни имена за лица в български говори: *Nomina agentis*. София, 1988.
35. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1977. Вып. 4.
36. *Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)* / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
37. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves: La formation des noms. Paris, 1974. Т. IV.
38. *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-greco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
39. *Ефимова В.С.* Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006.
40. *Ефимова В.С., Желязкова В.* К изучению лексики древнейших славянских рукописей Ветхого Завета в сопоставлении с лексикой рукописей Нового Завета и других рукописей «старославянского канона» // *Славяноведение*. 2014. № 4.
41. *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1970. Bd. II.
42. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1997. Вып. 24.
43. *Ефимова В.С.* К вопросу о лексическом выражении отрицания в старославянском языке // *Slavia*. Praha, 2005. Roč. 74. Seš. 2/3.

© 2015 г. Л.П. ЛАПТЕВА

И.В. ЯГИЧ (1838–1923) В ОЦЕНКАХ РУССКИХ СОВРЕМЕННОКОВ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье предпринята попытка по-новому оценить жизнь и научную деятельность одного из крупных ученых-славистов конца XIX – начала XX в. – И.В. Ягича, а также анализируются оценки русскими учеными значения его творчества для развития славяноведения.

In the article, an attempt is made to re-consider the life and scholarly work of the renowned Slavist scholar of the late nineteenth and early twentieth centuries Vartoslav (Ignaty) Jagić.

Ключевые слова: история славяноведения, И.В. Ягич, славянская филология, «Славянская энциклопедия».

В 2013 г. научная общественность отметила памятную дату – 90-летие со дня смерти одного из крупных ученых в области славяноведения последней четверти XIX – начала XX в. академика Санкт-Петербургской императорской академии наук Игнатия Викентьевича Ягича. Хорват по национальности, ученый был тесно связан с Россией, в 1868 г. стал членом-корреспондентом Академии наук, в 1880 г. избран экстраординарным, а в 1881 г. – ординарным академиком. Этой чести Ягич был удостоен за свои научные труды, которые охватывают главным образом область филологии, т.е. древнеславянский язык, литературу, этнографию, фольклор, древности, палеографию и другие дисциплины славяноведения. Его эрудиция и энциклопедические знания отразились в почти 700 научных трудах. Вместе с тем ученый имеет большие заслуги в научно-организаторской работе в области славяноведения. В 1875 г. он основал в Берлине журнал «Archiv für slavische Philologie», в котором в течение 40 лет знакомил европейских ученых с состоянием славянской филологической науки. Ягич принимал активное участие в предварительном съезде русских ученых-славистов в Петербурге в 1903 г., являясь его председателем. Ему же принадлежит идея создания так называемой Славянской энциклопедии, т.е. комплекса научных исследований в различных областях славяноведения. Реализация этой идеи выразилась в создании ряда ценных работ, опубликованных ученым, и разных статей, в том числе на русском языке.

Научной деятельности Ягича посвящено много исследований русских, немецких, французских и славянских авторов [1]. В России печатались его труды и писались отзывы на них в научных журналах. Его памяти посвятили статьи академики В.М. Истрин, П.А. Лавров, Е.Ф. Карский, М.Н. Сперанский и др. [2]. В 1933 г. обстоятельная статья о творчестве ученого была опубликована В.Н. Кораблевым в связи с 10-летием кончины Ягича [3]¹. Его перу принадлежит и статья «Ягич» в

¹ Список литературы о И.В. Ягиче см. в [4].

издании материалов для биографического словаря действительных членов ИАН с приложением большого списка его трудов до 1914 г. [5. С. 251–273]. Сам ученый опубликовал за границей воспоминания автобиографического характера [6]. Но главным источником о предмете настоящей статьи является переписка И.В. Ягича с русскими учеными, значительная часть которой опубликована в 1963 г. [7].

И.В. Ягич родился в Хорватии в г. Вараждин², получил среднее образование в г. Загреб, затем окончил Венский университет, где его учителем был известный филолог Ф. Миклошич. После окончания университета стал преподавателем древних языков в гимназии Загреба и одновременно начал заниматься научной и общественной деятельностью. Ягич состоял секретарем Матицы Иллирской, был избран членом комиссии для учреждения национального музея в Загребе, участвовал вместе с Ф. Рачким в преобразовании Загребского научного общества в Югославянскую академию наук, в 1866 г. был избран ее членом. В политическом отношении Ягич принадлежал к Радикальной партии, оппозиционной хорватским унианистам (согласителям с Венгрией), и в 1870 г. за активную литературную и общественную деятельность национального направления указом бана Левина Рауха был уволен со службы без пенсии и вообще без средств к существованию. В XIX в. зарубежные национальные деятели в критических для себя ситуациях нередко обращались к российским коллегам, а иногда и к властям за помощью. Так и Ягич обратился за помощью к России. Он написал письмо профессору Петербургского университета И.И. Срезневскому – ученому-слависту, филологу, бывшему тогда в чести у российских властей и известному своими сочинениями по славянской филологии не только в ученом сообществе России, но и других стран. Первое обращение Ягича к Срезневскому относится к 1865 г. Они еще не были лично знакомы, но Ягич был наслышан о пребывании русского ученого в Загребе в 1840-х годах, когда последний совершал знаменитое путешествие по землям славян, и был в курсе его творчества. В первом письме к Срезневскому Ягич писал: «Я один из многих, глубоко преклоняющихся перед Вашим именем и высоко ценящих научные труды Ваши» [7. С. 338]. Заявив таким образом о себе, Ягич далее выразил просьбу об обмене специальной литературой между русскими научными обществами и хорватскими культурными национальными учреждениями. При этом была представлена картина удручающего состояния, которое наблюдалось в отношении осведомленности в русской литературе в национально ориентированных хорватских обществах и изданиях. Срезневский удовлетворил просьбу Ягича, и с тех пор завязались активные литературные контакты между славистами. Разностороннее литературное сотрудничество показало Срезневскому перспективность молодого хорватского слависта, и он пригласил Ягича в Петербург, организовал его избрание членом-корреспондентом Академии наук, а позднее и почетным доктором Петербургского университета и пообещал ему подыскать работу, соответствующую его желаниям и ученым достижениям. Отмечу, что к этому времени Ягич написал уже значительное число работ по вопросу о церковнославянском языке и другим областям филологии. Пригласив Ягича с семьей пожить в Петербурге, Срезневский выхлопотал ему место для работы в России, и Ягич был избран экстраординарным профессором Новороссийского университета в Одессе по кафедре славянского языкознания. Живя в Петербурге, Ягич познакомился с разными кругами тогдашней интеллигенции. Ее консервативное крыло собиралось на вечерах у Срезневского. Ягич беседовал там с А.С. Будиловичем, Г.А. Воскресенским и др., слушал декламации Н.Н. Майкова.

² В биографической заметке, составленной на основании формулярного списка о службе Ягича от 1880 г. указано, что он был католического вероисповедания, у него было родовое имение в городе Вараждине в Кроации, заключающееся в доме и земле. «Отец его Викентий поселился в городе в 1821 г., переехал туда из родовой деревни – задруги “Ягичев Брег” в Заезде. Родоначальники задруги Ягичев, трое братьев, Иван, Матвей и Николай, пожалованы в потомственные дворяне (nobiles) с гербом в 1579 г.» [7. С. 180].

С людьми, настроенными радикально, Ягич встречался у А.Н. Пыпина. Сам же Ягич считал себя представителем немецкой культуры и ближе других ему были академики немецкого происхождения – А.А. Куник, А.А. Шифнер, Ф.И. Видеман, А.К. Наук. Эти предпочтения Ягича не одобрялись Срезневским.

В Одессе Ягичу не понравилось. Слишком контрастной была его жизнь в Петербурге. Он писал И.И. Срезневскому 20 августа 1872 г.: «Жизнь в Петербурге возле своей собственной блистательности подходит довольно близко к тем порядкам, к которым мы за границею привыкли [...] А Одесса? Увы, город прескверный во всех отношениях, кроме заманчивой наружности! Это не настоящий русский, это не совсем европейский город и это [...] смесь, не имеющая никаких взаимных интересов, кроме корыстолюбия, кроме торговли и спекуляции. Жизнь здесь ужасно дорога, вдвое сравнительно с Петербургом, и за такую дорожную цену не получишь никаких удобностей. Самая главная беда в том, что нет воды, нет растительности, стало быть никакой влаги, никакой тени нет, а пыль ужасная» [7. С. 64]. (Сохранена орфография автора. – Л.Л.). В письме к В.И. Ламанскому 21 июля 1872 г. Ягич писал: «Одесса обыкновенный торговый город [...] Я вряд ли останусь долго здесь. Кажется что и обстоятельства здешнего университета прескверны: наукой здесь мало занимаются» [7. С. 63]. А 10 января 1873 г. он жаловался тому же адресату: «Я к лучшему привык, нежели чтоб удовлетвориться Одессою. Ведь я боюсь, [...] что здесь вовсе отстану от Вас, других, в науке и научных занятиях. Одесса город ненавидящий на науку, это отражается и на большинстве здешних профессоров. В особенности для моего предмета никаких пособий нет. Представьте себе для сравнительной грамматики не имеет наша библиотека ни Боппа, ни Куна – одним словом ничего нет. Но и денег нет [...] Поговорить о каком ни было серьезном вопросе положительно не с кем. Я надеялся по крайней мере, что мне удастся эксплуатировать Григоровича, у которого, надо признаться, большие сведения, но Вы знаете его. Из всего этого не мудрено заключить, что я Одессой очень недоволен и что здесь никак не желаю долго остаться. По всей вероятности, я возвращусь откуда и приехал. Лучше быть учителем в Загребе, чем ординарным профессором в Одессе» [7. С. 66]. Два года Ягич читал лекции в Новороссийском университете. Один из одесских слушателей вспоминает: «Читал лекции профессор Ягич в Новороссийском университете всего два года: 1872/73 и 1873/74 – и преподавал каждый год два курса: сравнительного языкознания и санскритской грамматики. Я посещал в первом году постоянно лекции профессора Ягича [...] особенно по санскриту, и могу сказать, что хотя лекции профессора Ягича, читавшего их по-русски, и были несколько шероховатого изложения, но они искупали это содержанием; особенно санскрит профессор Ягич учил прекрасно. Не знаю, поставит ли ему в упрек или в похвалу ту огромную долю поэтического элемента, которую он привнес в чтениях по сравнительному языкознанию: это делало его лекции, конечно, интересными для слушателей, но едва ли вело к усвоению ими точного метода языкознания» [7. С. 339].

Недовольный Одессой, Ягич все же в Загреб не возвратился, хотя президент Югославянской академии Ф. Рачкий предлагал ему место в Академии, Ягич отказался. В Одессе он получал в общей сложности 4200 руб. в год, в Загребе же ему предлагали только 1800 форинтов, что составляло по тогдашнему курсу около 1300 руб. [7. С. 63]. Ягич высоко ценил возможность поправить свое материальное положение в период пребывания в России. Он заваливал просьбами петербургских ученых похотатайствовать перед министром народного просвещения или другими высокопоставленными лицами о предоставлении ему разных выплат, например, оплатить пошлину за переправу в Россию его библиотеки, или засчитать в стаж службу в Австрии, от чего зависело и жалование, и т.д. Влиятельные Срезневский и Ламанский обычно исполняли эти просьбы Ягича. Очень настойчиво, например, Ягич требовал выплатить ему подъемные деньги для го-

дичной командировки за границу и по России, которые, видимо, по закону не полагались. При этом в письме товарищу министра И.Д. Делянову от 6 июня 1872 г. он перечислил все свои заслуги перед Россией и славяноведением: «Я был девять лет ординарным преподавателем классических языков в самых высших классах первостепенной австрийской гимназии в Загребе, в продолжение этого времени я не переставал заниматься литературной деятельностью по славянской филологии. Вследствие моих [...] трудов меня выбрали [...] в члены Югославянской Академии наук в Загребе, сербское ученое сообщество в Белграде, Императорская Академия наук в С.-Петербурге, Археологическое общество в Москве. Лейпцигский же и С.-Петербургский университеты произвели меня в докторы: тот в докторы философии, этот в докторы филологии славянской. Сочувствуя славянской науке в России, желая ей посвятить свои слабые силы, я решил прекратить свою деятельность на славянском юге и согласился принять должность ординарного профессора» в Новороссийском университете. Из письма следует, что, несмотря на такие заслуги, названный университет не оплатил ему путевые издержки по командировке. Правда, Ягич забыл написать товарищу министра, что в Загребе его выгнали с работы, оставив без средств к существованию и без перспектив найти применение в Австрии, и что именно русский ученый Срезневский спас его от грозившей участи, устроил приглашение в Россию, присуждение докторской степени *honoris causa* и организовал экстраординарную профессиру в Одессе. При этом Ягич, еще находясь в Загребе полгода, получал жалование профессора университета. И.Д. Делянов отпустил Ягичу 500 рублей из средств Министерства народного просвещения, а ректор Новороссийского университета выдал 600 рублей из своих сумм [7. С. 336]. Такое внимание к своему благосостоянию очень усложняло отношения Ягича с коллегами и учреждениями, где он слыл алчным субъектом. Нельзя не отметить, что материальные запросы хорватского ученого далеко не всегда были обоснованными и «затруднительность» его материального положения бесспорно преувеличивалась. Так, в марте 1872 г. он писал из Петербурга своему близкому другу Ф. Рачкому, что располагает вполне достаточными средствами для жизни.

Выражая свою большую любовь к России как к своей второй родине и искреннее уважение и привязанность к русским ученым, Ягич все же стремился на свою первую родину – в Австрию. В 1871 г., после избрания экстраординарным профессором Новороссийского университета, ему была предоставлена годичная командировка для усовершенствования в санскритском языке. В. Богишич рекомендовал Ягичу заниматься санскритом в Петербурге, где, по его мнению, Ягич найдет таких сведущих санскритистов, каких едва ли много сыщется в Германии. То же советовал и Срезневский. «У нас найдете отличных знатоков и между прочим Косовича и Минаева. Косович знает хорошо зенд, а Минаев – пелви», – писал он [7. С. 332]. Но Ф. Миклошич, всегда отрицательно относившийся к русским, посоветовал заниматься санскритом в Берлине под руководством профессора Вебера. Ягич послушался совета своего венского учителя. Но как он вспоминал впоследствии, занятия санскритом Вебер вел примитивно и они не приносили большой пользы. Однако именно в этот период Ягич близко сошелся со своим руководителем Альбрехтом Вебером и подал ему мысль об организации в Берлинском университете специальной кафедры славяноведения, что впоследствии и было реализовано. Уверяя русских в своей любви к России, Ягич, вероятно, с самого начала, воспользовавшись их расположением, готовил себе почву для устройства в Германии. 17 декабря 1874 г. он писал Ламанскому из Берлина: «Ведь я люблю Россию не менее настоящего русского [...] и все более убеждаюсь в природном превосходстве нашем (т.е. славянском. – *Л.Л.*) [...] Мы, конечно, не так учены, но зато мы люди с душою, да и, пожалуй, известные сословия даже образованнее у нас (я говорю о России), чем здесь» [7. С. 84]. Однако «природные превосходства славян», по-видимому, И.В. Ягича не привлекали. В мае 1872 г. он

писал Ф. Миклошичу из Петербурга: «По здешним понятиям, я далеко не образцовый славянин. Я слишком испорчен немецкой наукой, мне же кажется, что если действительно немецкая наука немножечко испортила меня, то в этом именно и заключается истинная ценность моего Я, но здешним славянофилам это не по душе, и приходится откровенно признаться, что их милостей я теперь лишился вовсе, если, впрочем, был у них когда-либо в милости» [7. С. 337].

Пребывание в России Ягич использовал и для значительного повышения своего научного потенциала. Ведь российские архивы и библиотеки, как никакие другие в Европе, содержали необходимый источниковый материал, который был объектом исследования Ягича, сущностью его научной работы. Находясь в Петербурге, он не только усердно работал в архивах и библиотеках с уникальными древнеславянскими памятниками письменности, но и активно общался с той средой русских ученых, которые уже достигли значительных успехов в предмете интересов Ягича. Нигде в Европе подобной среды не существовало. Приобретая нужные материалы и заручившись сотрудничеством с русскими специалистами, несмотря на разность взглядов, Ягич покинул Россию. Однако он не поехал в Загреб, куда его усердно приглашала Югославянская академия, а направился в Берлин, где была открыта кафедра славянской филологии по инициативе А. Вебера и при содействии историка Т. Момзена. Занять эту кафедру пригласили Ягича, заранее подготовившего почву для этого. Русская ученая общественность, так много способствовавшая научному и карьерному возвышению «славянского брата», отнеслась к его отъезду из России с сожалением, и Ягич еще долго в письмах оправдывался. Русское ученое сообщество постепенно пережило это разочарование, но отношения Ягича со Срезневским охладели и вскоре вообще сократились.

Первое время в Берлине дела Ягича складывались не очень благополучно. Кафедра славяноведения в прусской столице создавалась не потому, что в Германии вдруг возник интерес к славянам, а скорее по политическим соображениям. Прусские поляки потребовали учреждения в Берлинском университете кафедры польского языка и литературы, германское правительство, чтобы нейтрализовать эту затею, способную затормозить германизацию поляков в Познанской области, открыло в Берлинском университете единую кафедру славянской филологии. Поэтому Ягичу было там, как он выразился, «не очень-то весело». «Мы тоскуем, но не скучаем. Хоть и в Берлине, все же лучше заниматься славянскими языками, чем санскритским», – писал он Ламанскому 17 декабря 1874 г. «Студентов у меня пока немного, по большей части поляки. Немцы хотели бы только по-русски учиться [...] Мое положение особенно тяжело в том отношении, что я ограничен пока только на свои литературные пособия. Здесь почти ничего нет и как-то неохотно соглашаются выписывать книги, писанные языками, им непонятными» [7. С. 84].

Примерно в таком же духе, но с известной степенью лести, Ягич писал в декабре 1874 г. О.М. Бодянскому, которого в других случаях характеризует скорее отрицательно: «Не знаю известно ли Вам, что с нынешнего академического года в университете Берлинском основана кафедра ординарного профессора славянских языков и литератур. На мою долю выпало впервые занять это место. Из преподавателя сравнительной грамматики в Новороссийском университете я стал преподавателем славянской филологии в Берлине. Это, конечно, мне очень приятно, потому что я, несмотря на важность самого предмета, уже по всем своим научным занятиям гораздо более сочувствовал филологии славянской, нежели сравнительной грамматике. Таким образом, наконец и я поступил в ряд эпигонов, которым такие славные деятели, как Вы, многоуважаемый Осип Максимович, давно уже проложили дорогу своими знаменитыми научными трудами». Далее Ягич жаловался на недостаток специальной литературы: «В здешних библиотеках не то что большие проблемы, но скорее можно сказать, что почти ничего замечательного

нет). Он просил Бодянского распорядиться выслать в Берлин «Чтения Общества истории древностей российских», всех номеров изданий, которые имеются, в Королевскую библиотеку в Берлин, а также присовокупить отдельные оттиски его «личных драгоценных изданий». В качестве компенсации Ягич предложил «свои мелочи» и какой-нибудь пока не изданный сербско-славянский текст [7. С. 85].

Приведенные фрагменты писем Ягича Ламанскому и Бодянскому свидетельствуют о том, что организацию изучения славянской филологии в Берлине он должен был начинать с нуля, при полном равнодушии со стороны немцев и отсутствии элементарных средств для обучения. Кроме того, эти факты показывают, что центр науки о славянах в последней четверти XIX в. находился в России, где уже многие десятилетия готовились кадры славистов, издавались серьезные труды по разным областям славяноведения, пополнялась источниковая база и делались научные открытия общеевропейского значения.

Не имея в Берлине учеников, энергичный Ягич стал воплощать в жизнь идею по изданию печатного филологическо-археологического органа на немецком языке под названием «Archiv für slavische Philologie und Alterthumskunde». В письме к Ламанскому Ягич писал: «“Архив” должен своим образом внушить эту мысль и тем из “иноязычников”, которые не верят в будущность русско-славянской культуры, и в особенности братьям-славянам, практически доказывая им важность научных исследований, являющихся со дня на день в большом числе в России» [7. С. 96]. «Архив» Ягича занимает почетное место в славяноведении. Все русские слависты принимали в нем участие. Этот журнал вывел славяноведение на общеевропейский путь.

Издание «Архива» и собственные научные труды Ягича весьма повысили авторитет ученого в глазах русских славистов, и когда в 1880 г. умер академик Срезневский и в Петербургском университете освободилась кафедра русского и церковнославянского языков, Петербургский университет по инициативе Ламанского решил пригласить на эту кафедру Ягича. Но, вспоминая «бегство» Ягича в Берлин из Одессы, некоторые русские ученые и официальные лица сомневались в целесообразности этого приглашения. В публицистике даже появились статьи, где Ягич назывался хорватом-немцем, а кафедру, на которой преподается русский язык, должен занимать профессор, для которого русский язык является родным. Ягич знал о негативном отношении к нему определенных кругов русского общества и предъявил ряд условий, которые, как обычно, касались материальной стороны. После некоторых колебаний Министерство народного просвещения приняло большинство условий. В 1880 г. Ягич был принят экстраординарным, а в 1881 г. – ординарным академиком РАН. С 1880 по 1886 г. Ягич читал в Петербургском университете лекции по церковнославянской грамматике и вел практические занятия по сербским, чешским или польским памятникам письменности. Но в 1886 г. в Вене умер Ф. Миклошич, освободившаяся кафедра славяноведения была предложена его ученику Ягичу, и он покинул Петербург так же неожиданно, как когда-то Одессу. В письмах Ламанскому ученый объяснял бегство из России материальными причинами. Он хотел получать жалование выше, чем все остальные профессора Петербургского университета: якобы в Вене оно больше, не нравилась ему квартира, он рассчитывал на другую и т.д. В Вене Ягич с головой ушел в научную работу, так как лекции в Венском университете проходили при весьма немногочисленном количестве слушателей, у него было достаточно много времени. Но кроме этого он стал организатором важных международных мероприятий в области славяноведения. В 1895 г. у Ягича возникла идея общими усилиями всех славянских ученых издать Энциклопедию славянской филологии. Эта идея обсуждалась на предварительном съезде в 1903 г., где было решено осуществить издание ряда монографий и других исследований по всем вопросам славянской филологии и славяноведения вообще в России, на русском языке и на средства Академии наук.

Научная деятельность Ягича была чрезвычайно разнообразной и плодотворной. Его самые выдающиеся труды посвящены церковнославянскому языку. Ему принадлежат издания многих памятников церковнославянского языка кириллического и глаголического письма. Он умел отлично разбираться в многочисленных текстах, обладал большим искусством комментировать изучаемые им памятники и делал оригинальные выводы. Ягич создал ряд ценных сочинений о древнем и современном русском языке (см. [8]), по истории славянских литератур, внес большой вклад в изучение кирилло-мефодиевской проблематики [9], этнографии, народной поэзии и т.д. Во всех отраслях славянской филологии он был крупнейшим представителем своего времени. Русские современники Ягича нередко полемизировали с ним по специальным вопросам, но в целом отдавали ему первенство.

В свою очередь Ягич весьма способствовал развитию русского славяноведения, постоянно откликаясь на труды русских ученых. Хорошо владея русским языком, издатель «Архива» практически не пропускал ни одного серьезного русского сочинения и своими суждениями стимулировал творчество авторов к работе. Информация австрийского подданного, знавшего русский язык, сыграла важную роль в осведомленности европейской науки по вопросам славяноведения в России.

На основании поступавших в «Архив» данных литературы и личных контактов с большинством славистов Ягич написал книгу «История славянской филологии», изданную на русском языке в Санкт-Петербурге на средства Академии наук в 1910 г. Новый обширный труд Ягича был одним из выпусков серии «Энциклопедии славянской филологии» и представлял собой изложение истории науки от Средних веков до современности (т.е. до 1910 г.).

Русская критика встретила новый труд Ягича неоднозначно. С одной стороны эта книга была первой работой, в которой история славянской филологии излагалась достаточно подробно и могла служить соответствующим справочником для интересующихся, а с другой – специалистов она не удовлетворяла по ряду параметров. Прежде всего, для русских славистов была неприемлема концепция этого труда. Ягич считал, что славянская филология как наука имеет своим предметом изучение духовной жизни славянских народов, как она отражается в их языке, письменных памятниках, литературных сочинениях, в произведениях народного творчества. Поэтому славян следует изучать по научным рассуждениям о языках, литературе, этнографии и произведениям народного творчества. Эта точка зрения вызвала в русской печати решительную критику. Профессор Казанского университета, известный славист первой четверти XX в., глубокий знаток истории филологии вообще, Н.М. Петровский (1875–1921) в рецензии на книгу Ягича [10] писал, что в книге отсутствует политическая и церковная история как объект исследования. «Изучать народный быт хотя бы в смысле этнографических особенностей – верований, обычаев, обрядов – нельзя без основательного знакомства с политическим положением народа, с общественным укладом его жизни, а следовательно, с государственным и церковным строем его в прежнее и настоящее время. Поэтому обзор развития славянской филологии должен заключать в себе также изложение хода исследований о политическом и церковном прошлом славянства» [10. С. 182]. Это вполне справедливое замечание Петровский убедительно развил дальше. «Едва ли кто-либо будет оспаривать тот факт, что движение славянской науки за первую половину XIX в. теснейшими узами связано с культурно-политическим возрождением славянских племен, что оно было одновременно и фактом, и фактором его», – писал рецензент. «Почти вся литература славян, и научная, и изящная, твердила на все лады о народности, а доказывать свою национальную обособленность было необходимо путем изучения своего народа в различных отношениях – лингвистическом, литературном, историческом, стимулируя к изучению народности, – писал далее Н.М. Петров-

ский, – исходя из общественных и политических взглядов, а самое изучение, в свою очередь, поддерживало эти взгляды, давая им фактическое обоснование. Поэтому славянская филология первой половины XIX в. в эпоху своего установления была лишь частью того обширного процесса, который называется славянским возрождением [...] Необходимо принимать во внимание тот факт, что самая заурядная, даже самая слабая, на наш взгляд, статья историческая или этнографическая была ... со стороны автора гражданской заслугой и как любое плохое стихотворение на патриотическую и не патриотическую тему было важно уже потому, что приучало публику к чтению на родном языке и о своем народе. Так же следует оценивать и славянскую науку эпохи возрождения». Оценку вопроса о сущности предмета славянской филологии рецензент закончил констатацией того, что в книге Ягича найдутся «факты славянской науки, зачастую оторванные от современной им общественной обстановки» [10. С. 182–183]. Трудно не согласиться с приведенным замечанием рецензента. Ко времени выхода книги Ягича его определение сущности славянской филологии давно устарело, изучение этого предмета уже давно позволяло рассматривать развитие славянского мира комплексно и всесторонне, филология стала составной частью общего славяноведения, при этом такой частью, которая развивается в тесном переплетении всех факторов жизни славян – духовных, экономических, политических и прочих. Без учета всей совокупности явлений и фактов нельзя объяснить динамику развития славянской филологии. Это обстоятельство подтверждается тем, что славяноведы со второй половины XIX в. не разделяли точку зрения Ягича, что доказывается работой предварительного съезда русских филологов-славистов в 1903 г. (см. [11]). На этом съезде, наряду с проблемами изучения языка, литературы, этнографии и т.п., очень активно обсуждалось состояние изучения славянских народов, истории церкви и права, и были приняты перспективные решения по состоянию изучения истории и участию историков в написании соответствующих трудов в «Славянской энциклопедии». Между прочим Ягич, по-видимому, был вполне осведомлен о современных ему понятиях и теориях. Справедливым представляется и указание Петровского на сомнительность метода освещения Ягичем процесса развития славянской филологии. Автор рецензируемой книги предпочел остановиться лишь на творчестве «отдельных выдающихся лиц и их совокупной деятельности» и высказать мнение об их трудах в полном их объеме, так как «их земное поприще уже завершилось». Что же касается еще живых деятелей науки о славянах, то Ягич считал, что об их заслугах будут судить потомки. Рецензент заметил, что при таком методе «история рискует превратиться в библиографический словарь» [10. С. 184]. Добавлю к этому, что в XIX в., особенно его второй половине, славяноведение сделало значительный шаг вперед в языкознании, палеографии и других дисциплинах. Были пересмотрены теории, гипотезы и выводы, считавшиеся аксиомами для первой половины XIX в., расширилась источниковая база – фактически наступил новый этап в развитии европейского славяноведения. Эти успехи были достигнуты учеными-современниками Ягича. Без характеристики достижений второй половины XIX в. едва ли можно говорить о полноценной истории славяноведения – отсутствует диалектическая картина истоков, традиций, связей прошлого с современностью. Петровский понимал причины метода изложения Ягичем материала: «Конечно, произносить приговоры деятельности живых ученых – дело крайне щекотливое и для историка крайне неудобное, – писал рецензент, – но в данном случае возможен был иной, чисто объективный путь – перечислить здравствующих представителей славистики и их труды с существующими рецензиями на них, не давая своей оценки. Одни заглавия книг и статей дали бы читателю понятие об объеме и направлении деятельности того или иного ученого и помогли бы усмотреть связь между живым учителем и скончавшимся учеником» [10. С. 184].

Вызывало у рецензента критику и расположение материала в книге Ягича, непропорциональность количества места, отведенного тем или иным представителям науки. Рецензент указал на множество пропусков имен славистов, отсутствие сведений о большом числе лиц, внесших вклад в развитие славяноведения. С другой стороны, давались пространные субъективные характеристики, принижающие значение отдельных славистов. Так, рецензент писал: «Изображая деятельность Караджича, г. Ягич придает ей характер значительной самостоятельности, хотя существующие в печати данные говорят иное; даже известный рассказ самого Вука о том, как Копитар заставил его заняться словарем, игнорирован в «Истории славянской филологии» [...] «Кукулевича, по мнению г. Ягича, «можно назвать хорватским Палацким». Едва ли кто-нибудь согласится с таким определением. Палацкого, историка, едва ли можно ставить наравне с Кукулевичем, заслуги которого ограничиваются собиранием и изданием (не всегда безупречных) материалов» [10. С. 190].

Далее в рецензии Петровского говорится о неполноте сведений в области литературы предмета, о погрешностях биографических данных, приводимых в «Истории славянской филологии», о заниженных оценках трудов и значения русских славистов для развития славяноведения. Сделав массу замечаний по этим мелким вопросам, рецензент показал, что автор, написавший историю научной дисциплины, многое в этой области не знал совсем, другое знал не совсем точно, третье в своем изложении игнорировал. Несмотря на это, рецензент признал книгу весьма полезной, так как она являлась единственным общим трудом по рассматриваемому в ней вопросу.

Разделяя последнее замечание Петровского о книге Ягича, которая действительно была первым опытом общего обзора истории развития славяноведения, следует отметить, что этот обзор уже тогда значительно устарел в оценках, характеристиках и по фактическому материалу. Речь идет не только о концепции всего труда, которая была наукой не принята, но и об односторонности и противоречивости оценок и характеристик деятельности отдельных ученых и почти полном отсутствии чувства историзма. Так, при освещении значения И. Добровского для развития славянской филологии Ягич в своей книге даже не упомянул о том, что в связи с развитием науки в XIX в. многие теории и выводы «отца славянской филологии» уже устарели. Открытия новых источников опровергли утверждения И. Добровского о происхождении глаголицы и кириллицы, уже А.Х. Востоков в 20-х годах XIX в. отверг точку зрения великого чеха относительно первого письменного языка славян в работе «Рассуждение о славянском языке...» (1820), определив его древнеболгарскую основу, так что сочинение И. Добровского «Основы славянского языка» (1822) были анахронизмом по сравнению с трудом Востокова. В течение второй половины XIX в. все серьезные ученые оценили мнение И. Добровского о происхождении славянской письменности как устаревшее. Читателю «Истории славянской филологии» Ягича в начале XX в. вероятно было бы небезынтересно узнать об этапах развития в науке тех проблем, которые не мог решить И. Добровский.

Субъективной и лишённой исторического подхода была оценка Ягичем и творчества П.И. Шафарика. В 1826 г. в Будиме была опубликована работа будущего известного чешского ученого «История славянских литератур». «Нам приходится с большой признательностью констатировать неоспоримый факт, – писал Ягич, – что это сочинение Шафарика представляет первый в обширных размерах достаточно стройно разработанный опыт воплотить в области истории славянских литератур дух общеславянских исследований Добровского» [12. С. 271]. Однако сам Добровский думал иначе. Прочитав труд Шафарика, он констатировал: «Шафарик – жалкий компилятор и фразер». Существование этого замечания основателя славянской филологии разъяснил русский ученый, профессор Харьковского университета И.М. Собестианский (1856–1895) в книге, пятую главу которой посвя-

тил разбору сочинений Шафарика «История славянских литератур» и «Славянские древности» [13]. Русский ученый доказал, что одна из глав первой работы чеха не только «полностью заимствована из идей» Гердера и сочинений Суворецкого, а представляет собой дословный перевод на немецкий язык с незначительными лишь сокращениями «церковных проповедей Яна Коллара, напечатанных в 1822 г. и имевших целью содействовать возрождению чешского народа» [13. С. 41–45]. При этом Собестианский привел для сличения тексты с одной стороны Гердера, Суворецкого и Коллара, а с другой – из сочинений Шафарика. Что касается «Славянских древностей», то Собестианский считал, что Шафарик «не выработал самостоятельно тот взгляд на характер и нравы древнего славянства, который привел в “Славянских древностях” [...] По этим вопросам Шафарик не является самостоятельным исследователем, а простым пересказчиком чужих мнений» [13. С. 56–58].

Разумеется, за более чем полувековой период, отделяющий издание «Славянских древностей» Шафарика от книги Собестианского, «История славянских древностей» приобрела совершенно другую картину. Ясно, что в 30-х годах XIX в. уровень знаний о славянах находился на первоначальной стадии и П.И. Шафарик не мог написать ничего другого. Великая заслуга чешского ученого заключается именно в том, что он первый сообщил имевшиеся о славянах сведения, по-своему их осмыслил, чем и совершил научный подвиг. Но славянская филология не находилась в статическом состоянии, и история ее развития не может игнорировать динамику процесса, особенно в XX в., и претендовать при этом на научное значение своего сочинения.

Особую субъективность и даже предвзятость автор «Истории славянской филологии» проявил в оценке русского славяноведения. Так, он старается принизить значение путешествий первых русских славистов по славянским странам в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в. Ягич написал следующее о российских ученых-первопроходцах: «Они видели многие страны, сделали мимоходом много личных знакомств, приобрели также некоторые общие понятия о славянских наречиях, доходя даже до различий в говорах, но ни один из них не выучился [...] как взяться за дело преподавания этого обширного предмета [...] Без преувеличения можно утверждать, что те указания, которые Прейс получил вначале от Востокова и потом из дружеских бесед от Шафарика имели гораздо больше значения для будущей преподавательской деятельности, чем все дорожные впечатления» [12. С. 336]. И далее: «В самом деле, какая польза для науки вышла, например, из пресловутого знакомства с семью славянскими наречиями, которым когда-то хвастался Бодянский? Или же как обогатил Срезневский чешскую или сербскую грамматику своими упражнениями в Праге, странствиями по Чехии и Моравии, или своими разговорами с Вуком в Вене и своим тяжелым путешествием по Истрии и Далмации?» Ягич считал, что первым русским славистам следовало бы ехать в Германию, где процветала классическая филология, и познакомиться с методами, которые выработали немецкие лингвисты Бопп, Гримм и др. «Все то, что потом было сделано в Москве (т.е. Бодянским) и в Петербурге (т.е. И.И. Срезневским. – Л.Л.), вполне мыслимо и исполнимо без разъездов по Чехии, Моравии, Венгрии и т.д.» [12. С. 337], – закончил повествование Ягич.

Приведенный выше материал показывает крайний субъективизм оценки Ягичем значения путешествий первых русских славистов в славянские земли в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в. В действительности эти путешествия стали началом систематического изучения зарубежных славян в России. В указанный период в нашем отечестве еще не существовало науки славяноведения. О зарубежных славянах мало кому было известно, русское общество относилось к ним индифферентно. Четыре представителя науки того времени, посланные за границу, предназначались для занятия кафедр славянских наречий, утвержденных в четырех российских университетах уставом 1835 г. Хотя они и имели представление о

славянских языках и некоторых народах, все же их знаний было недостаточно для преподавания новой дисциплины. Для выполнения этой задачи командированные за границу молодые русские ученые должны были познакомиться с «живым славянством» – языками, этнографией, образом жизни. Для первоначального этапа развития науки такая задача вполне логична, и ее русские посланцы выполнили, каждый в зависимости от своих возможностей и способностей. Именно это поколение славистов заложило тот фундамент, на котором русское славяноведение находилось в то время, когда Ягич вступил на поприще слависта и видел в русском славяноведении образец для себя.

Ягич не мог не знать о ходе развития русского славяноведения в XIX в. уже потому, что именно один из этих путешественников, Срезневский, угадал в нем перспективного славяноведа и «вытащил его из загребской дыры», предоставив возможность научного роста и вхождения в состав элиты русской науки в университете и Академии наук. Кроме того Ягич читал русскую литературу о начальных годах русского славяноведения, вышедшую из печати в 80–90-х годах XIX в., о чем свидетельствуют его собственные рецензии на ряд сочинений (например, А.А. Кочубинского, А.А. Котляревского, П.А. Лавровского), опубликованные в «Archiv für slavische Philologie». Таким образом, оценка Ягичем славянских путешествий продиктована предвзятостью, а также стремлением указать на превосходство «процветавшей в Германии» классической филологии, выработавшей новые методы исследования в языкознании. Правда, Ягич забыл отметить, что «хорошие немецкие наставники» развивали свои передовые методы в языкознании в области германистики и индоевропеистики. Никто из немецких корифеев славянские языки не исследовал, славянские языков не знал и ничего не слышал о работах А.Х. Востокова, К.Ф. Калайдовича и других.

С еще меньшей объективностью и с большим желанием показать себя в качестве представителя немецкой школы в филологии Ягич характеризует деятельность отдельных русских славистов. При этом характеристика их творчества и личности у Ягича меняется в зависимости от обстоятельств. Он льстил, лицемерил, менял свои мнения. Наибольшее количество лестных эпитетов, высоких оценок творчества от Ягича получил Срезневский, когда петербургский профессор устроил его судьбу в Петербургском и Одесском университетах. В это время он считал Срезневского «главой славянской филологии» [7. С. 61]. Но после смерти Срезневского Ягич стал главным критиком научного наследия русского слависта. В «Истории славянской филологии» австрийский ученый упрекает петербургского профессора в том, что он не стал настоящим филологом, т.е. не занялся сравнительным изучением славянских языков, не получил настоящей палеографической подготовки, не мог образцово издавать памятники письменности. Начиная с 1850 г. научная деятельность Срезневского заключалась в более-менее обширных рефератах о сочинениях, вышедших в свет за границей у западных славян, пишет Ягич. Все остальное, сделанное Срезневским, относится почти исключительно к памятникам древнеславянской и древнерусской письменности [12. С. 472]. Принижая значение Срезневского как исследователя этнографии славян, Ягич «забыл» о том, что русский ученый коренным образом изменил взгляд П.И. Шафарика на границы распространения славянских языков, славян и их расселение, установил свою классификацию языков, скорректировал сведения об этнографических сюжетах и т.д. В рецензии на труд чешского ученого «Славянская этнография» (1844) Срезневский ввел много нового материала, чем понизил престиж произведения и «обидел» его автора. В 1844 г. Срезневский опубликовал «Очерк серболужицкой литературы», которым по существу «открыл» лужицких сербов. Очерк стал материалом для освещения другими славистами духовной жизни этого народа.

Что касается трудов Срезневского «Мысли об истории русского языка» и «Славяно-русская палеография», особенно резко раскритикованных Ягичем пос-

ле смерти автора этих работ, то они были сочинениями определенного периода развития науки и их критика Ягичем является дополнительным доказательством неисторического подхода рецензента к обсуждаемым им работам. Надо признать, что в методах публикации памятников древнерусской и древнеславянской письменности Срезневский к концу XIX в. несколько устарел, так же, как и некоторые теории Ягича, не принявшего новые течения в славистике, устарели к началу XX в. Таким образом, Ягич из «глубоко преклоняющихся перед Вашим именем и высоко ценящих научные труды Ваши», как он писал И.И. Срезневскому 2 марта 1865 г. [7. С. 21], после смерти своего «благодетеля» практически перечеркнул его значение в филологической науке.

В 1874 г. Ягич писал Бодянскому, желая получить издания «Чтения ОИДР» для библиотеки в Берлине, которые редактировал русский ученый: «Вы, многоуважаемый Осип Максимович, давно уже проложили дорогу своими знаменитыми научными трудами» [7. С. 85]. В «Истории славянской филологии» Ягич писал о тяжелом характере и упрямстве Бодянского, физической неуклюжести московского слависта и ни слова о его «знаменитых научных трудах». Более того Ягич не признал заслуг профессора в создании школы историков-славянофилов. Он считал, что его ученики «очень мало похожи на него и друг на друга», что совершенно неправильно. Именно Бодянскому пришла в голову мысль рекомендовать Новикову написать диссертацию «Грамматический анализ лужицко-сербских наречий». Не принадлежа официально к московскому кружку славянофилов, Бодянский воспитал несколько крупных исследователей истории славян, чем заложил основы славянофильской школы историков, которая достигла больших успехов в творчестве А.Ф. Гильфердинга. Влияние учителя на концепцию их трудов, на выбор темы исследования и метод исполнения признавали и сами ученики.

В отрицательных тонах характеризовал Ягич и других русских славяноведов: профессора Новороссийского университета А.А. Кочубинского, В.В. Макушева – профессора Варшавского университета, основоположника албанистики в России, автора серьезных трудов по истории южных славян, знаменитого исследователя славянских материалов в итальянских архивах. После смерти В.В. Макушева Ягич долго добивался от Варшавского университета, получения его не опубликованных архивных документов. Варшавский университет выслал (на время) эти документы в Югославянскую академию, но о возвращении их обратно в Варшаву сведений не было, как и самих архивалий.

В целом российское славяноведение на страницах «Истории славянской филологии» выглядит как явление в науке отсталое, зависимое от немецкой науки, лишённое талантливых самостоятельных исследователей. Правда, речь идет только об уже скончавшихся ученых, лишённых возможности защитить свою репутацию. Таким подходом к славянской истории Ягич обеднил науку, исказил общую картину, ибо в конце XIX – начале XX в. русское славяноведение достигло высокого уровня.

Однако, несмотря на явные недостатки книги Ягича, замеченные еще и его современниками, «История славянской филологии» пользовалась определенным успехом у славистов. За неимением других пособий, она давала справочный материал о большом числе ученых-славяноведов за широкий хронологический период и по всем странам. Книгу Ягича по ее неполноте, тенденциозности и субъективности можно отнести к числу устаревших сочинений уже в момент ее выхода в свет. В настоящее время существуют обстоятельные очерки развития славяноведения не только в каждой славянской стране, но и во всех неславянских, где только наука интересовалась языком, этнографией, общественной жизнью прошлого и современностью славянских народов. За столетие, прошедшее со времени выхода «Истории славянской филологии» Ягича, наука о славянах так успешно шагнула вперед, что упомянутый труд вполне может быть отнесен к

числу произведений, свидетельствующих только об этапах развития европейского славяноведения, теперь ставших достоянием историографии.

Возвращаясь к теме настоящей статьи об оценке русских современников значенности деятельности Ягича для развития славяноведения, а также его личности, необходимо констатировать большое разнообразие мнений. Как уже упоминалось, русская литература о нем страдает некоторой односторонностью. Созданная его учениками, а также в основном появившаяся после смерти Ягича в трудное время для русского славяноведения, она незначительна по объему и не всегда надежна по содержанию с фактической стороны. Лишь одна статья, написанная представителем дореволюционного славяноведения В.Н. Кораблевым (1873–1936), но уже при советской власти, основанная на глубоком анализе архивных документов, дает достаточно объективную оценку деятельности Ягича. Следует, однако, подчеркнуть, что русские современники без исключения признают выдающуюся миссию Ягича в истории славяноведения, отмечая его исследовательский талант, эрудицию, трудолюбие, новаторский способ мышления, организационные способности и огромный результат его ученой деятельности. Признается также и ширококомасштабность научных интересов ученого, позволившая Ягичу сказать свое слово во многих областях славяноведения.

С другой стороны, многие русские ученые-современники выражали несогласие с выводами Ягича по некоторым вопросам, отмечали его нетерпимость к иному мнению, которая декларировалась им как стремление к научной истине, объективности и беспристрастности. Требование объективности Ягич предъявлял, как правило, в рецензиях, критических отзывах на сочинения других ученых. Что касается собственных трудов и практической деятельности, то он отдавал дань и идеологии, и политике, которые не разделяли его русские современники, непонимавшие его «европейские» нравственные принципы: двойственное отношение к России и представителям ее науки, высокомерное отношение к русским порядкам, лицемерие и беспринципность в стремлении обеспечить себя материально за счет России, практичность и расчетливость. Эти и другие черты личности Ягича не соответствовали менталитету большинства русской академической интеллигенции XIX – начала XX в. и, в противоположность к уважению его научного творчества, оторвали от российского ученого сообщества как личность.

Житейские отношения между славистами повлияли на научные отзывы. Представив весьма положительный отзыв на сочинение Кочубинского «Начальные годы русского славяноведения», Ягич не только резко раскритиковал другие работы одесского профессора, сменившего его на кафедре славянской филологии, но и «тиражировал» отрицательные сведения в немецком переводе других рецензентов. В письмах русским ученым Ягич называл Кочубинского «ничтожеством», а в «Истории славянской филологии» нарисовал его научный образ самыми черными красками.

В одном из панегирических очерков о Ягиче, принадлежавшем его ученику по Петербургскому университету Б.М. Ляпунову, говорится о высоких нравственных качествах австрийского ученого, которые выражались в том, что он высоко держал знамя науки, не преклонялся ни перед какими политическими и панславистическими целями и не жертвовал наукой ради патриотизма. Кроме того, «он обнаруживает самое терпимое отношение к чужим мнениям, настаивая лишь на беспристрастном отношении к делу» [14. С. 440]. Анализ переписки Ягича с русскими учеными не подтверждает этой характеристики. В действительности ученый хорват австрийского образца резко отмежевывался от русских славянофилов, он пренебрежительно отзывался о Ламанском, много сделавшем для приглашения его в Петербургский университет и получения звания русского академика. Организуя издание работ серии «Славянская энциклопедия», редактор подбирал авторов по своему вкусу, отвергая предложения представителей других направлений. Любопытный эпизод произошел с работой профессора Киевского универ-

ситета Т.Д. Флоринского, которому было поручено составить общий статистико-этнографический очерк славянства. Но получив его, Ягич статью не принял, так как в ней, по его мнению, приведена по украинскому вопросу «истинно русская» точка зрения. В ответ на отказ Ягича принять работу известного русского крупного ученого-слависта, редактор «Славянской энциклопедии» получил письмо Флоринского, краткое содержание которого целесообразно здесь передать, ибо оно свидетельствует о мнимой «толерантности» Ягича к другим взглядам, а также об отношениях к нему русских ученых. «Ваше предложение совершенно переработать статью согласно Вашим личным взглядам я, конечно, считаю неприемлемым [...] Вы можете не соглашаться с [моими] взглядами – это Ваше дело, как, надеюсь, не будете отрицать и у меня права не считать непогрешимыми Ваши взгляды и мнения по разным частным вопросам науки, но предлагать мне на шестом десятке жизни менять свои взгляды [...] это уже слишком. Очевидно, нам, русским славистам, не судьба работать в нашей русской академии и ее изданиях. За последнее время все чаще раздается из Вены утверждение о нашем русском невежестве, полном неумении работать научно и объективно. Что же, поручите кому-либо из австрийских славистов выполнение той трудной задачи, с которой я, по Вашему мнению, не сумел справиться, мне же остается просить Вас немедленно отправить мою рукопись и карту обратно в Киев [...] Я имею полную возможность напечатать рукопись в Киеве» [15]. Далее Т.Д. Флоринский подробно ответил на замечания Ягича, не согласившись ни с одним из них

Ягич вскоре действительно нашел австрийского автора, которым стал чешский ученый Любор Нидерле. Но статья и этого автора Ягича не удовлетворила. Он произвел много изменений и дополнений в ряде глав. «Статья Нидерле задает много хлопот, – писал Ягич в письме к А.А. Шахматову 23 марта 1909 г., – то, что он стряпал о южных славянах, очень неудовлетворительно вышло, я воюсь с рукописью; трудно исправить все так, как должно быть» [3. С. 331]. Однако и Л. Нидерле не стал дожидаться издания своей статьи в варианте Ягича и в 1909 г. напечатал ее в своей версии на чешском языке. Не понравилась редактору «Славянской энциклопедии» и статья казанского профессора Е. Будде «Очерк истории современного литературного языка». Такова была «толерантность» Ягича в отношении мнений других авторов. Вершиной истины он провозглашал только свою точку зрения. Переписка ученого убедительно доказывает, что И.В. Ягич стоял на «австрийской» позиции и в науке, и в жизни. На словах он отстаивал так называемую «чистую науку», свободную от какой-либо политики, но на деле являлся австрийским ученым славянского происхождения. Он раздражался, когда в русской печати появлялись указания на неравенство в отношении славян в Австро-Венгрии. «Противны мне эти постоянные нарекания и жалобы против порабощения западных славян, – писал он А.А. Шахматову в 1902 г. – В этой коварной Австрии живется очень хорошо и чехам, и полякам, и малоруссам, и хорватам, и словенцам, если бы не преследовали друг друга» [3. С. 344]. Но сами славяне, по-видимому, думали иначе, и через несколько лет Австро-Венгрия распалась, славяне променяли «хорошую жизнь» в Австрии на политическую независимость.

Ягич, являясь членом Югославянской академии наук, был также членом Венской (немецкой) академии наук, являясь членом австрийской верхней палаты парламента, имел высокий придворный чин «гофрата», постоянно сотрудничал в австрийской официальной печати, например, газете «Neue Freie Presse», полжизни провел в Вене, общаясь не только с научными, но и правительственными кругами. Уже в 1896 г. официально выступал в австрийском парламенте в защиту боснийского языка «для сербо-хорватского населения» оккупированных австрийских провинций Босния и Герцеговина, чем вызвал протест со стороны и хорватов, и сербов, устроивших уличную демонстрацию против ученого, его беспринципности в вопросе о сербо-хорватском сближении. В свое время Ягич отказался принять место в хорватской академии и, живя в немецкой среде, всячески при-

способливался к обстоятельствам. Но прожив в России около десяти лет, ученый должен был учитывать и общественные течения в России. Резко отмежевываясь от русских славянофилов, он примкнул к «западникам», т.е. к либеральному течению кадетов. Однако, по мнению В.Н. Кораблева, много лет общавшегося с Ягичем лично, он немало позаимствовал от славянофилов: верил в монолитность славянства, в особую миссию России, как объединительницы славянства, в возможность существования особой русско-славянской культуры и проч.

В то же время австрийский славист враждебно относился ко всяким радикальным течениям. Неустойчивость и двойственность его мировоззрения были хорошо известны русским коллегам по Академии и университету и вызывали скептическое к нему отношение.

Ф.Е. Корш дал такую характеристику Ягичу в одном из писем к академику А.А. Шахматову: «Он типичный К.К. Osterreichischer Geheimrath (австрийский тайный советник. – Л.Л.) независимо от его народности. В этом отношении он превзошел и Копытаря (более умного и даровитого), и Миклошича (менее умного, но едва ли менее даровитого)³. В глазах славян он сразу погубил себя тем, что выдумал die bosnische Sprache. Я очень сожалею, что до сих пор не успел ответить на его письмо, достойное старого австрийского чиновника, смотрящего с этой точки зрения и на Россию, о которой, кажется, он бы должен иметь более точные сведения и более здравые понятия. У нас он попал бы мигом в Государственный Совет по назначению и поддержал бы Дурново, Сташинского и Пихно, подсказывая им факты, знанием которых они не блещут» [З. С. 347].

Русские друзья Ягича не верили и его клятвам в любви к России, что он славит русскую науку и уважает русских ученых. После того, как он во второй раз бросил Россию и перешел из Петербургского университета в Венский, академик А.И. Соболевский, побывавший на славянском западе, так писал академику Ламанскому 22 ноября 1895 г.: «Еще анекдот о другом Вашем знакомом. Вы, вероятно, знаете, что когда Гауч предложил Ягичу высказаться, какое правописание для галицких малоруссов лучше – фонетическое или этимологическое (причем, говорят, прибавил, что правительству приятнее было бы видеть перед собою фонетическое) – Ягич немедленно высказался в пользу фонетического. Но несколько лет назад Смоль-Стоцкий (отец фонетического правительственного правописания) прислал ему свою брошюру о фонетическом правописании, и тогда Ягич по поводу этой брошюры при свидетелях (по-видимому многочисленных) отозвался о Смоль-Стоцком, как о дураке и скотине, вообще без церемоний. Вообще по новейшим известиям Ягич теперь с кафедры сильно бранит Россию и русское, а при именах русских ученых пожимает плечами: ученые-де в русском смысле слова. А помните, что рассказывали о его русофильстве в начале его венской деятельности?» [З. С. 350].

Подводя итог оценке Ягича русскими учеными-современниками, следует подчеркнуть, что она была неоднозначной. Его коллеги по Академии наук и Петербургскому университету, высоко ценя его научные труды и организаторские усилия в области славяноведения, в первую очередь издание «Архива», относились к австрийскому ученому по-разному. Представители славянофильского направления, которым, как известно, было свойственно романтическое отношение к славянам, верили в то, что Ягич искренне любил Россию и ценил успехи русских ученых в области изучения славян. В действительности же ловкий и практичный австриец приспособливался к обстоятельствам и вел, так сказать, двойную политику. Так, по отношению к Ламанскому, как уже указывалось выше, австрийский ученый был полон сарказма и неприятия, не только славянофильства, но и трудов русского ученого. Он отрицательно относился к работам учеников Ламанского,

³ Варфоломей Копитар (1780–1844) – словенец, известный венский славист. Отличался русофобией. Франц Миклошич (1813–1891) – учитель Ягича в Венском университете.

третировал К.Я. Грота, хотя в период устройства в России лебезил перед академиком Гротом – отцом Константина Яковлевича. Ягич отверг И.С. Пальмова, хотя тот был крупнейшим специалистом по истории Чехии, как автора очерка о гуситском движении для «Славянской энциклопедии», враждовал с известным исследователем истории южных славян Флоринским, хотя последний в своих работах по славянскому Средневековью не проводил никакой славянофильской концепции.

Таким образом, на основании собственных писем фигура Ягича видится не столь однозначной, как это выглядит в литературе. Впрочем, Ягич не исключение. Но знаменитый хорват оставил заметный след в славяноведении. Более того он был центральной фигурой, к которой в течение многих десятилетий тянулись все славянские и русские ученые и под руководством которого они нередко совершенствовали свои знания и методы, правда, к тому времени уже устаревшие, и получали соответствующую закалку [3. С. 350–351].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ляпунов Б.М.* Краткий очерк ученой деятельности академика И.В. Ягича. Одесса, 1901; *Архангельский А.С.* Сорок лет научной деятельности ученого. Труды академика И.В. Ягича // ЖМНП. 1901. № 12; *Виноградов В.В.* И.В. Ягич // Письма И.В. Ягича русским ученым 1865–1886. М.:Л., 1963.
2. *Карский Е.Ф.* И.В. Ягич (некролог) // Известия РАН. 1923. Т. 17; *Сперанский М.Н.* Жизненный труд и историко-литературная деятельность И.В. Ягича // Известия ОРЯС РАН. Т. XXVIII. 1924; *Успенский Ф.И.* И.В. Ягич (1838–1923). Некролог // Анналы. 1924. № 4.
3. *Кораблев В.Н.* Памяти академика И.В. Ягича к девятилетней годовщине со дня его смерти (1838–1923) // Труды института славяноведения Академии наук СССР. II. Л., 1934.
4. *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды. Минск, 1976. Библиографический словарь. Т. I.
5. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Петроград, 1917. Часть вторая. М–Я.
6. *Јагич В.* Спомени мојега живота. I–II. Београд, 1903–1904.
7. Письма И.В. Ягича к русским ученым 1865–1886. М.:Л., 1963.
8. *Карский Е.Ф.* Заслуги И.В. Ягича в изучении старославянского и русского языков // Известия ОРЯС РАН. 1923. Т. XVIII. Л., 1924.
9. *Лавров П.А.* Кирилло-мефодиевские вопросы в трудах Ягича // Известия ОРЯС РАН. 1923. Т. XVIII. Л., 1924.
10. *Петровский Н.М.* История славянской филологии. Труд ординарного академика И.В. Ягича. СПб, 1910. [Энциклопедия славянской филологии. Издание ОРЯС РАН. Под ред. орд. акад. И.В. Ягича] // ЖМНП. 1910. № 11. Раздел критика и библиография.
11. Съезд русских славистов в 1903 г. // *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.
12. *Ягич И.В.* История славянской филологии. СПб, 1910.
13. *Собестянский И.М.* Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое издание. Харьков, 1892.
14. *Ляпунов Б.М.* Краткий очерк ученой деятельности академика И.В. Ягича // Летопись историко-филологического общества при Императорском Новороссийском Университете. IX. Византийско-славянское отделение (бывшее византийское) IV. Одесса, 1901. С. 440.
15. Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 476. Л. 141–144.

© 2015 г. М.А. РОБИНСОН

РОЛЬ А.И. СОБОЛЕВСКОГО В ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО СОСТАВЛЕНИЮ КАРТОТЕКИ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

В статье на основании переписки А.И. Соболевского с Д.К. Зелениным, В.М. Истриным, Е.С. Истриной, Е.Ф. Карским, П.А. Лавровым, Б.М. Ляпуновым, Н.К. Никольским, С.П. Обнорским, В.Н. Перетцем, а также других архивных документов рассматривается особая роль ученого в организации работы над Картотекой словаря древнерусского языка и создании Комиссии по собиранию словарного материала по древнерусскому языку.

The paper based on the correspondence of Aleksei Sobolevsky with Dmitry Zelenin, Vasily Istrin, Evgenia Istrina, Evfimy Karsky, Petr Lavrov, Boris Liapunov, Nikolay Nikolsky, Sergei Obnorsky, and Vladimir Peretz, as well as other archival documents, considers a special role of the scholar in the organisation of academic work on the Card-index of the dictionary of the Old Russian language and creation of the Commission on the collection of vocabulary material on the Old Russian language.

Ключевые слова: А.И. Соболевский, переписка, Картоотека словаря древнерусского языка

В 2015 г. исполняется 90 лет организации при Отделении русского языка и словесности РАН (ОРЯС) Комиссии по собиранию словарного материала по древнерусскому языку, основной задачей которой стало создание Картоотеки словаря. Истории ее посвящена специальная работа [1]. Известно, что А.И. Соболевский был инициатором идеи создания Комиссии и положил начало Картоотеке словаря, однако, архивные разыскания позволяют полнее раскрыть и особо подчеркнуть роль ученого в этом проекте.

67-летний Соболевский писал В.Н. Перетцу в январе 1924 г.: «Предприятия у меня достаточно, стариковских, простых, но полезных, – материалов для словаря ц[ерковно]сл[авянского] и др[евне]р[усского], дополнений к Микл[ошичу] и Срезн[евскому] [...] Подобные работы я могу вести и печатать, сидя в М[оскве]» [2. Л. 50об.]. За столь скромной аттестацией своих занятий, как оказалось, стояли далеко идущие планы. Прошло чуть более полутора лет, и Соболевский в 1925 г. стал родоначальником дела, которое продолжается и поныне [1. С. 4], а «через 50 лет начал выходить “Словарь русского языка XI–XVII вв.”, а затем и другие исторические словари, отчасти воплощающие замысел ученого» [3. С. 12].

Ученый сразу же стал искать возможности привлечь коллег к задуманному им делу, имея в виду не только подготовительную стадию работы, но и возможность ее печатной реализации. По обоим этим вопросам он обратился к Е.Ф. Карскому,

Робинсон Михаил Андреевич – д-р ист. наук, заместитель директора Института славяноведения РАН.

который сообщил Соболевскому 25 февраля 1924 г. следующее: «Компании для составления ц[ерковно]сл[авянского] и др[евне]русск[ого] словарей имеются и здесь при Исследовательском институте у[ниверсите]та под руководством П.А. Лаврова, но из них, вероятно, ничего не выйдет, так как ни в у[ниверсите]те ни в Академии нет никаких средств даже на покупку бумаги и карточек, не говоря уже о гонораре. Складочное место, конечно, нашлось бы в любой из наших академич[еских] квартир» [4. Д. 187. Л. 11]. Не менее плачевно обстояло дело и с проблемой публикации. В этом вопросе Карский как главный редактор «Известий ОРЯС» обладал полнотой неутешительной информации. «О печатании в “Известиях” обработанного словаря, – писал он, – не может быть и речи: нам на год отпускают для “Известий” всего 20 л[истов], а “Сборник” и совсем не выходит. Частное издательство здесь за такую работу не возьмется. Вообще печатание по нашему Отделению в упадке» [4. Д. 187. Л. 11–11об.].

Скептическое мнение Карского на возможности работы по словарю в Петрограде не оправдалось, замыслы Соболевского нашли отклик у Лаврова. Вероятно, летом 1924 г. (письмо не датировано) он писал Соболевскому: «Не пришлось мне в последние годы Вас видеть. Мы с Вами, хоть и старше других, пережили страшное время наших несчастий. От Е.Ф. Карского в свое время я узнал, что Вы собираете материалы для церк[овно]слав[янского] словаря. А я в последние годы, когда было трудно что-нибудь печатать, стал извлекать словарный материал из разных источников. Я имел в виду не только церковнослав[янские] памятники в тесном смысле, но и другие. И, главным образом, югославянские, а между ними, прежде всего болгарские. Одним словом, мне хотелось восполнить словарь Миклошича. Чисто церковнослав[янский] материал при печатании мог бы быть выделен особым шрифтом. Выписки примеров сопровождаются греч[еским] текстом. В самое последнее время я сидел над Супр[асльской] рук[описью] и надеюсь в ближайшем будущем ее исчерпать. Сейчас еду в деревню, захватив с собой и издание для словаря. Осенью очень бы мне хотелось приехать в Москву хотя ненадолго. Тогда можно было бы поговорить с Вами. У меня есть несколько участников из сотрудников Исследов[ательского] института, которые доставляют выписки из выбранных ими источников. Если бы даже не пришлось все это напечатать при наших печальных условиях, то, по крайней мере, в рукописи собранными материалами можно было бы каждому пользоваться. Я забочусь о том, чтобы исчерпать каждый текст полностью. У меня есть выписки из разного рукописного материала, напр[имер], из Жития Панкр[атия] Тавр[оменийского] из Зонары, из Георгия Амартола, Общ[ества] Люб[ителей] др[евней] письм[енности] и др., сделанными отчасти еще давно.

Прошу принять пожелание доброго здоровья и буду рад с Вами повидаться, если останусь жив» [4. Д. 225. Л. 2–3об.].

Можно заметить, что настроение Лаврова было более пессимистичным, чем у Соболевского, но побудительные мотивы к работе над словарем были схожи и объяснялись во многом теми трудностями, которые препятствовали сложившейся практике научной работы. И Соболевский, и Лавров были готовы начать работу, в значительной степени рассчитанную на будущее.

Соболевский, активно продвигавший свое детище – словарь древнерусского языка, готовил обращение в ОРЯС, и, судя по всему, был уверен в том, что получит полную поддержку. Еще до получения какого-либо официального утверждения своего проекта Соболевский развернул активную деятельность по собиранию будущих исполнителей. При этом он прекрасно осознавал, что осуществить этот замысел будет трудно. «Момент неудобный по безденежью, – признавался ученый Б.М. Ляпунову 9 мая 1925 г., – но желающих работать – так сказать, в кредит, достаточно. А необходимо спешить. Так быстро сходим со сцены мы, классики, годные в серьезную работу» [5. Д. 293. Л. 22.]. Соболевский уже задумывался о сохранности получаемых результатов. «Материалы, к[о]т[о]р[ые]

будут скапливаться в П[етер]б[урге] в ближайшем будущем, – советовал ученый, – поберегите до осени у себя или в каком-ниб[удь] надежном месте. Кроме Вас, я имею в виду в П[етер]б[урге] Александра Семен[овича] Архангельского¹ и Петра Вас[ильевича] Булычева². Потом, наведя справки, авось, найду еще кого» [5. Д. 293. Л. 21об.–22.]. Не забыл Соболевский и долгую работу Ляпунова в Новороссийском университете. «Есть ли у Вас на виду в Одессе подходящие люди, – продолжал письмо ученый, – попробуйте списаться с ними. В Одессе нет рукописей, но необходимо использовать и печатные издания» [5. Д. 293. Л. 22].

Наконец, «2–15/V 1925» Соболевский обратился в Отделение русского языка и словесности АН со специальной запиской³ [6. Д. 1149. Л. 3–4], в которой в первой же фразе подчеркнул особую актуальность задуманного им дела. «Наиболее назревшю потребностью для русской науки, – утверждал Соболевский, – является составление словарей русского языка, особенно словаря древнего и старого русского языка» [6. Д. 1149. Л. 3]. Как отмечал ученый, «“Материалы” Срезневского ограничиваются XIV веком и лишь случайно заходят в более⁴ поздний период». Соболевский особо отмечал А.А. Шахматова, с кем он обсуждал идею продолжения работы над словарем. А «теперь, – продолжал ученый, – когда мы имеем в своей среде П.А. Лаврова и Б.М. Ляпунова и когда среди членов-корреспондентов Отделения находятся такие почтенные ученые, как А.В. Михайлов, наступило время организовать словарные сборы, придав им возможно широкие размеры и возможно значительное разнообразие». Как мы видели, и Лаврова, и Ляпунова Соболевский уже успел привлечь к конкретной работе.

«Я полагаю, – резюмировал ученый, – что необходимо образовать при Отделении специальную “Комиссию по собиранию словарных материалов”⁵, с центром в Петербурге и с отделениями в Москве и других городах, где имеются достаточные ученые силы» [6. Д. 1149. Л. 3.]. В документе определялись и группы, на которые должны быть разделены словарные материалы по хронологии и происхождению, и общий порядок работы Комиссии и ее отделений [6. Л. 3об.].

Тогда же в мае, 26-го, Соболевский вновь напоминает Ляпунову просьбу «извлечь» материалы для словаря [5. Д. 293. Л. 23об.]. Редкие поездки в Ленинград ученый использовал для обсуждения проекта. Так, Ляпунов писал Соболевскому 3 июня 1925 г.: «Очень жалею, что мало пришлось мне с Вами побеседовать. Я надеялся, что увижу Вас еще вечером в пятницу у П.А. Лаврова, но оказалось, что в этот вечер вы были у В.М. Истрина. А в субботу я два раза заходил к Вам и искал днем в Акад[емической] б[иблиотеке]ке, но неудачно» [4. Д. 238. Л. 10.]. О чем хотел подробнее поговорить Ляпунов с Соболевским, можно судить по письму последнего от 3 июля, в котором ученый сообщал: «Посылаю Вам инструкцию для простейших извлечений; ее необходимо пополнить, когда извлечения из памятников переводных будут снабжаться выписками из греч[еских] (или других) оригинал[ов]. Эта инструкция – к сведению, чтобы Вы знали, что я делаю» [5. Д. 293. Л. 24об.]. Эта предварительная инструкция касалась как собственно принципов работы по извлечению словарного материала, так и сугубо практических сторон оформления словарных карточек: «Карточка⁶ – какая угодно бумага; величина приблизительно четверть почтов[ого] бумажн[ого] листа малого формата.

Первая карточка: название памятника, его дата, шифр или издание (если он издан), его принятое Вами сокращение. Ваше имя и фамилия и их сокращения.

¹ Архангельский Александр Семёнович (1854–1926) – филолог, писатель.

² Булычев Петр Васильевич (1883–1942) – филолог, палеограф, диалектолог.

³ Документ был опубликован под названием «Докладная записка А.И. Соболевского о составлении словаря древнерусского и старославянского языка» в качестве приложения, без комментариев и каких-либо ссылок на архивохранилище [7]. Републикацию «Докладной» см. в [3. С. 413–414], комментарий см. в [3. С. 620–622].

⁴ Слово «более» пропущено в указанных публикациях.

⁵ Подчеркнуто Истриным.

⁶ Все подчеркивание в тексте сделаны Соболевским.

Прочие карточки, каждая: сокращение 1) названия (см. выше), сокращения имени и фамилии; точная выписка слова, фразы, группы фраз; смотря по надобности, цифра листа или страницы. Слова, назнач[енные] для словаря, подчеркиваются. Если их два или несколько, Вы подчеркиваете на особой карточке по одному (например, первая карточка: великий князь, вторая: великий князь).

Если Вам понятно слово, Вы помещаете на карточке, если считаете нужным, – его значение.

Слова берутся все, кроме обычных, повторяющихся. Но если обычное слово – в редкой или необычной форме, оно берется; если в необычном значении, – также берется; если синтаксич[еский] оборот особенный, слово также берется.

Словами считаются все части речи: и предлог, и союз, и частица.

Если слово, по вашему мнению, или по мнению издателя, когда памятник издан – искажено, Вы пишете на двух карточках, на одной в искажен[енном] виде (здесь отмечается: искажено) с приведением поправки, на другой пишете поправку, отмечая: в оригинале так-то. Написанные карточки Вы обертываете бумажн[ой] полоской и связываете ниткой по 100 штук (приблизит[ельно]), отмечая на бумажке (сокращенно) название памятника и свое имя и фамил[ию] (сокращения). Если карточек меньше 100, Вы отмечаете их приблизит[ельную] цифру.

Если Вы не желаете продолжать работу, Вы пишете карт[очку]: остановился на таком-то листе или стран[ице], и свои имя и фамилию.

Все карточки со словами одного памятника в пачках обертываются бумагой и связываются вместе, причем на обертке пишется название памятника и фамилия полностью, и цифра карточек» [5. Д. 293. Л. 24об.–25.].

В этом же письме Соболевский вновь вернулся к вопросу о собирании словарных материалов в Одессе. При этом ученый проявил большую осведомленность о том, какие источники возможно привлечь к обследованию. Собственно на рукописи, по мнению Соболевского, особенно рассчитывать не приходилось. «Выписки из одесск[их] рукописей, конечно, желательны, – писал ученый, – но боюсь, од[есские] библиотеки имеют рукописи только поздние. Так, Пролог 1508 г. – нечто; а все-таки, если придется взяться за Пролог, лучше взять тот или другой список XII–XIV вв. (их немало!). Кроме того, мы с Вами продолжаем давно начатое дело. Прологом пользовались и Востоков, и Миклошич, и Срезневский, нам нет надобности повторять их работу; мы можем ее только пополнить, сделав сверку с греч[еским] оригиналом. В частности, Проложное житие Людмилы было у всех трех названных мною в руках. То же следует сказать о Добрилов[ом] Ев[ангелии] и о Житии Нифонта 1219 г. Впрочем Срезневский далеко неполно исчерпал тексты: работали над текстами часто студенты при слабом его наблюдении».

«Другое дело, – продолжал Соболевский, – одесск[ие] журн[алы], главн[ым] обр[азом] Одесск[ого] Ист[орико]-Фил[ологического] О[бществ]а с трудами Рыстенка⁷, Вилинского⁸, Красносельского. Их в Одессе удобно использовать в слов[арном] отношении; на них до сих пор мало кто обращал внимание» [5. Д. 293. Л. 24об.–25.].

Ляпунов выполнил просьбу Соболевского, о чем свидетельствует письмо, полученное Ляпуновым от его одесского ученика П.А. Бузука⁹. «С удовольствием возьмусь за собирание словарного материала по одесским рукописям, – писал Бузук 10 июля 1925 г. – [...] Но чтобы согласовать характер своей работы с характером Вашей, я попросил бы Вас прислать мне для образца одну из карточек Вашего словарн[ого] материала» [5. Д. 32. Л. 32–32об.].

⁷ Рыстенко Александр Васильевич (1880–1915) – специалист по славянской филологии и византист.

⁸ Вилинский Сергей Григорьевич (1876–1950) – литературовед-славист.

⁹ Бузук Петр Афанасьевич (1891–1938) – лингвист.

Довольно быстро у Соболевского стал накапливаться расписанный по карточкам материал, и он сразу же озаботился вопросом о его размещении. Во-первых, ученый 3 сентября 1925 г. доводит до сведения Истрина: «Позвольте Вам сообщить, что я уже начал работы по др[евне]р[усскому] словарю и у меня уже лежит более 2/т[ысяч] листов. Я в первую голову извлекаю материал из писцов[ых] и т.п. книг, иконописн[ого] подлинника, приходно-расходных книг. Литературный материал (Домострой, Котошихин и пр.) я пока откладываю – для избранных сотрудников». Во-вторых, он сообщал, где в Москве временно могут быть помещены подготовленные им материалы: «Историч[еский] Музей в лице Тарабрина обещает мне ящик в своем архиве, и я намерен воспользоваться. Там уже хранится, в другом ящике, словарь столового обихода Моск[овской] Руси с моими дополнениями. Авось, он дождется благорастворения воздуха – более или менее скоро». И, в-третьих, Соболевский ставил вопрос об основном месте, где должен быть в перспективе собран весь материал для словаря: «От Ак[адемии] Н[аук] я желал бы иметь в акад[емической] б[иблиоте]ке шкаф, сундук или что-либо подобного для хранения как п[етер]б[ургских] материалов, так и тех, которые будут перевозиться – для окончательно хранения – из М[осквы], из Истор[ического] Муз[ея] и прямо от меня. Но на немедленном сооружении вместилища в Ак[адемии] Н[аук] я не настаиваю. Могу ждать и ждать» [8. Д. 151. Л. 67–68].

Если Соболевский готов был ждать выделение ему для материалов словаря особого шкафа, то с более важными организационными вопросами он медлить не хотел. О его планах Истрину сообщал 14 октября М.Н. Сперанский: «Виделся на днях с Алексеем Ивановичем: он собирается открывать комиссию по словарю, проектирует состав ее в Москве такой: он – президент, Каринский – вице-президент, Тарабрин – секретарь и делопроизводитель, члены – все наличные академики 2[-го] отделения и члены-корреспонденты, затем и приглашенные из посторонних. Инструкции он, говорит, уже написал и доложит в первом же заседании, которое на днях собирается устроить» [8. Д. 153. Л. 69].

И действительно, 24 октября состоялось первое заседание Комиссии, протокол которой, составленный и написанный самим Соболевским, был направлен в ОРЯС. Протокол состоял из трех пунктов. В первом значилось: «Слушали выписку из протокола заседания Отделения русского яз[ыка] и слов[есности] Академии Наук 22 сентября 1925 г. об учреждении при Отделении Комиссии по собиранию словарного материала по древнерусскому языку и о назначении председателем ее А.И. Соболевского. Постановили: открыть действие означенной Комиссии в Москве». Во втором пункте перечислялся первый состав Комиссии: «Постановили: избрать членами этой Комиссии член-корреспондентов Академии наук Н.М. Каринского, А.С. Орлова, А.В. Михайлова (Москва) и Е.Ф. Будде (Казань), затем: В.Ф. Ржигу, Ф.В. Буслаева, Н.П. Попова, А.Д. Седельникова, И.М. Тарабрина, Е.Н. Каринскую, Н.Л. Туницкого и А.М. Селищева»¹⁰. И, наконец, в третьем пункте сообщалось об уже имеющихся материалах для словаря: «А.И. Соболевский доложил, что в его распоряжении имеется до девяти тысяч выписок из памятников древнерусского языка, именно: из Псковской Писцовой книги 1585 г., из двух Новгородских Писц[овых] книг к[ниг] XVI в. (Майкова и Грекова), из Углицкой Писц[овой] книги XVII в. (Липинского), из Рязанских Писц[овых] книг XVI и XVII в. (Яросл[авской] Архивн[ой] Ком[иссии]), из Приправочной книги по Рязанскому уезду 1616 г. (Временник О[бщест]ва ист[ории] и др[евностей]), из Приправочной кн[иги] по Московскому уезду 1586 г. (Временник О[бщест]ва ист[ории] и др[евностей]), из Новгородских Кабальных книг (Р[уской] ист[орической] библ[иотеки], Егорова), из Рязанских Заимочных книг XVII в. (Строгонова), из Кормленной книги Костромской чети XVII в. (Зерцалова), из Боярской книги 1556 г. (Архив Калачова), из Актов о закладчиках XVII в.

¹⁰Сведения о сотрудниках Комиссии см.: [2].

(Павлова-Сильванского) и из нескольких брошюр и статей (Сторожева и др.)). Постановляющая часть протокола была немногословна: «Копию с настоящего протокола представить Отделению русского языка и слов[есности] к сведению». Документ был подписан тремя академиками ОРЯС, проживавшими в Москве: А.И. Соболевским, М.Н. Сперанским и М.Н. Розановым [6. Д. 1149. Л. 2–2об.]. Из текста протокола можно определить, что менее чем за два месяца количество приготовленных Соболевским выписок выросло с 2 до 9 тысяч.

Как только организационные вопросы были решены, Соболевский тут же озаботился расширением состава Комиссии. В Петрограде он решил привлечь к делу своего ученика и младшего коллегу В.Н. Перетца. По-видимому, на него он возлагал большие надежды, чем на своего ровесника Лаврова. Описания характера предстоящей деятельности и задач, с нею связанных, полны у Соболевского легкой иронии. Уже на следующий день после первого заседания, он оповещал Перетца: «Я открыл Словарную Комиссию и копию протокола препроводил В.М. И[стри]ну. Теперь иду на Вас. Словарн[ые] занятия для нас с Вами очень подходящее дело. Нет спешности, нет волнений, но есть занятие, прекрасно действующее на нервы, вроде грандпасьянса. Оно мешает думать о чем-ниб[удь] другом и дает скромный, но полезный плод. Я хотел бы, чтобы вы взяли на себя заботы о Петербурге, или став во главе петерб[ургского] отдела Комиссии, или войдя в ее интересы без фирмы и титулов» [2. Л. 53.]. Кроме того, Соболевский просил Перетца похлопотать и о привлечении к проекту других ленинградских ученых. «В частности, мне желательно, – писал Соболевский 25 октября 1925 г., – чтобы Н.К. Никольский занялся словарем к своему Вячеславу и к своему Клименту и чтобы Вы его к этому побудили. Далее мне желательно, чтобы заведывание шкапом Комиссии и ведение инвентарной книги взяла на себя Е.С. Истрина. Пока шкаф – пуст, но надо взять в свои руки ключ, чтобы кто-ниб[удь] его не захватил. Не переговорите ли Вы с нею?» [2. Л. 53–53об.]

Кроме ближайших коллег по ОРЯС Соболевский хотел привлечь и других знающих специалистов, оказавшихся в новых условиях не у дел. «Далее, – отмечал ученый в том же письме, – в П[етер]б[урге], в Архиве Синода или Сената сидит проф[ессор] Дух[овной] Акад[емии] литургист Карабинов¹¹ (забыл имя и отчество). Конечно, Н.К. Ник[ольский] его достаточно знает. Не возьметесь ли Вы (или Н.К. Н[икольский]) поговорить с ним на счет извлечения слов[арных] данных из переводных литургич[еских] текстов?» [2. Л. 53об.]

Перетц вскоре откликнулся, 6 ноября он сообщал о выполнении поручения Соболевского: «Отвечаю Вам по словарному вопросу. Евгении Самсоновне я передал Ваше пожелание видеть ее заведующей шкапом Комиссии и ведущей инвентарь. Она благодарит “за милостивое и любезное отношение” к ней и согласна исполнить все, что надо, но – утверждает, что пока никакого шкапа нет, и хранить нечего» [4. Д. 290. Л. 57.]. В том же письме Перетц интересовался: из рукописей только ли XV–XVII веков или из более ранних будет извлекаться словарный материал [4. Д. 290. Л. 57об.]

Через пять дней, 11 ноября¹², Перетц вновь вернулся к предложениям Соболевского. «Что касается некоторого участия в словаре др[евне]р[усского] яз[ыка], – писал ученый, – то сейчас – каюсь – ничего еще путного делать не могу: голова все еще не совсем в порядке; но со временем под Вашим руководством постараюсь дать свой вклад. [...] Если я поправлюсь, то вм[есто] “пасьянса” – возьмусь расписать что-нибудь несложное» [4. Д. 290. Л. 54–54об.]. Однако, Перетц скептически относился к возможности организовать для данной работы значительные научные силы. «А вот насчет сотрудников – у меня надежд нет, – откровенно писал ученый Соболевскому, – все молодые люди, сколько-ниб[удь] квалифи-

¹¹ Карабинов Иван Алексеевич (1878–1937) – магистр богословия.

¹² Письмо датировано 11 октября, но совершенно очевидно, что оно является ответом на письмо Соболевского от 25 октября.

цированные, – в погоне за куском хлеба. Я наводил у Вас[илия] Мих[айловича] справки, будет ли оплачиваться словарная работа по д[ревне]р[усскому] словарю, но ничего утешительного от него не услышал. Могу ли я требовать, чтобы голодная молодежь отдавала свои силы и время на словарь д[ревне]р[усского] яз[ыка]? Надо бы упрочнить его финансовое положение. Ведь Тимченко¹³, редактор Историч[еского] украинск[ого] словаря, платит (из средств Киев[ской] Акад[емии]) сотрудникам. Почему “Всесоюзная” не может на сие раскошелиться?» [4. Д. 290. Л. 54об.–56 (нарушение пагинации)].

В том же ноябре Соболевский уже без посредников предлагал Никольскому присоединиться к начатому проекту. «Гумпольд¹⁴ в Вашей обработке будет для потомства особенно ценен», – писал Соболевский 20 ноября 1925 г. Описывал ученый и состояние дела. «Так как работа по древнему периоду, до XIV в. включит[ельно], у меня только еще начинается, – сообщал Соболевский, – и мы (я, брат¹⁵, Михайлов) еще приспособляемся к материалу – я еще не рискую писать полную инструкцию. Работа по XV–XVII вв. идет бойко» [11. Л. 10].

Не оставлял Соболевский надежд и на более широкое привлечение авторов, чьи подготовленные работы возможно было бы использовать для дела. Так, он обращался к Никольскому с просьбой: «Свящ[енник] Ив[ан] Мих[айлович] Смирнов¹⁶, – писал ученый, – напечатал исследование о Син[айском] Патерике и уже в республик[анский] период получил в М[осковской] Д[уховной] Ак[адемии] магистерство. Кроме исследования у него есть в рукописи словарь к Син[айскому] Патерику по син[одальному] сп[иску] XI–XII в. Говорят, этот См[иринов] теперь в П[етерб]ург[е], на Волков[ском] кладбище. Нет ли у Вас об нем сведений. Мне бы хотелось притянуть в Ак[адемию] Н[аук] его словарь» [11. Л. 10об.].

Никольский сразу же приступил к выполнению просьбы Соболевского и отвечал ему в письме от 4–6 декабря: «Что касается И.М. Смирнова, то пока мне не удалось напасть на его след, хотя я и не теряю надежды узнать его адрес» [4. Д. 267. Л. 4]. Другую просьбу оказалось выполнить легче. «В своих бумагах, – сообщал Никольский, – я отыскал, наконец, словарь к Гумпольду, оказавшийся – неожиданно для меня – в виде печатной корректуры, доведенной до слова “радость”. Остается таким образом – перевести Словарь на карточки, докончить выборку слов с буквы Р и снабдить их латинскими параллелями, которые в корректуре отмечены только до буквы З. В каком году произвел я эту подготовку к печати Словаря – я даже не припомню» [4. Д. 267. Л. 4об.].

Очень основательно к сбору материалов для словаря подошел Лавров. Из его письма, написанного в самом конце 1925 г.¹⁷, следует, что он привлек к работе еще нескольких сотрудников. В письме упомянуты: Д.И. Абрамович, Л.В. Арасимович (Разумовская)¹⁸, Б.И. Коплан¹⁹, там же перечислены рукописи, из которых они делали выписки [4. Д. 225. Л. 5об.–6об.]. О своих планах Лавров сообщал следующее: «Я знаю, что ц[ерковно]слав[янский] Слов[арь] оставил Вондрак²⁰. Если я выеду в этом году²¹ в Слав[янские] земли, о чем я прошу, я узнаю, как он

¹³ Тимченко Евгений Константинович (1866–1948) – лингвист. Работа над словарем [9] была прекращена из-за свертывания политики «украинизации», очередной выпуск был уничтожен в типографии.

¹⁴ Речь идет об издании, подготовленном Никольским [10].

¹⁵ Соболевский Сергей Иванович (1864–1963) – филолог-античник.

¹⁶ Смирнов Иван Михайлович (1879–1937) – протоиерей. Причислен к лику святых Новомучеников Российских в 2002 г.

¹⁷ В письме упоминается о трех заседаниях Славянской комиссии (СК) «в этом году», в годовом отчете Комиссии, присланном Соболевскому, избранному председателем Комиссии, ее секретарем А.И. Ляшенко 31 декабря 1925 г. указано: «Деятельность СК выразилась пока в устройстве научных собраний, каковых в 1925 г. было три» [4. Д. 239. Л. 7].

¹⁸ Арасимович (Разумовская) Любовь Вячеславовна (1897–1969) – историк и лингвист.

¹⁹ Коплан Борис Иванович (1898–1941) – литературовед.

²⁰ Вондрак Вацлав (1859–1925) – чешский филолог-славист.

²¹ Имеется в виду уже 1926 г.

приготовлен и в каких пределах исполнен. Но я думаю, что не может быть лишним и другой словарь. [нрзб.] в свое время были два Слов[аря] В[остоко]ва²² и Миклош[ича]²³, и особенно важно то, что мы располагаем рукописными материалами» [4. Д. 225. Л. 7–7 об.].

Лавров действительно в прошении о командировании «в славянские земли, главным образом, в Чехию и Югославию на четыре месяца с марта 1926 г. по июнь включительно», которое он подал 7 ноября 1925 г., специально предполагал «выяснить, в каком положении находится труд проф. Вондрака по церковнослав[янскому] словарю²⁴, над которым работал этот ученый» [6. Д. 1151. Л. 21–21об.]. Кстати, в этом, как и последующих прошениях о заграничных командировках, Лаврову было отказано.

Соболевский 11 ноября 1925 г. обратился к председательствующему в ОРЯС Истрину с письмом, из которого следовало, что он особенно «ждать и ждать» с организацией «вместилища» для словаря, как писал за полтора месяца до этого, уже не собирается. Итак, Соболевский официально обращался в Отделение: «Ввиду составления по Академии Наук смет, прошу Отделение войти в Правление ее с ходатайством об ассигновании суммы для приобретения в распоряжение Комиссии по собиранию др[евне]русского словарного материала: 1) шкапа книжного, с полками и 2) книги, в переплете, конторского образца.

Шкап необходим Комиссии для хранения карточек и относящейся к словарю литературы, а книга – для ведения инвентарных записей». Далее Соболевский подтверждал, что не претендует на размещение материалов в Москве: «Означенные шкап и книга, – писал ученый, – будут находиться в одном из академических зданий в Ленинграде» [8. Д. 151. Л. 58.]. Дальнейший ход событий свидетельствует, сколь в непростых условиях приходилось заниматься организацией, казалось бы, простого дела, покупки шкафа.

Истрин переслал Соболевскому 5 февраля 1926 г. выписку «из журнала заседаний Правления Академии наук СССР от 4/II – 1926 года». Для Соболевского интерес представлял прежде всего пункт восемь: «Слушали: Отношение Отд[еления] РЯС от 3/II за № 25 с просьбой об ассигновании 50 руб. – на устройство шкафа для хранения материалов вновь образованной Комиссии по составлению словаря древнерусского языка, так как выделение этой суммы из ассигнованных 100 руб. на научные нужды 10-ти Комиссий по ОРЯС является невозможным.

Постановили: Ассигновать из остатков ученого кредита» [4. Д. 176. Л. 22].

Таким образом, появилась реальная возможность приобрести, наконец, злополучный шкаф. Когда ситуация окончательно прояснилась, Истрин решил ознакомить Соболевского со всем ходом борьбы за шкаф и отправил ему, по-видимому, вскоре²⁵ после предыдущего письма, машинописную копию своего обращения 3 февраля 1926 г. в Правление Академии наук [6. Д. 1149. Л. 5]: «В октябре 1925 г. я обратился в Правление с просьбой ассигновать известную сумму на устройство шкафа для хранения материалов вновь образованной Комиссии по составлению Словаря древнерусского языка. Правление отложило решение до выяснения переговоров с Центрархивом. Результата не получилось никакого.

В ноябре на второе мое заявление последовало предложение войти в переговоры с Этнографическим музеем и Библиотекой о заимствовании шкафа из академических складов. Переговоры не имели успеха.

В декабре я обратился вновь с просьбой ассигновать на устройство шкафа 50 рублей²⁶. Правление (31.XII) предложило отнестись расход на ассигнованные

²² Имеется в виду [12].

²³ Имеется в виду [13].

²⁴ Работа В. Вондрака была далека до завершения, сохранились только предварительные материалы к словарю.

²⁵ Письмо не датировано.

²⁶ В обращении от 30 декабря Истрин вновь повторял: «При ОРЯС образована новая Комиссия – “Комиссия по собиранию материалов для Словаря древнерусского языка” с филиальным отделени-

Отделению РЯС суммы²⁷. 26 января Правление уведомило, что в январе – марте ОРЯС будет получать только по 100 рублей в месяц.

Ввиду этого, не могу согласиться с постановлением Правления от 31.XII, так как и Правлению должно быть ясно, что из 100 рублей, ассигнованных на ученые нужды всех 10 Комиссий по ОРЯС, выделить 50 рублей на устройство шкафа невозможно. Вследствие этого, вновь прошу правление ассигновать 50 руб. на указанный предмет из каких-либо других сумм». Текст обращения Истрин сопроводил следующим саркастическим замечанием: «Вот Вам образец нашей академ[ичекой] волокиты (конечно – для II Отделения)». Но, как с удовлетворением отмечал Истрин: «Теперь шкаф заказан и к нему 10 ящиков для карточек в 1/6 долю локтя – ящик – длиной 9 вершков» [4. Д. 176. Л. 21–21об.].

По-видимому, Соболевский делился своими хлопотами о шкафе со многими коллегами, которые со своей стороны искали пути решения проблемы. Так, Д.К. Зеленин 15 февраля писал Соболевскому: «Открывается возможность приобрести шкаф для Вашего Словаря. Археографическая Комиссия, помещавшаяся в одном доме с Словарной Комиссией, получила в дар, вместе с библиотекой Тихвинского монастыря, также и 40 шкапов. Из монастырских книг Комиссия взяла себе только небольшую часть, прочие поступили а Академ[ическую] Библиотеку» [4. Д. 161. Л. 64]. Но это предложение уже запоздало, вопрос был разрешен, и в начале марта 1926 г. Соболевский получил сообщение, безусловно, его поразившее. Как писала Соболевскому 3 марта Е.С. Истрина: «Наконец, в помещении нашей Словарной комиссии водворен шкаф для словаря др[евне]русского языка. Шкаф сделан по заказу и вышел удачным. В нем девять полок (переносных) – для размещения ящичков с карточками. Сделано уже несколько ящичков. Словом, помещение готово, – очередь за материалами и работой». И далее продолжала она: «Вы выражали желание, чтобы я взяла на себя заботу об этом шкафе – т.е. о материалах по Словарю др[евне]русск[ого] языка. Я уже общала Вам через В.Н. Перетца о своей полной готовности принять Ваши поручения. Да и другие наши сотрудники, особенно С.П. Обнорский, заинтересованы др[евне]русским словарем и не откажутся от участия в общей работе» [4. Д. 177. Л. 7–7об.]. Таким образом, во-первых, определилось место хранения картотеки, во-вторых, ее ответственный хранитель, и, в-третьих, перспектива участия новых сотрудников в работе над картотекой. И действительно, очень скоро откликнулся Обнорский, он писал Соболевскому 25 марта: «Я очень был занят весь год окончанием своей “диссертации” и поэтому держался несколько в стороне от работ по др[евне]рус[скому] словарю. Но, разгрузившись, конечно, приму всяческое участие в этом необходимейшем деле» [4. Д. 273. Л. 1об.].

По мере продвижения работы Соболевский решил предпринять попытку организовать предварительную публикацию накопленных словарных материалов. Он обратился в ОРЯС от лица двух комиссий, которые возглавлял. «Комиссия по собиранию словарных материалов по древнерусскому языку, – писал ученый 30 апреля 1927 г., – в совместном заседании с Комиссией по изданию Славянской Библии 31 марта с[его] г[ода], имела суждение о желательности для Комиссии печатать свои мелкие материалы и наблюдения в своем специальном органе, размером от 5 до 10 печатных листов ежегодно». Соболевский предлагал и конкретную форму издания: «Этот скромный ежегодник мог бы носить название: “Материалы для словаря и грамматики славянских языков”, “издаваемые состоящими при Отд... Комиссиями...” и мог бы входить в состав “Сборника” Отделе-

ем в Москве. Председателем Комиссии состоит акад[емик] А.И. Соболевский. Все материалы будут собираться здесь в Академии и храниться в помещении Словарной Комиссии (Тучкова набережная, 2–А). Но для материалов необходим на первых порах хотя бы один шкаф, о котором я уже делал заявление в Правление» [6. Д. 1149. Л. 1–1об.].

²⁷К этому месту Истрин сделал приписку, уточнявшую ситуацию: «Но аванс был уже истрачен».

ния, на обычных для статей “Сборника” основаниях. Общая редакция ежегодника должна принадлежать председателю Комиссий или лицу его замещающему» [6. Д. 1149. Л. 6].

Время для такого обращения оказалось неподходящим, положение Отделения внутри Академии наук с каждым годом все усложнялось, о чем Соболевского информировали ближайшие коллеги. Очень влиятельные силы внутри Академии не первый год вели ожесточенную кампанию по ликвидации его самостоятельного существования. Во время первой серьезной атаки на ОРЯС в 1923 г., тогдашний вице-президент Академии математик В.А. Стеклов (1863/1864–1926) в записке мемуарного характера высокомерно рассуждал о филологической науке: «Давно уже имею мысль об уничтожении ненужного и отнюдь не научного II отделения (отдел русского языка и словесности). Здесь почти нет науки, а одна беллетристика и часто белибердистика!» [14. С. 298]. Сам он не успел осуществить своего замысла, но его мнение разделяли и другие. «К счастью, – писал Стеклов, – в последнее время и Ольденбург, и Ферсман все чаще и чаще заговаривают на эту тему и уже склонились к указанной выше цели. Даже считают, каждый про себя, что это его идея! Пускай. Пусть начнут и добьются результатов, получив всяческое удовлетворение за свою изобретательность, лишь бы результат-то был достигнут. Это большую пользу принесет академии» [14. С. 298–299]. Оба названных Стекловым сподвижники занимали в Академии в 1927 г. высшие должности: С.Ф. Ольденбург был непререкаемым секретарем, а А.Е. Ферсман сменил Стеклова на посту вице-президента.

В 1927 г. шла активная работа по подготовке нового Устава Академии, и все внимание членов Отделения было направлено на выявление какой-либо информации о перспективах ОРЯС. А информация циркулировала в основном в виде слухов и была неясна и противоречива. Уже 21 февраля, когда праздновался 80-летний юбилей президента Академии А.П. Карпинского, Н.П. Лихачев со всей определенностью сообщал Соболевскому: «В этот день как раз получены были самые грустные новости. Наше Отделение с новым уставом, который будет готов к Пасхе²⁸, уничтожается. Слово “русский” в уставе не фигурирует, и где оно было, там наименование изменено. Академиком будет 50, по 25 на двух отделениях: “физико-математическом” и “гуманитарном”» [4. Д. 230. Л. 13 об.].

Кроме этих внешних факторов, в Отделении весной 1927 г. возник конфликт в связи с выдвижением в академики П.Н. Сакулина, кандидатуру которого поддерживал Истрин и против которой был решительно настроен Перетц (см. подробнее: [15. С. 329–347]). Сложившаяся ситуация привела к тому, что Истрин, который и раньше тяготился своей должностью председательствующего в ОРЯС, подал заявление об отставке. Он особо отмечал «тенденциозное отношение и неуважение Президиума к Отделению и к его председательствующему» [6. Д. 1167. Л. 2]. В заявлении, в частности, отмечалось умышленное ограничение публикаторской деятельности Отделения. «На включенный Отделением в план изданий на 1926–27-й г. труд С.М. Лукьянова²⁹ “О Владимире Соловьеве”³⁰, – писал Истрин, – наложено Н[епременным] С[екретарем] запрещение, без уведомления к тому Отделению, вследствие чего эта работа осталась без напечатания и не была заменена какой-либо другой. В прошлом 1926 г. своевременно не было предложено Отделению представить смету расходов на 1926–27 г., а представленная смета по Словарной Комиссии не была внесена» [6. Д. 1167. Л. 1–2].

²⁸ Православная Пасха в 1927 г. была 24 апреля.

²⁹ Лукьянов Сергей Михайлович (1885–1935) – с 1906 г. член Государственного совета, в 1909–1911 гг. обер-прокурор Святейшего Синода. Неудивительно, что труд автора с такой биографией о религиозном философе Ольденбург предпочел не допустить к печати.

³⁰ Возможно, что это была работа, завершавшая издание, оставшееся, таким образом, незаконченным [16].

Следует отметить, что Комиссия по изданию Славянской Библии, чьи материалы Соболевский предлагал публиковать вместе со словарными статьями, подверглась нападкам в прессе. Об этом Соболевскому 5 июня 1927 г. писал Зеленин: «В “Ленинградской правде” от 15 мая (№ 109) был напечатан фельетон “Академический ковчег”, подписанный псевдонимом: М. Горин (здесь понимают его так: ГПУ). Фельетон этот произвел большое впечатление в академических кругах. Между прочим, первое, что здесь поставлено в вину Академии, это Ваша Комиссия по изданию славянской Библии: “Нам приходилось слышать недоуменные вопросы, напр., о том, почему в числе учреждений Академии десять октябрьских лет существует и тратит средства комиссия [Ваша]?”». «Следствие же ясное: – заключал ученый, – сметы Академии будут сокращены» [4. Д. 161. Л. 135об. – 136].

В этой обстановке по запросу Ольденбурга от 31 июля 1927 г. «М.Н. Сперанский написал “Записку о Комиссии по собиранию материалов по древнерусскому языку”» [1. С. 18]. В ней Сперанский подробно изложил цели Комиссии и формы организации работы (см.: [1. С. 18–19]. Такие же, как и у Соболевского, но менее конкретные, предложения по реализации трудов Комиссии делал и Сперанский: «Весьма желательно для Комиссии иметь небольшое хотя бы количество печатных листов в том или ином издании Академии наук» (цит. по: [1. С. 19]).

Попробуем ответить на вопрос, почему собственно на запрос Ольденбурга отвечал не сам Соболевский, а его ближайший коллега и фактический заместитель. Думаю, что Соболевский не захотел вступать в какие-либо отношения с Ольденбургом, судя по всему, между двумя академиками существовала стойкая взаимная неприязнь. Подтверждением этому может служить неприкрытое противодействие Ольденбурга подготовке и изданию сборника в честь 70-летия Соболевского. Организацией этого труда руководил Перетц, который 30 декабря 1927 г. вместе с поздравлениями с днем рождения писал Соболевскому: «Мне очень горько и обидно, что из-за какой-то нелепой дипломатии Ольд[енбург] не выпускает Сборника, издаваемого в Вашу честь: уже 2 октября я подписал к печати последнюю корректуру и до с[ей] пор[ы] не могу добиться, чтобы его подписал к выпуску в свет наш диктатор» [4. Д. 290. Л. 96об.]. А уже после выхода сборника Ольденбург по некоторым сведениям, не скрывая своего раздражения, считал, что его участники «контр[революционеры] и враги народа» [17. Л. 207об.].

Члены ОРЯС от проводившейся реформы вполне справедливо не ожидали ничего хорошего, особенно в плане публикаций трудов Отделения. Так, Ильинский 23 июня писал в Болгарию М.Г. Попруженко о том, что намеченное «слияние» II отделения с III «окончательно убьет его издательскую деятельность» [18. С. 132]. Такое предположение быстро нашло свое подтверждение. В начале января 1928 г. Никольский писал Соболевскому о том, что «Издательство и Президиум, проникнуты антисемитизмом к бывшему Отделению р[усского] яз[ыка] и слов[есности]». В результате чего «очередной выпуск “Памятников древнер[усской] л[итерату]ры” (со Словом Даниила Заточника), сданный в печать Отделением в мае прошлого года, остался ненапечатанным и не включенным в смету на 1927/8 год. Той же участи подверглись все заявления членов б[ывшего] Отделения об их издательских предположениях на тот же год» [4. Д. 267. Л. 28–28об.].

Так что надеяться на возможность публикации каких-либо материалов Комиссии по собиранию словарных материалов по древнерусскому языку и тем более Комиссии по изданию Славянской Библии в сложившейся обстановке не приходилось. Но эти неудачи планов Соболевского несколько не повлияли на работу московского отделения Комиссии. Истрина сообщала ученому 3 июня 1927 г.: «Новые материалы Словаря др[евне]русского языка, посланные с И.М. Тарабриным, получила и водворила на их место постоянного жителя». Заодно она описала Соболевскому устройство шкафа, предназначенного для Словаря: «На полке помещается 6 таких ящичков, итого: пока занято, вместе с новыми материалами, 2 полки, а их 10. Место есть, присылайте! Новую партию ящичков закажем» [4. Д. 177. Л. 8].

Следующий 1928 г. принес Соболевскому немало трудностей и огорчений. «И я, по привычке, вожусь с наукой, – писал Соболевский Никольскому 23 января, – не зирая на то, что у нас наука совсем скушана политикой и лишилась угла даже в своем доме – в Ак[адемии] Н[аук]» [11. Л. 21]. Ему же ученый писал 12 марта: «Как здравствуете? Я со своею артелью инвалидов кое-как переносим стоящие в Москве сильные морозы и бодримся» [11. Л. 26об., 27]. Но, как видно из письма Истриной Соболевскому от 20 мая, ни политика, ни морозы, не стали препятствием для продолжения его работы. «Обе посылки Ваши с словарными материалами получила, – сообщала Истрина, – в ближайшие дни переложу их в ящички и размечу на ящичках номера» [4. Д. 177. Л. 10]. Но усилившиеся бытовые тяготы становилось переносить все труднее, что влияло и на настроение обычно не терявшего оптимизма Соболевского. «Приходится отвлекаться, – писал он Никольскому 3 ноября 1928 г., – то гоняясь за белой мукою, то ища соленого масла или яиц». И далее с грустью констатировал: «Сколько слышу, и у Вас тоже возвращение к предыдущему. Ничто под луною не ново» [11. Л. 24]. Прошло немногим более полугода, и академик А.И. Соболевский скончался от воспаления легких.

Переписка ученого и другие архивные материалы наглядно демонстрируют то, что Соболевский не только определил и сформулировал научную задачу составления картотеки древнерусского словаря как актуальную и перспективную научную проблему, но и, составляя инструкции для всех участников проекта, разработал принципы практической работы по извлечению материалов для словаря и их техническому оформлению. Он инициировал придание работе организационной формы в виде особой Комиссии ОРЯС.

Ученый охотно делился с коллегами информацией о том, в каких не только рукописных, но и печатных источниках можно обнаружить необходимые для работы материалы, каких еще специалистов из смежных областей необходимо разыскать и привлечь к общей работе. Соболевский до своей кончины оставался душой проекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Картотеки «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Авторский состав и источники / Авт.-сост. Астахина Л.Ю. М., 2001.
2. РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 78.
3. *Соболевский А.А.* Труды по истории русского языка. Статьи и рецензии / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. Крысько В.Б. М., 2006. Т. 2.
4. РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1.
5. ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2.
6. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1.
7. Из истории языкознания. Письма В. Ягича к А.А. Потебне / публ. О.А. Лаптева // Вопросы языкознания. 1960. № 2.
8. ПФА РАН. Ф. 332. Оп. 2.
9. Историчний словник українського язика / Під ред. проф. Е. Тимченка. Харків; Київ, 1930–1932. Т. 1 Вип. 1–2.
10. *Никольский Н.К.* Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909. (Памятники древ. письменности и искусства; CLXXIV).
11. ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 649.
12. *Востоков А.Х.* Словарь церковнославянского языка. СПб., 1858–1861. Т. 1–2.
13. *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
14. *Стеклов В.А.* Переписка с отечественными математиками. Воспоминания / Научное наследство. Л., 1991. Т. 17.
15. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.
16. *Лукьянов С.М.* О Владимире С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии в 3-х книгах. Пг., 1916–1921. Кн. 1–3. Вып. 1.
17. ПФА РАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 207 об.
18. Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи. София, 1968.

© 2015 г. В.Я. ПЕТРУХИН

ЛЮБОР НИДЕРЛЕ. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Исполняется 150 лет со дня рождения чешского слависта – историка и археолога Любора Нидерле. Уроженец старинного городка Клатовы на западе Чехии, Нидерле закончил Пражский университет (1889), продолжил образование и работу в научных центрах Европы – Мюнхене и Париже, изучал археологические коллекции в Варшаве, Киеве и Твери. В 1898 г. стал профессором кафедры археологии и этнологии Пражского университета (создал университетский курс археологии), в 1927 г. – ректором Пражского университета. Основал Археологический институт в Праге, несколько научных журналов (в том числе «Český lid», 1892). Был соучредителем Славянского института (Slovanský ústav) в Праге, занимал пост его директора в 1928–1931 гг.

Первоначальные интересы Нидерле были связаны с «доисторической археологией»: в 1893 г. в Праге он издал книгу «Человечество в доисторические времена» (рус. перевод – СПб., 1898). Но главной темой Нидерле стали «Славянские древности» [1] – ученый продолжил дело П.И. Шафарика. Четыре фундаментальных тома, подробно характеризующих все аспекты истории и культуры древних славян (включая эпоху становления государств – раннее Средневековье), были изданы в Праге (начиная с 1902 г. выходили в 11 выпусках): «Slovanské starožitnosti» с характерным подзаголовком второй части, посвященной духовной культуре, – «Жизнь древних славян». Обширный свод знаний о древних славянах выдержал не одно издание в Праге и сразу был оценен в мировой науке. Нидерле должен был обобщить издание, изложив основы в двух томах «Руководства по славянским древностям» по-французски («Manuel de l'antiquité slave», Paris, 1923–1926). Уже этот компендиум был переведен на чешский язык в 1953 г. («Rukověť slovanských starožitností», Praha), а затем на русский – под редакцией А.Л. Монгайта с предисловием П.Н. Третьякова («Славянские древности», М., 1956). Энциклопедический труд Нидерле и само его название стали образцом для последующих фундаментальных изданий по ранней истории и культуре славян – от польского многотомного «Словаря славянских древностей» до этнолингвистического словаря «Славянские древности» под общей редакцией Н.И. Толстого (М., 1995–2012. Т. 1–5).

Обобщающие работы по «древностям» редко становятся классическими, востребованными несколькими поколениями ученых и читателей: труды Нидерле ждала судьба классического исследования – они переиздаются по сей день («Славянские древности», первое издание которых в 1956 г. знаменовало эпоху «оттепели», переизданы в Москве в 2010 г.). И дело не только в энциклопедическом охвате всего материала, характеризующего культуру древних славян: дело в глубине постижения и взвешенности изложения этого материала. Эта взвешенность характеризует и подход Нидерле к самой дискутируемой по сей день проблеме происхождения славян: он решительно выступал против «вымыслов» о библейской древности славян, до сих пор тиражируемой в романтических концепциях славянского этногенеза (правда, возводящих эту древность к «индоевропейско-

му времени»). (Например, о том, что славяне «пришли в Европу из малой Азии вместе с предками индоевропейцев в III тысячелетии до н.э.», говорится и в университетском учебнике истории России [2. С. 38].) Он отстаивал концепцию «дунайской прародины славян», хотя и предполагал, что уже во времена Геродота «Подолье и Волынь должны были быть славянскими» [3. С. 31], – представления о скифской древности славян (геродотовых неуров, будинов и других ираноязычных, как ныне установлено, племен) долго оставались популярными в науке. Остается актуальной и поставленная Нидерле проблема воздействия кельтов (галлов) на начальную историю и культуру славян [4. С. 79–96]. Но главным событием начальной этнической истории славян Нидерле считал продвижение их к Дунаю на рубеже V и VI в. н.э. и заселение славянами Балканского полуострова. «Новый народ» заявил о себе устами византийских историков и обрел свое место во всемирной истории. Корректным можно считать и подход Нидерле к проблеме дифференциации славян: он осторожно рассуждает о формировании славянских народов (и их соседей), подчеркивая общность судеб «сербо-хорватов», «чехов и словаков», особую роль иноэтнических компонентов в формировании этносов болгар и руси. Замечу, что «рубрикация» разделов, посвященных формированию славянских народов, сохраняется в современных сводных работах, но подход к сложным проблемам этногенеза часто оказывается более формалистичным. Таково выделение древних «русов» и даже «словаков» с опорой на картографирование археологических памятников в пределах выделяемых для них исследователем этнических территорий [4].

Археология за прошедшее столетие значительно расширила наши представления о «жизни древних славян», их быте и культуре, особенно в области развития поселений и ремесел. Особую значимость сохраняет подход Нидерле к проблемам духовной жизни славян в дохристианский период: эти проблемы более всего (с эпохи национального романтизма) оказываются предметом спекуляций и прямых мистификаций (от «Краледворской рукописи» XIX в. до подделок, подобных «Влесовой книге»). Нидерле признавал ограниченность возможностей для интерпретации самого значимого памятника славянского язычества – Збручского идола, отрицая его связь с культом Святовита; он подчеркивал скудость информации о языческих святилищах славян, особенно западных, демонстрировал подделки «идолов», распорочившиеся с конца XVII в. (так называемые прилвитцкие статуэтки). В связи с дискутируемой поныне проблемой языческого наследия у славян, в частности их «двоеверия», существенным представляется наблюдение Нидерле о большей терпимости к языческим пережиткам в сфере обрядности у православной церкви, где и священники могли принимать участие в неканонических обрядах [3. С. 287–297].

Работы Нидерле остаются образцом междисциплинарных исследований в области славистики, актуальны и обозначенные им направления исследовательского поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII / Oprac. w Zakładzie Słowianoznawstwa PAN pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehra-Spławińskiego (od t. 3 G. Labudy i Z. Stiebera). Warszawa; Wrocław; Kraków, 1961–1982. T. 1–6.
2. История России с древнейших времен до конца XVII в. / Под редакцией Л.В. Милова. М., 2006.
3. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
4. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

© 2015 г. М.Л. ЛАВРЕНЧЕНКО

«ПРИЯТЕЛИ» РУССКИХ КНЯЗЕЙ (ПО ТЕКСТАМ ЛЕТОПИСЕЙ ЗА XII ВЕК)

Держи своих друзей близко, а врагов еще ближе.

Сунь-Цзы

Данная статья рассматривает сферу деятельности лиц, обозначенных в древнейших русских летописях как «приятели» русских князей. В историографии этому вопросу не уделялось серьезного внимания, а между тем мы имеем дело с довольно интересными проявлениями «информационной войны» в княжеских конфликтах XII в.

This paper is focused on the cases of the «information war» in the Ruricid's confrontation of the XIIth century preserved in the texts of three older Russian Chronicles. People of a very high social rank, named as «prijateli» warned their knjaz about citizens' spirit, rebellion or his enemies' movement.

Ключевые слова: Древняя Русь, XII век, древнерусская знать, Ипатьевская летопись, социальные практики, социальное взаимодействие.

В любой политической игре кроме официальных встреч, переговоров и посланий есть второй пласт негласных соглашений, оповещений и интриг. Не всегда лицо, меняющее свои стратегические планы, заинтересовано в том, чтобы немедленно оповестить об этом остальных, в то время как для прежних союзников необходимо как можно быстрее узнать об этих изменениях. В русских летописях представлены обе стороны политической жизни князей, и если официальная сторона политических конфликтов и союзов изучена необычайно обширно, механизмы действия второй находятся подчас за пределами внимания историков. Именно она интересует нас в данной работе, посвященной сфере компетенции, возможностей и рисков лиц, которых летопись именует «приятелями» русского князя.

Термин «приятель» характерен для Киевского летописца в составе Ипатьевской летописи (здесь он встречается 14 раз), в Лаврентьевской летописи мы видим его в одном фрагменте, практически полностью повторяющим текст Ипатьевской, и еще несколько исторических ситуаций с упоминанием «приятелей» можно найти в Новгородской Первой летописи как за XII, так и за XIII в.

Лавренченко Мария Леонидовна – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Автор выражает глубокую признательность всем тем, кто помогал при написании этой статьи. В первую очередь хотелось бы поблагодарить А.А. Гиппиуса, Э.В. Емельянову, А.Ф. Литвину, П.С. Стефановича, Ф.Б. Успенского, А.Л. Лифшица.

Словари в целом едины в обозначении «приятеля» как (1) ‘друга’¹, (2) ‘доброжелателя’, (3) ‘союзника’, ‘сторонника’, дополнительно И.И. Срезневский приводит значение (4) ‘спутник’, ‘проводящий’ [1. 1902. С. 1501; 2. С. 652–653].

Важно отметить, что глагол *прияти* (*приати*) – *прию* со значением ‘любить, доброжелательствовать, быть приверженным, преданным’ [1. С. 1502; 2. С. 664], от которого образован интересующий нас термин *приятель*, никак не связан с внешне схожим глаголом, образованным от глагола *ити* – *иму* с помощью приставки *при-*: *приити* (*приати*, *приити*) – *прииму*: со значением: ‘взять’, ‘получить’, ‘принять’, ‘воспользоваться’, ‘приобрести’, ‘воспринять’, ‘принять’, ‘достигнуть’, ‘овладеть’ и т.д. [1. С. 1503–1504; 2. С. 653–664].

Интересующий нас глагол *прияти* (*приати*) – *прию* восходит к и.-е. *prāi*, *prāi-*, *prī-* (*prī-*) ‘испытывать симпатию’, ‘доброжелательное отношение’, *prī-to* ‘любимый’, *prījo* – ‘любить’, *prījā* – ‘супруга’, *prījo-tā* ‘любовь’, ‘привязанность’, *prījo-tjo* ‘возлюбленный’ [3. Р. 844], к этой же форме также восходит группа германских основ, обозначающих дружбу: гот. *frijon* ‘любовь’, др.-исл. *frijā*, др.-англ. *frēogan*, *frīgan* ‘любовь’, др.-исл. *frændi* ‘родственник, друг’, др.-англ. *frēond* ‘друг’ (совр. англ. *friend*), верхненем. *fridu* ‘мил’ [4. Р. 128–129].

Из-за относительной нерегулярности использования, а не в последнюю очередь и благодаря элементу фамильярности в современном значении слова «приятель», оно пользовалось небольшим вниманием исследователей. В.В. Колесов, обращаясь к семантическому анализу основных представлений о мире человека Древней Руси, рассматривает этот термин как новый этап трансформации обращения «друг», «без ритуала посвящения, без определения обязательств друг перед другом» и противопоставляет его «дружбе-пообратимству», «дружбе-союзу» [5. С. 54].

Ученые, более узко фокусирующие свое внимание на русских летописях, рассматривают прежде всего ситуацию, в которой, как предполагается по умолчанию, «приятелем» называется князь. Это жалоба Игоря Ольговича своему брату Всеволоду Ольговичу: «про што ми шбрекль еси Киевъ, а приятльи ми не даси приимати» [6. Стб. 316].

«*Приятелями*, стало быть, – пишет А.Я. Голяшкин в работе, посвященной терминам родства в русских летописях, – можно было называть таких князей, которые оказывали или обещали оказать свое содействие какому-либо другому князю в том или ином предприятии [...] В этом именно смысле употреблялось иногда и слово *брат*» [7. С. 246].

Этот тезис был поддержан много лет спустя В.Т. Пашуто, рассмотревшим княжеское взаимодействие через призму вассально-ленных отношений, с ссылкой на тот же самый эпизод: «Приятели – значит союзники и вассалы. Они – один из элементов прочной власти» [8. С. 63]. Это определение он подкрепляет еще одним примером, где, однако, летописец использует не сам термин «приятель», а глагол *притати*, речь идет об эпизоде, в котором Глеб Юрьевич, вынужденный капитулировать перед Изяславом Мстиславом, оправдывается после возвращения обратно в лагерь своего отца Юрия Владимировича:

«Гюргевиць же присласѧ Володимиру глѧ: “По неволи есмь хрѣтъ цѣловаль къ Изѧславоу, ѡже ма бьль ѡстоупилъ в городѣ, а ѡ вѧс ми помочи не было. Нынѣ же всѧко с вама хочю быти и *прию* вама”» [6. Стб. 360].

Глеб, без сомнения, обозначает этим словом свое искреннее намерение оказаться в лагере отца и его союзников – Святослава Ольговича и Владимира Галицкого, однако может ли он называть их «приятелями»? Известно, что брат Глеба, Андрей, находящийся ровно в таком же положении и с политической и с родовой точки зрения, называет Владимира Володаревича «братом», а не «приятелем» [6. Стб. 410–411], а сам Глеб при капитуляции Изяславу говорит последнему «ако мнѣ

¹ Ср. более позднее *неприятель* в военно-стратегическом значении.

Гюрги **ѡдѣ**, тако **мнѣ** и ты **ѡдѣ**» [6. Стб. 395]. Как видно, использовать глагол *притати* по отношению к человеку вовсе не значит называть его «приятелем» – со всей очевидностью, для Рюриковичей выбор обращения был очень значим и они предпочитали использовать исключительно термины родства и свойства в данных ситуациях.

Совершенно в ином контексте рассматривает «приятелей» в своих работах П.С. Стефанович, изучающий отношения древнерусского правителя с его людьми: «У князей часто упоминаются приятели в тех городах, в которых они когда-либо сидели и/или на которые претендовали» [9. С. 217]. Чуть ранее он дает более подробное определение, объединяя «приятелей» с мужами «во приязнь», определяя их как «сторонников князя в стане врага или в тех землях и городах, где противоборствуют “партии”, сочувствующие разным князьям», и определяет эти отношения как «симпатию, дружественный союз» в обмен на «чести многи», покровительство, дары, милости и пожалования [9. С. 175]. Это определение наиболее близко к моему пониманию того, кем были «приятели», однако здесь есть и некоторое противоречие: затруднительно со стороны князя оказывать публичное покровительство и честь человеку, который поддерживает его, но находится в стане врага.

С моей точки зрения «приятель» – деятель информационной войны в политической конфронтации, он поведывает, осведомляет, передает весть. Он находится либо во вражеском лагере, либо в ключевом городе, который также по сути представляет собой вражеский лагерь во время захвата его противником или в момент мятежа, даже если князь все еще находится в нем (и тем большей опасности подвергает себя). «Приятель» – не рядовое лицо, он относится к очень узкому кругу доверенных князю людей, участвующих в принятии решения (и сам, соответственно, занимает одну из самых высоких социальных позиций), и осведомляет об этих решениях другого князя, «приятелем» которого является. Когда речь идет о городе, в котором принимается решение поддержать того или иного князя, то «приятелем» также является тот, кто участвует в вече или в более узком совете ключевых фигур. Исходя из сказанного, можно представить себе, какому риску подвергает себя человек, доносящий эксклюзивную информацию до заинтересованного в ней правителя.

«Приятели» в Новгороде

Первая из интересующих нас ситуаций связана с политическим конфликтом в Новгороде 30–40-х годов XII в. Этот город на тот момент имел стратегическое значение, которое трудно переоценить, им пыталась завладеть каждая из противоборствующих княжеских групп², в самом городе также разворачивалась борьба боярских родов между собой, представители каждого из которых имели связи с определенным князем и старались посадить его на новгородский стол [10. С. 102; 11. С. 62–72]. Вся система связей находилась в постоянной динамике, княжеские политические группировки меняли свой состав, равно как и число приверженцев князя среди влиятельных людей города. Именно в этой атмосфере мы встречаем первое упоминание о «приятелях», причем сразу в двух летописях – в Ипатьевской и Новгородской Первой.

Новгородская Первая летопись сообщает о «приятелях» Всеволода Мстиславича – это новгородские и псковские мужи, причем по имени называются Нежата Твердятич и Константин (Къснятинъ, Костянтинъ) Микульчич, известные новгородские посадники: сначала они призывают князя вернуться в Новгород, сообщая о том, что город готов принять его, а затем, после того как выясняется

² Изначально это были Всеволод Ольгович и его братья, находившиеся в конфронтации с Мстиславичами и их дядьями, а затем, после примирения Мстиславичей с Всеволодом Ольговичем, а особенно после смерти последнего, разворачивается противодействие между дядьями и племянниками Мономаховичами, брат же Всеволода, Олег, примыкает к лагерю Юрия Владимировича.

ошибочность их оценки, бегут вместе с ним в Псков, а из имущества Константи-на и Нежаты горожане вычитают по полторы тысячи гривен:

«Въ то же лѣто приде князь Мьстиславиць Всеволодь Пльскову, хотя сѣсти опять на столе своем Новѣгородѣ, позван отаи новгородскими и пльсковскими мужи, приятели его: “Поиди, княже, хотят тебе опять”. И яко услышано бысть се, яко Всеволод Пльсковѣ съ братомь Святопѣлкомь, и мятежь бысть великъ Нове-городѣ: не въсхотѣша люде Всеволода, и взяша на разграбление дома ихъ, Къс-нятинъ, Нѣжатинъ и инѣхъ много, и еще же ищюше то, кто Всеволоду приятель бояръ, тѣ имаша на нихъ нѣ съ полуторы тысяце гривенъ» [12. С. 24–25].

Незадолго до этого в Новгороде (Нежата и Константин еще находятся в городе) обосновывается Святослав Ольгович, который начинает стремительно укреплять свои связи с горожанами, очень спешно устраивает свадьбу, сопряженную с известными сложностями. Помимо конфликта с новгородским епископом Нифонтом, отказавшимся его венчать³, Святослава Ольговича пытаются убить сторонники Всеволода Мстиславича – «В то же лѣто стрѣлиша князя милостыници Всеволожи» [12. С. 24]. Были ли эти милостыницы теми самими «приятелями»? Вероятнее всего, так оно и есть, в обоих случаях летописец акцентирует внимание на их материальной заинтересованности по отношению ко Всеволоду, но во втором случае они никого не оповещают, возможно поэтому и термин «приятель» здесь неуместен.

Через некоторое время Святослав Ольгович бежит из города, как сообщается в Новгородской Первой летописи, вместе с Якуном Мирославичем (Якшей берестяных грамот⁴): «Онъ же (Святослав Ольгович. – М.Л.) убоаясь новгородць: чи прѣльстивыше мя имуть, и бежа отаи в ночь; Якун с ним бежа» [12. С. 26].

Из текста Ипатьевской летописи мы узнаем, что новгородцы начали избивать «приятелей» Святослава Ольговича, а сам он был предупрежден своим кумом, тысяцким. В повествовании об оповещении князя летописец использует глагол *съприяю* (являющийся гапаксом и образованный от глагола *прияю* с помощью приставки):

«(Всеволод Ольгович. – М.Л.), слышавъ, ѡже вѣсташа Новгородци въ вѣчи и избиваютъ приятель Сѣтославлѣ про его насилье, и съпрыми емоу коумь, тысяцкой его: “Княже, хотать та мти”. Онъ же оубоимъсѧ и бѣжа и с женою и съ дружиною своею на Полтескъ» [6. Стб. 307].

И.И. Срезневский переводит *съприяю* как ‘благожелательствую’ [16. С. 805], однако, на мой взгляд, более близким переводом будет ‘поведывая’, ‘сообщая’ (во фразе отсутствуют другой глагол с этим смыслом), что поддерживает наше предположение о том, что термин «приятель» обозначал именно осведомителя.

Якуна и его брата Прокопию новгородцы захватывают во время бегства, Якуна скидывают с моста в Волхов, но он остается жив и лишается 1000 гривен, а Прокопия – 100. Упомянутые суммы меньше той, которой расплатились за свое прикрытие Константин или Нежата, но они необычно близки к ней, если учитывать потери братьев вместе [12. С. 26].

Итак, в одном политическом конфликте упоминаются «приятели» конкурирующих князей в одном и том же городе, причем Ипатьевская летопись, известная

³ С точки зрения Ф.Б. Успенского и А.Ф. Литвиной, запрет Нифонта связан с тем, что новобрачные были слишком близки по родовым счетам, соответственно, невестой могла быть сестра второй жены Мстислава, дочь Дмитра Завидича. Еще одно предположение заключается в том, что его брат Игорь уже был женат к тому времени на новгородке, родственной невесте [13]. Как видно из текста, наиболее активную позицию за Святослава занимает Якун Мирославич, а именно он и Петр славятся тем, что выдают своих дочерей замуж за княжеских сыновей (дочь Петра Михалковича выходит замуж за Мстислава Юрьевича, а дочь Якуна вышла замуж за Мстислава Ростиславича (сына Ростислава Юрьевича), поэтому вероятно также, что именно среди родственников и союзников Якуна Мирославича и следует искать возможную невесту князя.

⁴ Ряд грамот, посвященный сместному суду Петра и Якши, усадьба Е Троицкого раскопа [14. С. 313–322; 15; 10. С. 100–101].

своим лояльным отношением к Мстиславичам, пишет о «приятелях» противника Всеволода Мстиславича, Святослава Ольговича, вслед за сообщением о его «насилье», никак не упоминая «приятелей» самого Всеволода Мстиславича, о которых можно узнать из Новгородской Первой летописи, также подробно описывающей этот конфликт. Исходя из этого наблюдения сложно напрямую утверждать о негативной окраске термина «приятель», однако отмеченная особенность наталкивает на мысль о том, что наличие таких «приятелей» у князя несколько противоречит его изображению в выгодном свете.

В конце 60-х – начале 70-х годов XII в. Ипатьевская летопись упоминает в Новгороде «приятелей» – Романа Мстиславича и Святослава Ростиславича. В статье 6677 (1169) г. речь идет о «приятелях» Святослава⁵, которые приезжают к князю на Городище и рассказывают о заговоре. Он же начинает действовать не сразу, а проверяет их сообщение, однако не говорится, каким именно образом:

«Том же лѣтъ начаша Новгородьци вѣче дѣяти в тайнѣ по дворомъ кнѣза своего на Стослава на Ярославича, и приѣхавше на Городище приятели его начаша повѣдати: “Кнѣже, дѣють людье вѣче ночь, а хотѣть та ити, а промышляли ѡ собѣ”. Кнѣзь же, испытавъ извѣсто ѡ собѣ и ѡ нихъ, иви дружинѣ своей» [6. Стб. 537].

В статье 6681 (1173) г. описана другая ситуация: Роман Мстиславич рассказывает дружине и новгородцам-«приятелям» о смерти своего отца:

«Того же лѣтъ исходѣша и приде вѣсть к Романови ѡ ѡтци смрти. Романъ же иви дружинѣ своей и приителемъ своимъ Новгородьцемъ, и сгадавше дружина и рѣкоша ему: “Не можемъ, кнѣже, оуже здѣ быти, а поиди къ брати къ Володимирю”. Шнѣ же послуша дружинѣ своѣи, поѣха къ брати» [6. Стб. 561–562].

Дружина выступает здесь в роли советчика, понимающего политическую ситуацию в целом, в то время как присутствующие новгородцы названы «приятелями» потому, что только они способны оценить, что произойдет в городе в случае отъезда Романа и удастся ли ему или его союзникам вернуться в него вновь (что не получилось у Всеволода Мстиславича). Показательно, что ни в одном из случаев «приятели» не упоминаются поименно, хотя, по всей видимости, они входили в круг наиболее высокопоставленных лиц в городе, так как в первом случае они смогли попасть на вече, собранное в частном порядке во дворах, а во втором – князь доверил им оценку политической ситуации в городе⁶.

⁵В летописи стоит «Ярославича», однако среди правителей Новгорода не встречается такой князь, а далее идет речь о том, что новгородцы клялись его отцу, что напрямую указывает на Ростислава Мстиславича и Святослава Ростиславича.

⁶Еще несколько упоминаний о «приятелях» в Новгороде, не относящихся к интересующему нас времени, находится в Новгородской Первой летописи: в статье 6773 (1265) г. говорится о том, что Воишелк после убийства отца собрал около себя воинов и «приятелей» своего отца (ситуация похожа на только что рассмотренную нами, когда Роман собирал «приятелей» и дружину после смерти отца Ростислава), однако напрямую не говорится ни о какой их деятельности [12. С. 85]. В статье 6778 (1270) г. упоминаются «приятели» Ярослава Ярославича, о них известно немного больше и действуют они так же, как и «приятели» Святослава Ростиславича: бегут к нему на Городище с сообщением о том, что в городе мятеж. Среди «приятелей» Ярослава упоминаются Иванко, тысяцкий Ратибор, Гаврило Киянинов, сообщается также о том, что их дома разграбили, а «хоромы разнесоша» [12. С. 88]. По сравнению со временем Ростиславичей, этот конфликт в целом характеризуется тем, что участвующие в нем бояре названы по имени. Еще одно определение, схожее с термином «приятель», можно видеть в статье 6737 (1229) г., когда в Новгороде прорывается к власти прочерниговская группировка, сам Михаил Всеволодович (черниговский князь) в городе и «на Ярославлихъ (Ярослава Всеволодовича. – М.Л.) любовничехъ поимаша новгороцы кун много» [12. С. 68].

Другие города

Иная ситуация возникает в конце 1150-х годов в Полоцке, где горожане посылают к князю Рогволоду Борисовичу, решив пригласить его в город вместо Ростислава Глебовича, летопись сообщает о том, что решение принимал «свѣтъ золь», что указывает на довольно узкую группу людей, мало того, они посылают к Рогволоду втайне, что усиливает впечатление организации всего мероприятия небольшим кругом лиц, опасующихся сторонников Ростислава. Однако князь заранее получает соответствующее сообщение, о чем летопись говорит в предельно лаконичной форме:

«И бѣху при теле Ростиславу ѿ Полцань: ѡже хотѣти и ити» [6. Стб. 495], статья 6667 (1159) г.

Предупрежденный Ростислав надевает кольчугу под одежду и полотчане не решаются напасть на него⁷.

В Галиче упоминаются «приятели» Ярослава Владимировича Осмомысла с уточнением группы лиц – это Чаргова чадь, избитая сторонниками сына Ярослава – Владимира, о чем сообщает последнему Святополк:

«И оустрѣте и (Владимир. – М.Л.) вѣсть ѿ Стополка из Галича: “Поѣдь стрѣпаль, ѡца ти есмы или и приятели его Чаргову чадь⁸ избилѣ, а се твои ворогъ – Настаська”» [8. Стб. 564], статья 6681 (1173) года.

Пятнадцать лет спустя «приятелей» уже самого Ярослава Владимировича опасаются сторонники Романа Мстиславича, активно преследующего свои интересы в городе:

«Не вси бѣхоуть в доумѣ тои, боихоу бо сѧ прицелевъ Володимѣревыхъ» [6. Стб. 660], статья 6696 (1188) г.

Одним из самых интересных свидетельств информационной войны является сообщение о «приятеле» Изяслава Мстиславича в Чернигове – городе, в котором этот князь никогда не правил, родовом оплоте Ольговичей, куда, по всей видимости, было практически невозможно попасть представителю Мстиславичей. Летопись сообщает о заговоре братьев Изяслава и Владимира Давыдовичей, а также Святослава Ольговича против Изяслава Мстиславича, однако посол Изяслава, Улеб, быстро понимает ситуацию и спешит сообщить об этом князю. Одновременно с этим Изяславу приходит сообщение из Чернигова, причем его автор и гонец не упоминаются. В послании идет речь о той же измене бывших союзников Ольговичей и Давыдовичей:

«То же слышавъ Оулѣбѣ, приѣѣже ко кнзю своему Изяславоу и сказа емоу: “ѡже его ѿстоупили кнзи Черниговский и цѣловали на нь хрѣтъ”. И приде емоу вѣсть ѿ приятелии и~Щернигова: “Кнже, не ходи – ѿтолѣ никамо ведоуть тѧ лестью, хотѣть оубити, любо ити во Игорѧ мѣсто”» [6. Стб. 345], статья 6655 (1147) г.

Успешность Изяслава, прошедшего головокружительный политический путь при посредственном исходном положении, не в последнюю очередь связана с деятельностью таких людей, немедленно сообщавших ему о возможных перестановках в стане врага – как о передвижениях войск, так и об изменении планов

⁷ «и начаша Ростислава звати лестью оу братьшину къ сѣки Бѣи къ Старѣи на Петровъ дѣнь – да ту имуть и. ѡн же ѣха к нимъ, изволочивсѧ въ бронѣ, подѣ порты и не смѣша на нь дѣръзнути» [6. Стб. 495], статья 6667 (1159) г.

⁸ Выражение «приятели Чаргова чадь» вызывает мысль о дружине или вооруженном отряде, сам термин «*чадь*» наиболее естественно перевести словом «люди» с самым широким кругом значений [16. С. 1469–1470]. С моей точки зрения, само наличие уточняющего термина перед словом «*чадь*» в упомянутом летописном отрывке и в схожих ситуациях, например «дружина Савина чадь» (бер. гр. № 69, XIII в., здесь речь идет именно о дружине [14. С. 513–514, 354]; «придоша Новгородци, дѣпшиѣ мужи, Мирошчына чадь» [17. Стб. 415]), указывает на принадлежность данной группы людей к кругу какого-то авторитетного человека без уточнения, были это родственные связи или служба, а также их количества и характера отношений (воинская сила, поддержка в городе).

противника. Что мог предложить Изяслав в обмен на эту жизненно важную для него информацию? Со всей очевидностью, существует только один вариант – денежное вознаграждение, так как при любых других формах благодарности, будь то знаки личного расположения или попытки социального продвижения, угроза для жизни и имущества «приятеля» многократно усиливается, и как мы видим, первое, что наступает Якуна Мирославича, Нежату Твердиславича и Коснятина Микульчича в такой ситуации, – изъятие от 1000 до 1500 гривен.

Под 6656 (1160) г. в Чернигове упоминаются «приятели» Изяслава Давыдовича, сообщающие ему о болезни двоюродного брата Святослава Ольговича и отсутствии в городе племянника последнего, Святослава Всеволодовича. Изяслав находится на пути в Чернигов, собираясь его захватить. Однако, несмотря на болезнь, Святослав отбил претензии Изяслава Давыдовича.

«Изяславъ же Двѣвичь доиде Игорева броду и ту постиже и вѣсть и~Щернигова ѿ своихъ ему приятель, рекуче ему: “Не ꙗзди, кѣже никамо же, братъ ти Стославъ боленъ, а сѣовець ѿ него шель Новугороду”» [б. Стб. 506], статья 6656 (1160) г.

«Приятели» в военном лагере противника

«Приятели» князя в городе, где шансы на успешное его правление невысоки, испытывают не столь высокие риски, как те, кто, находясь во вражеском военном лагере в условиях военных действий и передвижений войск, находят возможность передать информацию. Один из наиболее показательных случаев, демонстрирующих быстроту «приятелей», описан в летописи под 6654 (1146) г., когда Святослав Ольгович, разбивший Изяслава Давыдовича, в то время союзника Изяслава Мстиславича, и остановившийся в Корачеве, узнает от «приятелей» о том, что на него движется объединенное войско союзников. Характерно, что и сам Изяслав Мстиславич и его союзники узнают о том, что Святослав Ольгович осведомлен об их действиях также, по всей видимости, от «приятелей», хотя напрямую они так не называются:

«[...] И приде имъ вѣсть ис Корачева, уже Стославъ ѿ приятелии (Х.Л. – приятели, и прибавлено слышавъ), уже Изяславъ Мстиславичъ идетъ на нь Кърачевоу и с братею»⁹.

Касательно следующего случая летопись сообщает множество интересных деталей, так как речь идет о боярине, необычайно любимом Киевской летописью, – Петре Бориславиче, и его брате Нестере. Они рассорились со своим князем Мстиславом Изяславичем (как известно, прежде Петр Бориславич возглавлял важнейшее посольство от лица его отца Изяслава Мстиславича и часто находился при нем) и пришли к Давыду Ростиславичу с известием. Ростиславичи не были во вражде с Мстиславом на тот момент, хотя между ними и были определенные противоречия. Петр и Нестер сообщают Давыду «злѣ рѣчи»¹⁰ о том, что им угрожает опасность со стороны Мстислава Изяславича. Далее Давыд передает эту информацию своему брату Рюрику, не называя бояр по имени, но используя для обозначения информантов термин «приятели»:

«Дѣдъ же има вѣры нача повѣдати брату Рюрикови: “Брате, приятелеве ми повѣдаютъ, уже Мстиславъ хочеть наю ити”»

Как видно, Давид умалчивает о том, кто сообщил ему о возможной опасности, вероятно, что и сами братья не хотели огласки. Переводя на более привычные

⁹Здесь также пропущен глагол *сообщили*, вставленный уже в Хлебниковской летописи (Х.Л.) [б. стб. 336], статья 6654 (1146) г.

¹⁰«Начаста молвити Бориславича Петръ и Нестерь злѣ рѣчи на Мстислава къ Дѣдови лжоча, занеже блше Мстиславъ възлюбивъ и ѿпустилъ ѿ себе про ту вину, уже блху холопи ею покралѣ конѣ Мстислави оу стадѣ и патны свои възскралѣ рознаменываюче» [б. Стб. 451] – речь идет о краже коней с помощью переставления тавро.

для современного русского языка выражения, слова Давыда можно заменить на «Брат, некто мне сказал...».

Далее летопись сообщает о сомнениях Рюрика Ростиславича касательно правдивости этого сообщения, однако Давыд рассказывает о том, что известие подкреплено указанием на то, что Мстислав собирается их пригласить на обед:

«Рюрикъ же речѣ: “Брате, а про что? А кое вина? А крѣсть к нама ци давно цѣловаль!”. Рекла же бѣшета и то слово Двѣди: “Уже ва Мьстиславъ почнетъ звати на вѣкъдъ, то ту ваю итье будеть, а наю слово право будеть к вама”» [6. Стб. 541–542], 6678 (1170) г.

По всей видимости, такого же плана подтверждение получил упоминавшийся ранее Святослав Ростиславич от своих «приятелей», когда он «испытавъ извѣсто» о своем возможном пленении, на таком же торжественном мероприятии избежал нападения Ростислав Глебович.

Яркий летописный эпизод «предательства Бориславичей» неоднократно привлекал внимание исследователей. В частности, П.С. Стефанович рассматривает обращение бояр к Давыду как желание вступить в дружину князя [9. С. 214]. В ответе Давыда исследователь видит нежелание князя «рассматривать их как своих дружинников». Однако в свете данного исследования ситуация выглядит совершенно иначе – речь идет не о возможности или невозможности для братьев перейти на службу к новому князю, а лишь о желании Давыда скрыть их истинные имена в разговоре с братом. Кроме того, как «приятели» они воспринимаются потому, что обладают ценной информацией из чужого лагеря, несмотря на то, что они в нем больше не находятся. Какова их дальнейшая судьба – остались ли они в Киеве, перешли ли на службу к Ростиславичам или примирились с Мстиславом Изяславичем – неизвестно.

Не только Ростиславичи могли рассчитывать на «приятелей» из лагеря Мстислава Изяславича, но и сам Мстислав имел «приятелей» в лагере братьев, причем насколько можно судить, их показания отличались большей точностью. За год до только что рассмотренных нами событий умирает Ростислав Мстиславич, его место в Киеве должен занять Мстислав Изяславич, долгое время дожидавшийся этого момента. Мстислав, учитывая сложную обстановку, сразу после получения известия о смерти дяди посылает к Киев своего боярина Володислава Воротиславича к верному союзнику Василько Ярополчичу, чтобы он занял Киев и ждал его. В это время остальные участники событий посылают к Мстиславу своих послов, чтобы начать переговоры о новом распределении городов. В это время «приятели» Мстислава, не указанные по имени, передают Василько и Володиславу информацию о том, что эти князья уже договорились между собой о таком распределении и, по всей видимости, будут стоять на этом единым фронтом против Мстислава Изяславича на переговорах:

«По Ростиславли смѣрти начаша слати по Мьстислава братыи: Володимиръ Мьстиславичъ, Рюрикъ, Двѣдъ, Киане ѿ себе послаша, Черныи Клобуки ѿ себе послаша.

Мьстиславъ же посла Володислава Воротиславича передъ собою къ Василкови къ Ярополчичю, велѣ ему сѣдѣти Киевѣ до себе, и тиоунъ свои посла.

И начаша притѣгли Мьстиславли повѣдати Василкови и Володиславу, уже Володимиръ Мьстиславличъ и Андрѣевичъ и Ярославъ Мьстиславль братъ и Рюрикъ и Двѣдъ цѣловали крѣсть иакоже взати имъ волость оу Мьстислава по своей воли:

Володимиру – къ своей волости Торцьскыи съ всимъ Поросьемъ, Андрѣевичю – Берестии, Ярославу – Володимиръ» [6. Стб. 533].

Информация передается к Мстиславу Изяславичу во Владимир Вольинский, а он сразу же посылает ее к своим союзникам («авлаи имъ твердь братьѣ») [6. Стб. 533]) и мгновенно переигрывает ситуацию.

Если новоявленные «приятели» Ростиславичей только помешали им в политическом продвижении, разрушив мир, стоивший многих усилий, то «прияте-

ли» Мстислава спасли его от вынужденного принятия чужих решений, передав ему по информационной эстафете эти сведения заблаговременно. Тот факт, что Мстислав еще не успел приехать в Киев, а оказался уже подготовлен к новому витку политических интриг, указывает на высокий уровень разведывания и передачи данных как в том, что касается скорости, так и в том, что касается согласованности действий.

Мы уже останавливались на сообщениях о «приятелях» претендующих на Галич князей, однако некоторые галицкие князья имели «приятелей» не только в собственном городе. Так, при совместном походе Изяслава Мстиславича и Гезы II на Владимира Володаревича, галицкий князь узнает от своих «приятелей» при дворе короля Гезы II, что с двух сторон на него движутся хорошо подготовленные войска и посылает к своим доверенным лицам при военном штабе Гезы II, не названным уже «приятелями» (их функция теперь иная, не связанная с оповещением). Здесь напрямую говорится о больших суммах вознаграждения, которые Владимир передает столь высокопоставленным фигурам, как архиепископ Кукнес и другие епископы, не названные по имени, а также просто «мужи королевь», подкупленные с целью возвратить короля:

«Володимеру же блху приителе в Оутрехъ, и послаша к Володимеру повѣдаша ему, вже король оуже идетъ на нь.

Володимеръ же то видѣвъ, оубоиса и послаша архиепѣску Кукнишеви и ко инѣма двѣма пискупома и къ мужемъ королевымъ, и тако домоливса и вда золото много и оумзди ѿ, да быша воротили корола и тако оумолвиша корола поити домови» [б. Стб. 405–406], 6658 (1150) г.

В тексте нет прямого указания на то, что упомянутые духовные особы и являются теми самыми «приятелями», которые послали сообщение Владимиру, хотя такое предположение вряд ли далеко от истины, особенно если учесть, что речь идет об иностранном дворе, где гораздо меньше возможностей получить несколько сторонников, близких к королю настолько, чтобы узнавать о его решениях и менять их.

«Приятелями» могли быть и менее важные фигуры при архиепископе и епископах, действовавшие в интересах Владимира; передавая его просьбу, они обладали знаниями и о политической обстановке при дворе Гезы II и были знакомы с более или менее лояльными к нему лицами.

Несколько позже, во время своего поражения, Владимир упоминает о своей службе слепому королю Беле II – отцу Гезы II¹¹, скорее всего в это время он и сумел наладить соответствующие связи. Выбранный момент был благоприятен для галицкого князя еще и потому, что в военном походе при Гезе II не было его жены, Евфросинии Мстиславны, младшей единокровной сестры Изяслава Мстиславича, игравшей роль посла своего брата при венгерском дворе и, возможно, нашедшей бы возможность противостоять уговорам подкупленных духовных лиц.

Просьба Игоря Ольговича брату Всеволоду

Выстроенные нами в соответствии с типом ситуации эпизоды с участием «приятелей» оказались несколько разобщены хронологически, однако можно видеть, что большинство примеров касаются одних и тех же политических деятелей – Изяслава Мстиславича, его брата Всеволода Мстиславича, его сына Мстислава Изяславича, его племянников Ростиславичей, «приятелей» имеют все известные галицкие князья середины XII в. и наиболее виртуозно применяют связанные с ними возможности.

¹¹ «И то ему помануть мужи рекуще ему: “ѡѣѣ твои блше слѣпъ, а изъ ѡѣцю твоему досѣти послужиль своимъ копиемъ и своими полкы”» [б. Стб. 450]. Характерно, что и здесь Владимир действует через неких мужей, которых, как и архиепископа, щедро награждает.

Есть «приятели» и у черниговских князей, у Святослава Ольговича они упоминаются дважды, у Изяслава Давыдовича – один раз. Большинство рассмотренных ситуаций касаются одних и тех же политических событий, показывая их изнанку с разных сторон линии противоборства. Один-единственный князь, сообщавший о том, что у него нет «приятелей», и по всему действительно их лишенный – Игорь Ольгович, с которого мы и начали наше повествование.

Владимир Володаревич, о «приятелях» которого при военном штабе венгерского короля мы только что говорили, ранее находясь в таком же безвыходном с военной точки зрения положении – перед ним стоит объединенное войско киевского князя Всеволода Ольговича с братьями, Мстиславичами и другими союзниками, а галичане отказываются начинать битву, посылает с просьбой к брату Всеволода, Игорю Ольговичу. Владимир расплывчато говорит о помощи в получении Киева после смерти брата, а уже в диалоге Всеволода и Игоря последний укоряет киевского князя в том, что он предполагает оставить ему Киев, но не дает возможности иметь «приятелей»:

«И поча Володимеръ слати ко Игореву: “Уже ма оумиришь съ братомъ то по Всеволожи животѣ помогоу ти про Киевъ”, и тако прельсти Игоря. Игорь же нача молити къ Всеволодоу молбою и гнѣвама река: “Не хошеши ми добра: про што ми шбрекль еси Киевъ, а приятельи ми не даси приимати”.

И послуша его Всеволодъ, томъ же дѣи створи миръ к вечероу» [6. Стб. 316].

Этот эпизод с небольшими расхождениями повторен в Лаврентьевской летописи, однако слово «приятели» написано иначе: «а претелевъ ми не вдаси приимати» [17. Стб. 312], что в Радзивиловской исправлено обратно на «приятелевъ». По всей видимости, писец Лаврентьевской летописи видел в форме -приим- не корень, а соединение приставки и глагола *имти* – *иму*, и решил заменить приставку *при-* на более подходящую с его точки зрения *пре-* со значением перемещения, следовательно приятели/претатели были связаны, в его понимании, с теми, кого перенимают, переманивают.

Под «приятелями» в требовании Игоря Всеволоду, как правило, исследователи подразумевают самого Владимира: «Не хочешь ты мне добра, зачем ты мне назначил Киев после себя, когда не даешь друга сыскать?» – переводит эту фразу С.М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» [18. С. 387], в более раннем своем труде «История отношений между русскими князьями Рюрика дома» он дает перевод, более близкий к источнику: «Обрек мне Киев, а приятелей не даешь принимать» [19. С. 83]. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» вкладывает в уста Игорю слова: «“Но ты хочешь сделать меня наследником [...] оставь же мне благодарного и могущественного союзника, столь нужного в нынешних обстоятельствах России”. Всеволод исполнил просьбу и в тот же день обнял Князя Галицкого как друга» [20. С. 100–101]. В том же ключе понимает этот эпизод и М.С. Грушевский: «но последний (Владимир. – М.Л.) избег опасности: привлек на свою сторону Игоря, обещая ему содействовать в приобретении киевского стола» [21. С. 161].

Однако действительно ли Игорь имел в виду Владимира, говоря об отсутствии «приятелей»? И каковы особенности заключенного взамен на помощь примирения? Владимир Володаревич приезжает в лагерь союзников и отдает им 1400 гривен серебра, которые Всеволод разделил между участниками коалиции, причем в перечислении присутствует Изяслав Мстиславич и его будущие ключевые союзники в предстоящей борьбе против Игоря и Олега Святославичей – Ростислав Мстиславич и Вячеслав Владимирович:

«И вда Всеволодоу Володимерко за трюдь. ꙗ̑ . и . ѹ̑ . гривень серебра, преди много гливъ, а послѣди много заплатив, гѣмь баше и оумоленъ. Срѣбра же собѣ Всеволодъ прии шдинъ но раздаи братѣи на части: Вячеславоу, Ростиславоу, Изяславоу и всѣи своеи братѣи, кто же башеть с нимъ былъ» [6. Стб. 316], статья 6652 (1144) г.

После того как Владимир передал противникам серебро, последние уезжают, не говорится ни о целовании креста, ни о конкретных условиях мира, что характерно для краткосрочных союзнических отношений, нет речи и о предварительном заключении брака между детьми или другими родственниками Владимира и Игоря или Всеволода, что характерно для долгосрочных союзнических отношений. Напомним, что приблизительно через шесть лет Владимир становится сватом своего союзника Юрия Владимировича, женив сына Ярослава на Ольге Юрьевне [6. Стб. 394], статья 6658 (1150) г.

Договоренность Владимира Володаревича и Игоря Ольговича о помощи через неопределенное время (после смерти брата), не скрепленная никакого рода обязательств, выглядит невероятной в политических реалиях середины XII в., когда заключались десятки союзов, которые в скором времени или переигрывались или разрушались, затем в новых условиях возобновлялись, уровень мобильности князей и их войск был необычайно высок, а условия заключения договора возможно ставить только на текущий момент, «здесь и сейчас». Уходящий Игорь не получает ровно никаких гарантий обещанной помощи в будущем.

Поэтому наиболее вероятно, что никаких обещаний подобного рода он и не получал, а помощь Владимира заключалась в денежном откупе от битвы, которую Игорь рассчитывал потратить на вознаграждение собственно «приятелей» – людей, так нужных ему в Киеве (из-за отсутствия которых в ближайшем будущем он не только не смог удержать город, но и оказался в плену – как мы видели, «приятели» чаще всего предупреждают именно о грозящей князю опасности, а также о настроениях в городе). Действительно, из всех политических фигур серии конфликтов середины – второй половины XII в. политический путь Игоря выглядит наиболее неудачным – имея очень хорошее начало, он фактически потерял все, в том числе и жизнь¹².

По всей видимости, ни Владимир, ни уезжавшие с галицкими деньгами союзники не чувствовали на себе никаких дополнительных обязательств, так как через довольно короткий период времени они вновь приезжают с войском на Галич, и Игорь находится среди предводителей [6. Стб. 319–320], что было бы довольно странным шагом со стороны человека, которому незадолго до этого обещали серьезную помощь в обмен на мир.

Почему же Игорь все же оказался без «приятелей», несмотря на уплаченное Владимиром серебро? Как мы видим из эпизода с архиепископом Кукнесом, Владимир Володаревич очень умело решал откупом безвыходные с военной точки зрения ситуации, его «приятели» при венгерском дворе передали деньги именно тем людям, которые имели влияние на короля и принятие им решений, и были надежны в плане сохранения тайны.

Имея перед собой лагерь Всеволода, Владимир выбрал для передачи просьбы об откупе Игоря Ольговича, сопровождая свое предложение словами о том, почему эти деньги так необходимы именно ему для получения и удержания Киева.

Игорь, уже в диалоге с братом, делал упор на существенной для него части – отсутствии «приятелей», необходимых для правления князя в городе. Его состояние хорошо передают слова летописца о том, что он молился и гневался («молитиѣ къ Всеволодоу молбою и гнѣваиася») и хотя слово «*мольба*» могло обозначать и обычную просьбу, общий эмоциональный фон, по всей вероятности, передан верно.

Для Всеволода в сообщении Игоря о предложении Владимира наиболее существенной частью было не отсутствие у брата «*приятелей*», а само предложение денег. Киевский князь спешно мирится, получает серебро и уходит. Почему

¹² У Игоря Ольговича были и другие возможности для обогащения, например, известно о полученном им вознаграждении при примирении Владислава II с единокровными братьями Болеславом IV и Мешко III Пястами: «А Игореви съ братьюоу Визноу и тако оузвратишася въ свои си, многы полонь вземъше» [6. Стб. 318].

же Всеволод не отдал эти деньги Игорю, а раздал союзникам, среди которых – будущие конкуренты Игоря?

Все киевское правление Всеволода можно характеризовать как тонкое балансирование между интересами Мстиславичей и родных братьев. Есть косвенные указания и на то, что отношения между Всеволодом Ольговичем и Изяславом Мстиславичем, братом его жены, были довольно близкими, их союз был успешен с политической точки зрения, а после смерти зятя Изяслав называет его «старшим братом», «зятем и братом», который «старше как отец» [6. Стб. 323].

Летопись сообщает также, что родные братья Всеволода часто были недовольны политикой брата и считали себя обойденными Мстиславичами и Давыдовичами в получении земель. Поэтому равно возможно как то, что Всеволод был вынужден распределить серебро между участниками похода в качестве компенсации их затрат, так и то, что он вовсе не собирался делать все возможное для передачи власти брату.

В таком случае его «обещание Киева Игорю» было частью договора с обделенными братьями, среди которых более амбициозным выглядит Святослав Ольгович, который и делает большую часть работы по установлению власти Игоря в Киеве после смерти Всеволода. Несмотря на это обязательство, Всеволод мог видеть Изяслава Мстиславича как более достойного киевского князя после своей смерти, тем более, что его сестра, жена Всеволода, довольно активно настраивала мужа в пользу своих братьев, например, летопись сообщает о том, что Изяслав просит у нее Новгород для Святополка Мстиславича [6. Стб. 309].

Если принять такую интерпретацию: Владимир предлагает Всеволоду через Игоря предложение откупа серебром от битвы, Игорь добавляет от себя, что ему нужны деньги на «приятелей» среди киевлян для будущего правления, – то и этот последний эпизод никак не будет выбиваться из общего ряда ситуаций, в которых «приятель» является оповестителем, обладающим уникальной информацией о затеваемых действиях со стороны противника или горожан против князя. Если мы обратим внимание на сумму, которую отдал Всеволоду Владимир – 1400 гривен серебра, то окажется что она примерно соответствует деньгам, которых лишились Нежата и Константин за свое прикрытие. Из этого, конечно, не следует наличие устойчивых расценок на получение информации, однако, вероятно, бытовало предствление о достойной для отблагодарения сумме денег¹³.

* * *

До середины 30-х годов XII в., в более ранних текстах встречаются ситуации, в целом близкие к описанию того, как действовали «*приятели*». В Повести временных лет есть известный эпизод «предательства Блуда», воеводы Ярополка, которого переманивает на свою сторону Владимир Святославич, находящийся близко к финальной схватке со своим братом Ярополком. Однако Блуд не переходит на службу Владимира, а остается при Ярополке, доводя его до полного поражения своими советами. В тексте летописи он обещает Владимиру быть «в срце и въ прииънство» [17. Стб. 76]. Можно ли трактовать эти слова как обещание быть «приятелем»? Во всяком случае именно так они были интерпретированы автором Архангелогородской (Устюжской) летописи в XVII в., где ответ Блуда выглядит следующим образом: «Азь ти буду приятель» [22. С. 30]. Однако сам термин «приятель» был еще, по-видимому, малоизвестен или малопопулярен в

¹³ Всего в летописях можно отметить четыре случая, где приятели связаны с какими-то денежными суммами, в двух случаях есть указание на 1500, отобранные и у Нежаты, и у Константина, 1100 гривен, отобранные у братьев Якуна и Прокопия, и 1400 гривен, полученные Всеволодом у Владимира, также Владимир посылает «золото много» архиепископу. В самом конце XII в. Киевский летописец также называет зодчего Петра Милонегга «приятелем» Рюрика Ростиславича [6. Стб. 711].

момент, когда записывался первоначальный вариант текста истории переманивания воеводы.

Итак, термин «приятель» отражает не принадлежность человека к социальной группе, а несомую им функцию осведомителя, обладающего особо важной информацией. «Приятелями» становились как бояре, служившие князьям, так и посадники Новгорода и даже иностранные духовные лица. Те из них, чьи имена и истории мы знаем, обладали исключительно высоким социальным статусом, тем выше был риск, на который они шли, и потенциальная опасность в случае разоблачения.

«Приятели» помогали сильным князьям бороться за сферы влияния и лучшие города, обеспечивая им поддержку авторитетных горожан и своевременно оповещая о переменах в умах, потенциальных противниках и т.д. Владимиру Галицкому «приятели» помогали удерживать во владении собственные земли и даже преумножать их без потери самостоятельности несмотря на давление со стороны более сильной коалиции, такой самостоятельности не могли себе позволить другие князья, не принадлежавшие к роду Мономаховичей или Ольговичей. Вполне вероятно, что те из Рюриковичей, кто не стремился к большой политике и правил в небольших городах, вполне обходились и без такого рода помощников, однако для политической фигуры, заявляющей о своих амбициях, помощь «приятеля» служила не только для успешного продвижения, но и спасения от плена или смерти в особо опасные моменты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. II. Л–П.
2. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10-и т. М., 2004. Т. 7.
3. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
4. Lehmann P.W. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden, 1986.
5. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
6. Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. II. Ипатьевская летопись.
7. Голяшкін Я.А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории). М., 1898.
8. Паушто В.Т. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
9. Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008.
10. Гиттиус А.А. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А.А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // Slavica Helsingiensia. № 27. Helsinki, 2006.
11. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.
12. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1959.
13. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. «Не достоить ея пояти»: Почему новгородский епископ Нифонт не хотел венчать Святослава Ольговича? // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013 г. № 3 (53).
14. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
15. Гиттиус А.А. Петр и Якша: К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот середины XII в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. № 9 (19).
16. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. III. Р–Я.
17. Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I. Лаврентьевская летопись.
18. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1896. Книга первая.
19. Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. М., 2003.
20. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. II.
21. Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.
22. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.;Л., 1950.

© 2015 г. О.В. СВЕТЛОВА

КНИЖНАЯ СПРАВА В XVII ВЕКЕ НА МОСКОВСКОМ ПЕЧАТНОМ ДВОРЕ: КОРРЕКТУРНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ И КОРРЕКТУРНЫЕ ИЗДАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы терминологии исследований книжной справы на Московском Печатном дворе в XVII в. Вводится понятие корректурного издания. Уточняется содержание термина *кавычные книги*. Проводится дифференциация источников, отразивших ход справы: корректурных экземпляров и корректурных изданий.

The article considers the problems of terminology in the studies on the book-editing at the Moscow Print Yard in the seventeenth century. It introduces the notion of proof edition. It also more accurately defines the term «corrected books». Furthermore, it distinguishes between two kinds of text sources which reflect the process of editing – proof copies and proof editions.

Ключевые слова: книжная справа, кавычные книги, кавыка, помета, вариант, издание, экземпляр.

В настоящее время книжная справа на Московском Печатном дворе в XVII в. и его издательская деятельность привлекают к себе интерес как филологов, так и историков. Серия работ, посвященных книжной справе XVII в. ([1–16] и др.), а также фундаментальные описания старопечатных книг ([17–22] и др.) дают хорошую базу для описания лингвистических и текстологических принципов деятельности никоновских справщиков. Как известно, единство терминосистемы в какой-либо научной области и точность употреблений терминов облегчают взаимопонимание между учеными и способствуют более продуктивной исследовательской работе. И филологи, и историки, изучая и описывая книжную справа XVII в., пользуются общей терминологией, но, как показало наше исследование, подчас вкладывают в одни и те же термины разное содержание. Цель настоящей статьи – проанализировать терминологию исследований книжной справы на Московском Печатном дворе в XVII в. Мы попытаемся определить сильные и слабые стороны этой терминосистемы; показать разницу в понимании и употреблении конкретных терминов разными учеными; уточним содержание термина *кавычные книги*; а также постараемся привлечь внимание исследователей к terra incognita данной области – книгам с вариантами на полях в печатных кавыках и проведем дифференциацию источников, отразивших ход справы: корректурных экземпляров и корректурных изданий. На примере службы на праздник Воздвижения Креста (14 сентября) мы рассмотрим функции вариантов, встречающихся

Светлова Ольга Валериевна – аспирантка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-34-01298 («История текста и языка Службы княгине Ольге: из Средневековья в XXI в.»).

на полях в печатных кавыках в текстах богослужебных последований в ряде изданий XVII в. В качестве источников были привлечены издания Минеи общей с праздничной и Анфологиона Московского Печатного двора XVII в., содержащие текст службы Воздвижению Креста, – всего 14 изданий; Ирмология – шесть изданий; два корректурных экземпляра Минеи общей с праздничной и корректурная рукопись Ирмология из фондов РГАДА и ГИМ.

Как известно, ход книжной справки, проходившей на Московском Печатном дворе в XVII в., в значительной мере нашел отражение в *корректурных экземплярах* редактируемых книг – так называемых кавычных книгах.

Кавычные книги – «это корректурные экземпляры подготавливаемых к изданию книг с исправлениями и пометками работников Печатного двора, главным образом справщиков. Эти экземпляры могут быть как печатными, так и рукописными, что отражает разные этапы процесса работы над изданием [...] в тех случаях, когда текст книги подвергался новой редакции, книжная справка проходила в два-три этапа: с исправлением исходного текста, его переписыванием и новым исправлением» [5. С. 75–76]. Приведенное определение – наиболее полное и точное из известных нам. Подобное определение находим и в недавней монографии прот. Г. Крылова, посвященной книжной справе XVII в. *Корректурные экземпляры* Минеи – «рукописные или печатные книги, в которых справщики осуществляли корректуру, обычно на полях или над строкой кинovarью или чернилами, иногда на вклейках. С этих книг иногда (но не всегда) осуществлялась печать правленной книги [...] Эти экземпляры иногда называют по-старому: кавычные. Они ценны тем, что наглядно показывают процесс справки, а иногда обозначают ее источники» [14. С. 5. Прим. 1].

Встречаются и более узкие определения: «Кавычная книга – пробный оттиск текста нового издания, с корректурными поправками и заметками справщиков, служивший оригиналом для наборщиков» [13. С. 366]; «кавычная книга – книга, с которой делали набор в типографии» [23. С. 11]. Такие определения, с нашей точки зрения, менее удачны, так как не полностью описывают объект, а именно: не включают рукописные корректурные экземпляры, а также не учитывают промежуточные этапы работы над справой подготавливаемой к изданию книги, когда кавычный экземпляр предназначался для промежуточного переписывания с целью дальнейшей редактуры текста.

Термин *кавычная книга* узкоспециальный, относится к XVII в., происходит от слова *кавыка* (ср. определение: «*Кавычный экземпляр* – корректурный экземпляр книги с корректорской и редакторской правкой в виде “кавык” и вставок в текст» [20. С. 323]). Слово «кавыка» отсутствует в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, Словаре русского языка XI–XVII вв. (здесь есть лишь прилагательное «кавычный» [23. С. 11]), однако отмечено в архивных документах Приказа книгопечатного дела. «Можно думать, что слово кавыка обозначает в этих случаях знак исправления, который справщики нередко ставили на полях исправляемых (кавычных) книг» [4. С. 198–199]. В «Грамматиках» Лаврентия Зизания [24], Мелетия Смотрицкого [25] и московской 1648 г. (представляющей из себя переработку труда Мелетия Смотрицкого) [26] знак «кавыка» отсутствует. Печатный знак (̣) с названием «кавыка» зафиксирован среди «просодий» в печатных «Азбуках» XVII в. [27. Л. 10 об.]. В современном описании грамматики церковнославянского языка также есть надстрочный печатный знак «кавыка» (̣), с функцией «для сносок» [28. С. 21]. Явление употребления кавык практически не исследовано. В печатную книжность кавыки пришли из рукописной традиции, где они маркировали исправление ошибочного написания (верное написание обычно дописывалось на полях). При этом следует иметь в виду, что, во-первых, с этой целью в рукописях использовались и другие знаки; во-вторых, по функции такие исправления следует отличать от глосс – пояснений, толкований, перевода некоторого фрагмента текста, также помещавшихся на полях.

В печатной книжности XVII в. в кавыки заключались, по-видимому, варианты чтений или исправлений текстов на полях издания. Об этом свидетельствуют, прежде всего, сохранившиеся корректурные экземпляры различных книг, готовившихся к изданию на Московском Печатном дворе в XVII в.; к такому же выводу приводит и анализ их употребления в изданиях соответствующего периода. Наглядно функции вариантов в печатных кавыках демонстрирует сводная таблица их употреблений в тексте службы на Воздвижение Креста, приведенная в настоящей статье. Появление вариантов было обусловлено, прежде всего, сверкой с греческими оригиналами издаваемых богослужебных последований, в текстах исконно русских служб такие варианты крайне редки. Так, например, в богослужебном последовании княгине Ольге (память 11 июля) в черед изданий XVII в. Минея общ. с праздничной, Праздничной (Трефологиона, Анфологиона) и июльских месячных (всего 19 изданий) находим лишь один вариант в печатных кавыках в (*Минея общ. 1674*), введенный для исправления концовки песнопения, исказившейся в процессе рукописного бытования текста в предшествующую эпоху; предложенный вариант был принят уже в следующем издании (*Минея общ. 1681*). В оригинальных песнопениях службы князю Владимиру (память 15 июля), без учета переводных ирмосов, также находим лишь один вариант в печатных кавыках (*Минея общ. 1660*), но и он в следующем издании (*Минея общ. 1663*) был отвергнут. Практическое применение знака «кавыка» было ориентировано на контекст: чаще всего в каждом случае употреблялись две кавыки: они отмечали начало и конец вариантного отрезка текста; реже использовались одна или несколько кавык (в зависимости от длины выделяемого отрезка). Явление употребления вариантов в печатных кавыках требует дальнейшего изучения; функционирование таких вариантов должно быть уточнено.

В современном исследовании, освещающем деятельность Московского Печатного двора в XVII в., нам встретилось также следующее определение, основанное, видимо, на толкованиях слова в различных словарях: «Кавыка – надстрочный знак (‘), обозначающий в церковнославянской письменности краткость звука; вообще закорючка на письме» [13. С. 366] (ср. близкие определения в словарях [29. С. 71; 30. С. 171; 31. С. 12; 32. С. 408]); однако такая терминологическая дефиниция очевидно неверна по отношению к знаку с тем же названием, употреблявшемуся в ходе книжной sprawy XVII в., и термин в таком понимании не может быть использован в соответствующих исследованиях; кроме того, сам знак имеет иной графический вид (просодический знак с названием «кавыки», имеющий схожий графический вид (‘), отмечен нами и в одном из рукописных грамматических сборников начала XVII в., см. издание [33. С. 31], однако вертикальное начертание дужек кавык в рукописи может быть следствием особенностей почерка писца). Графическая схожесть знака краткости (‘) (скажем, над «и»), в рукописных и старопечатных грамматиках называвшегося «краткой» [33. С. 10; 24. С. 36], и диакритического знака «кавыка» породила их смешение и ошибочную дефиницию последнего. Уже в Словаре Академии Российской видим следующее определение: «Кавыка. Один из знаков, употребляемых в церковном правописании для изъяснения краткаго слога, которой изображается так: ‘» [34. Стлб. 354]. В словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук спустя более чем сто лет, читаем: «Кавыка. Значок над буквой, употребляемый в письме и печати для обозначения краткости (‘). || Каракуля, дурно написанная буква» [35. Стлб. 53–54] и «Кавычка. Уменьш. от сл. кавыка. 1. *Грамм.* Кавычки. Знак для вносных или чужих слов (« »)» [35. Стлб. 54–55]. Ошибочные дефиниции утвердились в лексикографической практике до настоящего времени. При описании печатной книжности и sprawy XVII в. термин *кавыка* корректно может быть применен только к диакритическому печатному знаку (‘), употреблявшемуся для сносок, как к зафиксированному в нормативных изданиях церковнославянского языка XVII и XX вв. (в [27; 28]).

Термин *кавычная книга* имел в XVII в. множество синонимов: «эти книги могли иметь и иное наименование: справные, правленные, приправочные» [4. С. 11]; «наглядное представление о том, как подготавливался тираж, дают сохранившиеся типографские издательские корректурные (“кавычные”, “правленные”, “справленные”, “контрольные”) экземпляры» [22. С. 12]. В настоящее время разноречивой терминологии по обозначению книг, отразивших ход книжной справы XVII в., касается не только первой части названия, но и второй: в исследовательской литературе используются как синонимы термины *кавычная книга*, *кавычный экземпляр*, *корректурный экземпляр*.

Термин *кавычная книга*, с нашей точки зрения, менее удачен, чем *корректурный экземпляр* (или хотя бы *кавычный экземпляр*) в силу того, что в 40–80-х годах XVII в. на Московском Печатном дворе выходили издания, содержащие варианты корректур, помещавшиеся на полях книги в печатных кавыках (в ранних изданиях иногда также под знаком ° или без знака). При этом варианты в печатных кавыках принадлежат целому изданию, в то время как рукописные пометы в так называемых кавычных книгах – тем или иным корректурным экземплярам. Именно издания с вариантами в печатных кавыках и могли бы называться «кавычными книгами» или «кавычными изданиями». В научных работах по книжной справе XVII в. нет удовлетворительного описания и исследования таких изданий (само явление употребления кавык исследовано недостаточно) и нет специального термина для них. Поэтому для обозначения данного явления мы вводим и используем в своих работах понятие «корректурное издание» и соответствующий термин (не принимаемая сочетания «кавычное издание» во избежание смешения с уже существующим близким термином *кавычная книга*, который традиционно употребляется по отношению к *корректурным экземплярам*).

Таким образом, наиболее удобным представляется использование терминов *корректурное издание* (издание с вариантами исправлений, или корректур, на полях в печатных кавыках) и *корректурный экземпляр* (рукопись или экземпляр издания с рукописными пометами – корректурами справщиков).

Следует различать и такие явления, связанные с подготовкой изданий Московского Печатного двора в XVII в., как пометы и варианты в печатных кавыках. *Помета* – корректура, рукописная поправка, вносимая в текст рукописи или экземпляра издания; помещалась на полях, вклейках или непосредственно в тексте, над исправляемым отрезком текста или поверх него. Материал источников показывает, что не все пометы бывали учтены в вышедшем новом издании. От рукописной *пометы* следует отличать *вариант в печатных кавыках* – печатный вариант, предполагаемую корректуру, помещавшуюся на полях издания. Как и рукописная помета, такой вариант мог быть внесен в текст в последующих изданиях, а мог быть в дальнейшем отвергнут¹. Примеры употребления вариантов в печатных кавыках в тексте службы на Воздвижение Креста в приведенной в приложении к настоящей статье сводной таблице наглядно демонстрируют это. В первых двух случаях (в 3-й стихире на «Господи, воззвах» и в «иноме» ирмосе 9-й песни канона) варианты, в течение ряда изданий печатавшиеся на полях, так и не были приняты и включены в основной текст; в остальных случаях варианты в кавыках, появившиеся на полях Минеи 1674 г., уже в следующем издании вносятся в основной текст. На примере «инога» ирмоса (8-го гласа) 9-й песни канона можно проследить соотношение изданий богослужебных книг разных типов на Московском Печатном дворе в XVII в. Исправление текста в данном ирмосе появляется впервые в рукописном Ирмологии (*Ирмологий корр.* 1657), корректурном

¹ Ср. отчет XVIII в. в Святейший Синод о деятельности справщика иеромонаха Гедеона (Сло- нимского) по исправлению текста при подготовке к переизданию Елисаветинской Библии: «где отметки на стороне оставить, где же вновь обозначить, и какие в Новом Завете речения со стороны (“с брега”) в состав текста внести, – выписав особо, и как чему быть надлежит мнение положив, он, Гедеон, представлял тетрадку на благорассмотрение Святейшего Синода» [36. С. 32].

к первому изданию Ирмология (*Ирмологий 1657*). В рукописи под одним переплетом содержатся два Ирмология, следующих друг за другом, представляющих собой два этапа подготовки текста к изданию. В первой части заключительные листы с ирмосами 8-го гласа утрачены. Во второй части текст ирмоса 8-го гласа из второго («киного») канона службы на Воздвижение Креста имеет киноварные знаки кавык (Ѣнѣдѣю дрѣва, рѣдѣ при вѣвѣ шалѣ смѣрть, крѣтомѣ оупрадѣнисѣ днѣсь), а на нижнем поле, также киноварью – вариант исправления, вносимый кавыками (шѣдѣ) (*Ирмологий корр. 1657*. Л. 278). Таким образом, новый вариант чтения текста ирмоса получается следующий: Ѣнѣдѣю дрѣва, рѣдѣ пришѣдѣшалѣ смѣрть, крѣтомѣ оупрадѣнисѣ днѣсь. В издании Ирмология 1657 г., выполненном по данной рукописи, в точности воспроизведен и основной текст ирмоса вместе с кавыками, и вариант, помещенный теперь на правом поле, напротив отмеченного слова: приѣвѣ шалѣ – шѣдѣ (*Ирмологий 1657*. Л. 355). Следующими по времени книгами Московского Печатного двора, содержащими данный текст, являются Минея общая с праздничной 1660 и 1663 гг. (*Минея общ. 1660, 1663*), Ирмологий и месяцеслов 1673 г. (*Ирмологий и месяцеслов 1673*), Минея общая с праздничной 1674 г. (*Минея общ. 1674*) – все они повторяют и основное чтение, и вариант. Однако в конечном счете вариант был отвергнут – его уже нет в Минее 1681 г. (*Минея общ. 1681*), исчезает он и в Ирмологии 1683 г. (*Ирмологий 1683*) и последующих изданиях книг обоих типов. Таким образом, на Московском Печатном дворе в XVII в. издания богослужебных книг разных типов были четко между собой скоординированы.

Из числа привлеченных нами для анализа Минеи варианты на полях в печатных кавыках содержат (*Минея общ. 1645, 1650, 1653, 1660, 1663, 1674, 1681, 1685, 1687*) – они являются корректурными изданиями; в службе Воздвижению Креста печатные варианты обнаруживаются только в изданиях (*Минея общ. 1650, 1653, 1660, 1663, 1674*). По нашим наблюдениям, как это демонстрирует и пример данной службы, наибольшее количество корректур в печатных кавыках в изданиях Московского Печатного двора приходится на активный период книжной справки (40–70-е годы XVII в.). От этого периода до наших дней дошло и большое число корректурных экземпляров с рукописными пометами, так называемых кавычных книг (мы имеем в виду различные типы книг: Минеи месячные, Октоих, Триодь, Ирмологий и др.). Корректурных экземпляров XVII в. для Минеи общей с праздничной известно всего два: 1653 г. (*Минея общ. корр. 1653*) и 1663 г. (*Минея общ. корр. 1663*), в то время как выпущена эта богослужебная книга на Московском Печатном дворе в течение XVII в. была 13 раз. Из 13 вышедших изданий 9 были корректурными (их перечень представлен выше).

Таким образом, при описании истории книжной справки XVII в. на Московском Печатном дворе следует различать *корректурные экземпляры* и *корректурные издания*. Широко употребляемый в настоящее время термин *кавычные книги* является по сути родовым названием для обоих объектов, но по существующей традиции употреблению включает в свою дефиницию лишь один из этих объектов, а именно *корректурные экземпляры*. *Корректурные издания* до сих пор практически не привлекали к себе исследовательского внимания, не имели терминологического обозначения и требуют дальнейшего изучения.

Анализ понятийного и терминологического аппарата исследований по истории книжной справки на Московском Печатном дворе в XVII в. показал следующие слабые места в терминосистеме и употреблении терминов.

1. Прежде всего, в исследованиях регулярно нежелательная для научных текстов терминологическая дублетность (*корректурные экземпляры* – *кавычные книги*).

2. Терминологическое использование исторического названия *кавычные книги* нам кажется лингвистически неудачным как не точно обозначающее объект исследования (*корректурные экземпляры*), поэтому мы в своих работах придержи-

7-я стихира на литии	цѣрю зѣбномоу	цѣрю зѣбномоу	цѣрю зѣбномоу	цѣрю зѣбномоу	цѣрю зѣбномоу	цѣрю зѣбномоу	цѣрю великомоу	цѣрю великомоу
на полях	—	—	—	—	—	—	—	—
песнь 4, тропарь 3	свѣдѣтельствова икѣнии	свѣдѣтельствова икѣнии	свѣдѣтельствова икѣнии	свѣдѣтельствова икѣнии	свѣдѣтельствова икѣнии	свѣдѣтельствова икѣнии	гланствва икѣнии	гланствва икѣнии
на полях	—	—	—	—	—	—	—	—
песнь 9, канон ин, тропарь 3	Образъ ... крѣтъ ... на нѣбѣхъ оукраиная єси	Образъ ... крѣтъ ... на нѣбѣхъ оукраиная єси	Образъ ... крѣтъ ... на нѣбѣхъ оукраиная єси	Образъ ... крѣтъ ... на нѣбѣхъ оукраиная єси	Образъ ... крѣтъ ... на нѣбѣхъ оукраиная єси	Образъ ... крѣтъ ... на нѣбѣхъ оукраиная єси	Образъ ... крѣтъ ... на нѣбѣхъ оукраиная єси	Образъ ... крѣтъ ... на нѣбѣхъ оукраиная єси
на полях	—	—	—	—	—	—	—	—
стихиры Кресту, Слава и ныне, гл. 8	Днѣсь ѿже не приконобѣнныи същертвома, приконобѣнныи мнѣ быбаертъ	Днѣсь ѿже не приконобѣнныи същертвома, приконобѣнныи мнѣ быбаертъ	Днѣсь ѿже не приконобѣнныи същертвома, приконобѣнныи мнѣ быбаертъ	Днѣсь не приконобѣнныи същертвома, приконобѣнныи мнѣ быбаертъ	Днѣсь не приконобѣнныи същертвома, приконобѣнныи мнѣ быбаертъ	Днѣсь не приконобѣнныи същертвома, приконобѣнныи мнѣ быбаертъ	Днѣсь неприступный същертвома, приступпенныи мнѣ быбаертъ	нет текста
на полях	—	—	—	—	—	—	—	—
наличие корректур в издании	мало*	немного	немного	немного	много	много	много	мало

* В (Минея общ. 1645) всего 6 корректур на полях под знаком ^o или без знака (л. 321, 502 об., 537 об., 550 об., 567, 594) и два грамматических комментария на л. 408: ^oпозн^oмв.ла^o - ^oдѣе при^oдѣтѣ^o; со/д^oержан^o - ^oпричлѣтѣ^o.

живаемся термина *корректорные экземпляры*. К сожалению, в настоящее время в литературе чаще употребляется именно термин *кавычные книги*.

3. Нет точного и адекватного определения к терминологическому названию в области печатной книжности *кавыка*, поскольку явление употребления кавык изучено слабо.

4. Существуют и «белые пятна» в описании объекта исследования: терминологически никак не обозначены издания с печатными вариантами, названные нами *корректорными изданиями*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мансветов И.Д. Как правилась Типик и Минеи. Очерк из истории книжной sprawy в XVII столетии. М., 1884.
2. Никольский К., протоиерей. Материалы для истории исправления богослужебных книг (Об исправлении Устава церковного в 1682 г. и месячных Миней в 1689–1691 гг.) // Памятники древней письменности. СПб., 1896. Т. СХV.
3. Сиромаха В.Г. «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII в. (на материале склонения имен существительных). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
4. Сиромаха В.Г. «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII в. (на материале склонения имен существительных). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
5. Сиромаха В.Г., Успенский Б.А. Кавычные книги 50-х гг. XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987.
6. Бобрик М.А. Представления о правильности текста и языка в истории книжной sprawy в России (от XI – до XVIII в.) // Вопросы языкознания. 1990. № 4.
7. Успенский Б.А. Никоновская справа и русский литературный язык (Из истории ударения русских собственных имен) // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1997. Т. 3.
8. Запольская Н.Н. Книжная справа в Московской Руси XVII в. // Вестник РГНФ. М., 2000. № 3.
9. Запольская Н.Н. Книжная справа XVII в.: Проблема культурно-языкового реплицирования // Studia Russica, XVIII. Budapest, 2000.
10. Исаченко Т.А. Новый Завет «перевода и стяжания» иеромонаха Чудова монастыря Епифания (Славинецкого) последней трети XVII в. // Вопросы языкознания. 2002. № 4.
11. Дмитриевский А.А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / Подготовка текста, предисловие и публикация А.Г. Кравецкого. М., 2004.
12. Хегедюш И. Изменения нормы церковнославянского языка великорусского извода в XVII веке: На материале корректурных экземпляров богослужебных книг. Дис. ... канд. филол. наук. Сегед, 2007.
13. Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушков В.П. Московский Печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы: Исследования и публикации: В 3-х кн. М., 2007. Кн. 1.
14. Крылов Георгий, протоиерей. Книжная справа XVII века. Богослужебные Минеи. М., 2009.
15. Лебедь М.А. Деятельность Московского печатного двора как фактор укрепления российской государственности (на примере минейного комплекса первой трети XVII в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
16. Кусмауль С.М. Нормализация употребления дублетных букв по принципу антистиха в процессе книжной sprawy середины XVII века // Русский язык в научном освещении. М., 2013. № 1 (25).
17. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI – XVII вв.: Сводный каталог / Под ред. Н.П. Киселева. М., 1958.
18. Зернова А.С., Каменева Т.Н. Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. М., 1968.
19. Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 1. 1556–1625 / Под ред. А.А. Гусевой, сост. Е.В. Лукьянова, Л.Н. Горбунова. М., 1996.
20. Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 2. 1626–1650 / Сост. Е. В. Лукьянова. М., 2002.
21. Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 3. 1651–1675 / Сост. Л.Н. Горбунова, Е.В. Лукьянова. М., 2003.
22. Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010.
23. Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1980. Вып. 7 (К – Крагузьяр).
24. Лаврентий Зизаний. Грамматика. Вильно: Братская друкарня, 12 февраля 1596 // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. Е.А. Кузьминова. М., 2000.
25. Мелетий Смотрицкий. Грамматика. Вильно, 1619 // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. Е.А. Кузьминова. М., 2000.
26. Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста Е.А. Кузьминовой. М., 2007.

27. Азбука. М., 20.VIII.1634. РГБ, 1-й экз.
28. *Алгий (Гаманович), иеромонах*. Грамматика церковнославянского языка. М., 1991. (Репринтное воспроизведение издания 1964 г.)
29. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1999. Т. 2: И–О.
30. *Сомов В.П.* Словарь редких и забытых слов. М., 1996.
31. Словарь русского языка / Гл. ред. А.П. Евгеньева. В 4-х т. М., 1999. Т. 2.
32. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2001.
33. Грамматический сборник 1620-х годов / Издание и исследование Е.А. Кузьминой // AION-SLAVISTICA. Quaderno № 1. 2002. Napoli, 2002.
34. Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. 3 (З-М).
35. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук / Под ред. Д.К. Зеленина. СПб., 1906–1907. Т. 4. Вып. 1 (К – Кампильте).
36. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода / Сост. Комис. для разбора и описания арх. Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1915. Т. 32.

ИСТОЧНИКИ

- Анфологион (Цветослов, Миняя праздничная). М., X. 1697.
Ирмологий 1657 – Ирмологий. М., 17. V. 1657.
Ирмологий 1683 – Ирмологий. М., V. 1683.
 Ирмологий. М., XII. 1687.
 Ирмологий. М., II. 1694.
 Ирмологий. М., IV. 1697.
Ирмологий и месяцеслов 1673 – Ирмологий и месяцеслов. М., III. 1673.
Ирмологий корр. 1657 – Ирмологий, рукопись. Корректурный экземпляр к изданию 1657 г. ГИМ, Син. 762.
 Миняя: Июль. М., 1629.
 Миняя: Июль. М., 1646.
 Миняя: Июль. М., 1691.
 Миняя: Июль. М., 1693.
 Миняя общая с праздничной. М., 1635.
 Миняя общая с праздничной. М., 1637.
 Миняя общая с праздничной. М., 1638.
Миняя общ. 1645 – Миняя общая с праздничной. М., 1645.
Миняя общ. 1650 – Миняя общая с праздничной. М., 1650.
Миняя общ. 1653 – Миняя общая с праздничной. М., 1653.
Миняя общ. 1660 – Миняя общая с праздничной. М., 1660.
Миняя общ. 1663 – Миняя общая с праздничной. М., 1663.
Миняя общ. 1674 – Миняя общая с праздничной. М., 1674.
Миняя общ. 1681 – Миняя общая с праздничной. М., 1681.
Миняя общ. 1685 – Миняя общая с праздничной. М., 1685.
Миняя общ. 1687 – Миняя общая с праздничной. М., 1687.
 Миняя общая с праздничной. М., 1696.
Миняя общ. корр. 1653 – Миняя общая с праздничной. М., 1653. Корректурный экз. РГАДА, БМСТ/СПК № 463.
Миняя общ. корр. 1663 – Миняя общая с праздничной. М., 1663. Корректурный экз. РГАДА, БМСТ/СПК № 4469.
 Трефологион. Четвертая четверть (июнь–август). М., 21.V. 1638.

© 2015 г. Е.И. ЯКУШКИНА

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ **zельje* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Семантическая структура слова **zельje* в славянских языках включает три основных значения: 'овощ', 'дикорастущее травянистое растение', 'лечебный и ядовитый отвар'. Первое значение характерно для южных и юго-западных славянских языков, второе и третье – для восточнославянских. Польский язык занимает промежуточное положение между двумя ареалами.

The semantic structure of the word **zельje* in Slavic languages includes three main meanings: «vegetable» «herbal wilding» and «medical and poisonous decoction». The first meaning is typical for Southern and South-Western Slavic languages, the second and third – for Eastern-Slavic ones. The Polish language takes an intermediate position between these areals.

Ключевые слова: славянские языки, семантика, межъязыковая многозначность, ареалогия.

Слово **zельje* интересно для семантического описания вследствие полисемии, которую демонстрируют продолжения этой праславянской лексемы в разных славянских языках и которая в славянском континууме имеет четкие ареальные характеристики. Семантика лексемы включена в вопросник Общеславянского лингвистического атласа (вопрос 3400 Sm) [1. С. 229], а также в вопросник Лексического атласа русских народных говоров (вопрос СМ 150) [2. С. 191]. Соответствующие карты не опубликованы, но доступные архивные материалы послужили отправной точкой для данного описания¹. Анализ выполнен в русле исследований по славянской межъязыковой многозначности, осуществленных в рамках славянской этнолингвистики, прежде всего в работах С.М. Толстой [3; 4. С. 51–98].

Обобщенно набор значений слова **zельje* можно представить следующим образом: 'трава, растение с тонким стеблем', 'сорняки', 'настой из трав', 'овощи, огородные культуры: щавель, капуста (*Brassica capitata*)' [1. С. 229]. Эти значения образуют два крупных компактных ареала: юго-западный – чешско-южнославянский (огородная культура) и северо-восточный – польско-восточнославянский (дикая трава и настой из трав). Значение 'трава' обычно встречается и в юго-западном ареале, и, наоборот, у восточных славян sporadически фиксируется значение овоща. Так что противопоставление культурного и дикого в значении лексемы не столь яркое – скорее, в нем содержится синкретичное представление о зеленом растении с разными функциями. Более важной в межъязыковой полисемии слова кажется оппозиция полезный – вредоносный, частично пересекающаяся с оппозицией культурный – дикий, но не совпадающая с ней.

Якушкина Екатерина Ивановна – канд. филол. наук, доцент филологического факультета МГУ.

¹ Автор выражает глубочайшую признательность Т.И. Вендиной за возможность ознакомиться с архивными материалами обоих атласов.

Структурно лексема представляет собой собирательное существительное с суффиксом *-je*, производное от **zель*, ср. [5. С. 648], по той же модели, что и псл. **byльje* ‘трава’ от **byль* с тем же значением, *kvěтьje* ‘цветок, цветы’ от *kvěть* [6. С. 150, 164]. Значение собирательности (множественности) в большинстве языков утратилось, и лексема используется для обозначения одного растения.

Связь с травой характерна и естественна для номинаций зеленого цвета, для которого трава является прототипом и составляет основу значения в разных языках (мнение Р. Токарского, А. Вежбицкой, толкование Вежбицкой лексемы *green* см. [7. С. 75]). Лексема *зелье* входит в ряд наименований молодых растений по признаку зеленого цвета, ср. русск. *зелень* ‘трава’ [8. С. 251], *зеленка* ‘трава’ [8. С. 248], серб. *зелењак* ‘зеленая трава’ [9].

Для южнославянских и юго-западнославянских языков характерным является значение съедобного растения, дикорастущего или огородного. В литературных чешском, словенском, болгарском и частично в хорватском языках лексема служит обозначением капусты (чеш. *zelí*, словен., хорв. *zelje*, болг. *зеле*), повсеместно это обозначение распространено в чешских и словенских говорах, в большинстве болгарских (кроме южных), в части хорватских (прилегающих к словенской территории), южных черногорских [10], восточных сербских [9] и некоторых македонских говорах [11. Карта № 13]. В тех областях юго-западного ареала, где у продолжений слова **zельje* нет значения ‘капуста’, а это, главным образом, сербские и македонские говоры, где в этом значении распространены лексемы *кунус* и *зелка*, слово **zельje* может обозначать съедобные дикие и огородные травы, листовые овощи. Для сербского языка наиболее характерно значение ‘щавель’. В диалектах *зелье* встречается как название крапивы [12], лебеды, листовой свеклы, шпината, голубоватого амаранта [13. С. 786], а также зафиксировано как общее название овощей и дикорастущих съедобных трав. Ср. *Преко цијелога дана ни залагаја, а вечеравши тек осольено дивље зелье* (Весь день – ни куска, а на ужин – только соленые дикие травы) (И. Чипико) [13. С. 786]; народ питается *млеком са разним дивљим зельем и листом* (молоком с разными дикими травами и листьями) (С. Вукосавлевич) [13. С. 786]; *кртола и друго зелье имају добар изглед* (у картофеля и других овощей хороший вид) («Глас Црногорца») [13. С. 786]; *пуно свачега на тржишту: круха, меса, зельа (поврталъа)* (много всего на рынке: хлеба, мяса, овощей) (М. Стоянович) [13. С. 786]; *па сам, браћо [...]* *посејао кромпира, пасуља и другога зельа* (я, братья, посадил картофель, фасоль и другие овощи) (Дж. Якшич) [13. С. 786]. Слово сочетание *ливадско (польско) зелье* (букв. ‘луговая, полевая зелень’) указывает на съедобные дикорастущие травы: цикорий, лопух, кислицу, крапиву, лебеду, лук порей, одуванчик, спаржу и пр. В болгарских [14] и македонских [15] говорах лексема используется для названия лебеды, шпината, щавеля, чеснока, лопуха и вообще трав, употребляемых в пищу, ср. макед. *ошла баба до градина, да набери росно зелје да ми месит пресен зелник* (пошла хозяйка в огород набрать свежей зелени, чтобы замесить пресную зеленую питу) [15. С. 432]. Съедобную зелень и овощи слово обозначало и в старославянском языке: *а изнемагаи зелие да ѿтъ* [16. С. 235].

В восточнославянских языках у лексемы наиболее ярко и широко представлено значение дикорастущего травянистого растения. Русск. диал. *зелье* ‘трава, сорняки, бурьян’ [8. С. 253]: *В огороцике осталось зелье выполоть* [17. Пункт 52]; *Картошка сѣлита уся у зялле* [17. Пункт 731]; *Вот трава зелона, ее зельём и кличим* [17. Пункт 440]; укр. литер. *зілля* ‘различные, особенно пахучие травянистые растения’: *Панночки зібрали зілля и пішли довивати віночків на веранду* (Л. Украинка) [18. С. 573], укр. диал. ‘сорняки, трава с тонким стеблем, травянистое растение с листьями, полевые цветы, разнотравье’ [19], бел. литер. *зелле* [20. С. 240] ‘трава, сорняки’. Однако в древнерусском языке слово использовалось для обозначения съедобной зелени и овощей (*бѣ же самъ ѿда хлѣбъ соухъ и зелие варено без масла* [21. С. 970]), это значение изредка фиксируется

в украинских и русских говорах: укр. ‘щавель’ [19. Пункты 171, 495], ‘овощи, огородные культуры’ [19. Пункты 470, 512, 515, 520, 849], ‘капуста’ [19. Пункты 495, 836], русск. ‘зелень (лук, огурцы)’ [17. Пункт 102], ‘свежие овощи и травы, употребляемые в пищу’ [17. Пункты 669, 701, 735, 736], ‘ранняя зелень’, ‘ранние овощи’ [17. Пункт 905], ‘щавель’ [17. Пункт 90], ‘овощи’ [17. Пункт 603], ‘съедобные травы’ [17. Пункт 829].

Польский язык по признаку дикий – культурный в семантике продолженной лексики **zельje* занимает промежуточное положение между южнославянскими и восточнославянскими языками. В польской лексикографии у слова *ziele* отмечается значение ‘однолетнее растение с зеленым стеблем’ и ‘горох’ [22. С. 494], но в современном употреблении слово указывает только на некоторые виды съедобных и лекарственных трав (приправы, укроп, ромашку, подорожник), которые обычно заготавливают на зиму в сушеном виде, с чем связано уст. *zielarz* ‘аптекарь’. Значения сорняка и лекарственной травы лексема выражает в серболужичских говорах [19]. Переходной от южного типа к восточному можно считать и семантическую структуру лексем в сербском языке, где она может обозначать дикорастущую траву с различными свойствами (ср. *Недељом и свеци иђаше он с овима у поље и показиваше зелье што је отровно* – По воскресеньям и праздникам он ходил с ними в поле и показывал ядовитые травы) [13. С. 786] и часто, как и в польском языке, входит в состав народных названий лекарственных и ядовитых растений [13. С. 786].

Значение лекарственного или ядовитого растения – это третий мотив в семантике лексемы, характерный для центральной, о чем было сказано, и в большей степени для восточной Славии. Украинский язык является центром ареала распространения у лексемы значения ‘лекарственное растение’, к которому с запада примыкают польский, серболужицкие и сербский языки. В украинском языке слово в значении лекарственного растения представлено почти повсеместно [19], а также часто обозначает и пахучие травы (денотативная область, близкая к лекарственным и ядовитым растениям). Русский же язык, в основном, демонстрирует значение не лекарственной травы, а лечебного травяного настоя, отвара, то же значение представлено и в белорусском: бел. *варыць зелье, лячыцца зеллем* [20. С. 240]. Значение лекарства слово выражало и в древнерусском языке: *зелье* ‘снадобье из трав’ *обще да буде(т) зелье общему недугу, якоже и зелья лѣчебнаго больныи стомахъ* [23. С. 369]. В современных украинских говорах значение травяного отвара зафиксировано лишь в нескольких пунктах [19], но представлено в литературном языке: *Дай мені якого зілля, щоби тут, отут перестало боліти* (И. Франко) [18. С. 573]. Значение отвара у слова **zельje* и шире – использование лексемы как термина народной медицины представляет собой регулярную метонимию, характерную для разных названий трав, ср. русск. *травя* ‘настой, отвар из некоторых растений’. Более специфической является чисто восточнославянская и преимущественно русская связь лексемы с нанесением вреда человеку и конкретно с колдовством. В русских говорах как название травяного отвара слово обычно указывает на отраву или заговоренный напиток, что отразилось и на литературном значении: *Зелье варят бабки, каторые варажить умеют, ано ядавитым может быть – выпьешь его – так и умереть можно. Напитка этава избегать нужно* [17. Пункт 466]. *Зельем атравить можна любова* [17. Пункт 467]. *Зелье-та у нас как отравя, питье ведьмино* [17. Пункт 522]. *Зелье это отравя из трав когда делают* [17. Пункт 717]. Если ведьма захочет отравить, то *зелье делала* [17. Пункт 954]. *Калдун иво зельем приманил* [17. Пункт 748]. *Зель, он штоп людей травить, да ат ниво умирают* [17. Пункт 433]. Это значение слово выражало в древнерусском языке, встречается оно в украинских и белорусских говорах: укр. *зілле* ‘волшебное зелье’ [24. С. 152], *призилити* ‘приворожить’ (Полесье) [25. С. 258], укр. *зелиничство* ‘знахарство’ [18. С. 369], бел. *зелье* ‘отрава, употребляемая кол-

дунами', *зелить* 'растительным снадобьем наводит слепоту, отнимать рассудок, очаровывать, обольщать': *жиды озелили нас* [26. С. 207].

Приобретение лексемой функции термина народной магии можно считать простым развитием медицинского значения. Однако значение колдовского или ядовитого отвара является частным случаем обозначения в русском языке словом *зелье* всякого несъедобного и подозрительного снадобья. *Что за зель ты мне нашл!* [17. Пункт 7]. Не суп, а *зелье* приготовила [17. Пункт 904]. Эти значения можно рассматривать как вторичные по отношению к *зелье* 'отрава', так и как находящиеся с ним на одной ступени деривации и реализующие негативный потенциал травы и зеленого. По данным «Лексического атласа русских народных говоров», напитки, обозначаемые словом *зелье*, часто имеют горький вкус, подозрительный вид или просто непригодны для употребления внутрь: 'терпкий напиток из полыни', 'горькое питье', 'горький продукт', 'что-то горькое', 'невкусный привкус', 'отвар зеленого или коричневого цвета', 'разновидность плохой самогонки', 'вино (сомнительного свойства)'. *Зелье* – это когда очень невкусно и очень горько [17. Пункт 34]. *Зелье* это наподобие самогона, хреновый самогон [17. Пункт 747]. В сербском и украинском языках лексема может использоваться для негативной оценки продукта, вещи ('бросовый продукт' ← 'трава') [13; 18]. Ср. серб. *зелье* 'табак плохого качества': *ој ли запалити од овог зельа* [12. С. 90]. Близкое значение встречается и в русск. *трава*, когда этим словом называют невкусное, пресное блюдо: *не суп, а трава*.

У русских и украинцев лексема встречается как обозначение спиртных напитков, табака [27. С. 1193; 28. С. 607; 18. С. 573], причем часто с отрицательным эпитетом *погане, бисове, кляте* [18], кофе, чая [28], пороха [27; 28]. Значение 'алкоголь' представлено в шестидесяти пунктах «Лексического атласа русских народных говоров»: *Зелье* – эт прям первый враг у мужиков. Как выпьет и себя не помнит [17. Пункт 713]. У нас есть в сяле такие пьяницы, и семью, и работу потеряли. И кто их только это *зелье* пить заставлял [17. Пункт 714]. У нас *зелье* на праздник пьют [17. Пункт 954]. Следует отметить, что значение 'напиток' может быть производным как от значения 'трава' ('травяной напиток'), так и напрямую от зеленого цвета ('питье зеленого цвета').

Восточнославянское *зелье* в значениях 'сорной травы' и 'плохого напитка' имеет широкий круг негативных оценочных употреблений и метафор. В украинском языке словом *зілля* может быть названа всякая напасть, будь то комары, грызуны или вредители, в том числе люди [18]. В русском от значения 'отравы' производны негативные этические значения: литер. о злом, вредном человеке [27. С. 1193; 28. С. 607], диал. 'злое дело', 'грубый, сердитый человек', 'резкий человек', 'высочка', 'плохой человек', 'беспутный человек', 'зло' [17]. Ну и девчонка – *зелье!* [17. Пункт 828]. Так говорят, когда ково-то ругают, ну и *зелје* же ты говорят [17. Пункт 7]. Если кто кому злое што зделал то назовут *зелье* [17. Пункт 7]. Этот человек – сущее *зельё*, всем вредит [17. Пункт 69]. Ср. укр. *z'il'a* 'недобрый, непорядочный человек', *z'il'a* 'скверный человек' [19. Пункт 501, 474]. Помимо негативных оценок, **zelye* развивает значение 'бойкий' (рус. 'о бойком человеке', укр. 'об энергичной женщине' [18], польск. *ziółko* 'хулиган'). Негативные коннотации русского слова *зелье* отражает и сочетаемость лексемы в составе ботанических названий: *вонючее зелье, жабячы зелье, ведьмино зелье* [8. С. 253–254]. Не исключено народно-этимологическое притяжение *зелье* 'отрава' к гнезду *злой*.

Связь *зелье* со злом может быть как развитием значения дикого, вредоносного в самом слове *зелье*, так и корениться в семантике травы и зеленого, для которых характерен ряд негативных коннотаций. В сербской фразеологии присутствует идея о потенциальной вредоносности диких трав: *Боље знано зелье јести, од питомога (знана) зельа глава (трбух) не боли, јеђи зелье из свога врта, бери зелье покрај себе* – букв. Лучше есть знакомую траву, от культурной (известной)

травы голова (живот) не болит, ешь траву со своего огорода, собирай траву рядом с собой – ‘Только в том человеке, которого ты хорошо знаешь, можно быть уверенным (обычно говорится в связи с женитьбой или замужеством)’ [13. С. 786]. Во всех славянских языках *зеленым* называется бледный, неестественный, болезненный цвет кожи у человека. Зеленый цвет приписывается коже человека в ярости: макед. [29. С. 207], русск. *позеленел от злости*. В восточносербских говорах слово *зеленица* обозначает ‘пасмурную и холодную погоду’: *Наступила е таква зеленица да се све помрзозмо* (наступил такой холод, что все померзло) [9. С. 253], а слово *зеленикакав* выражает общую отрицательную оценку ‘који није никакав, који не постоји’ [9. С. 253]. Сюда же примыкают обозначения в сербском языке корнем *зел-* серого цвета: *зелов* ‘пес серо-зеленой шерсти’, *зекан* ‘лошадь серо-зеленой масти’ [10. С. 126] (о заимствованном характере семантической связи ‘зеленый’ – ‘серый’ см. [30]). Для сравнения отметим, что значения ‘травы’ и ‘отрава’ могут быть связаны и иным образом – как производные от значения ‘гнить’ **traviti* ‘переваривать, потреблять, отравлять’ [31. С. 1526].

При описании семантики лексемы следует сказать о ее отношении к семантически близким словам **trava* и **byľbje*. С уверенностью можно сказать, что слово **zelyje* не употребляется в значении ‘зеленого покрова земли из травянистых растений’, которое свойственно слову **trava*, и общеславянское *лежать на траве* не может быть выражено с помощью слова **zelyje*. В древности **zelyje*, возможно, выполняло функцию родового ботанического термина, типа современного русск. *травянистое дикорастущее растение*, которую оно отчасти сохранило в современных языках, ср. польск. *oj chmielu, chmielu, ty bujny zielu* (ой, хмель, хмель, буйная трава) [32. С. 380]. На юге и западе Славии лексема частично или полностью преобразовалась в сельскохозяйственный термин и стала использоваться как название огородных культур, а на востоке, напротив, стала употребляться как название огородных вредителей – сорняков и специфических трав – пахучих, дурмящих, лекарственных, ядовитых. Значением огородной культуры слово **zelyje* отличается от **byľbje*, которое также обозначает конкретные растения, а не земной покров и тяготеет к выражению значений ‘растение’, ‘сорняк, бурьян’ и ‘лекарственная трава’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.
2. Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2004.
3. Толстая С.М. Многозначность и синонимия в общеславянской перспективе // Южнославянский филолог. Београд, 2006. Књ. LXII.
4. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
5. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1973. Књ. 3.
6. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1976. Вып. 3.
7. Teodorowicz-Hellman E. Zielony i niebieski w języku polskim w porównaniu z grön i blå w szwedzkim // Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne. Warszawa, 2000.
8. Словарь русских народных говоров. Л., 1976. Вып. 11.
9. Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008.
10. Ђунић Д., Ђунић Ж. Речник говора Загараца // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1997. Књ. XLIV.
11. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная / Под ред. А. Ференчиковой и др. Братислава, 2012. Вып. 4. Сельское хозяйство.
12. Гаговић С. Из лексике Пиве (село Безује) // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2004. Књ. LI.
13. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1969. Т. 6.
14. Български етимологичен речник. София, 1971. Т. 1.
15. Речник на македонската народна поезија. Скопје, 1987. Т. 2.
16. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.

17. Лексический атлас русских народных говоров. Архивные материалы.
18. Словник української мови. Київ, 1972. Т. 3.
19. Общеславянский лингвистический атлас. Архивные материалы.
20. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 2002.
21. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1.
22. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1927. Т. VIII.
23. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 2004. Т. 3.
24. *Грінченко Б.* Словарь української мови. Київ, 1996. Т. 2.
25. Етимологічний словник української мови. Київ, 1985. Т. 2.
26. *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
27. Словарь современного русского литературного языка в 17-и томах. М., 1955. Т. 4.
28. Словарь русского языка. М., 1985. Т. 1.
29. Толковен речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005. Т. II.
30. *Ivić M.* O zelenom konju. Novi lingvistički ogledi. Beograd, 1995.
31. *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1987. Т. 20.
32. *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1911. Т. 6.

Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I. СПб., 2013. 280 с.

Рецензируемая монография, как следует из вступительного слова редколлегии, представляет собой переработанные доклады, прозвучавшие на юбилейной конференции в Москве (27–28 октября 2011 г.), а также несколько статей «приглашенных авторов». Тексты очень разнятся по объему, глубине и широте раскрываемых проблем, по своей источниковой базе и т.д. К тому же, часть венгерских текстов, переведенных на русский язык, остались весьма сложными для восприятия. Все вышесказанное отнюдь не мешает дать самую высокую оценку данной публикации. Думаю, для многих российских историков, равно как и для любителей, это монография открыла многие новые страницы истории Венгрии и русско-венгерских отношений. А что еще более важно – заставила задуматься о геополитических реалиях начала XVIII в., провести для себя многие важные параллели и сделать весьма поучительные выводы.

Остро и актуально звучит постановка вопроса, выдвинутая редколлекцией издания, о противоречии между освобождением Венгрии от османского владычества с одной стороны, и ограничением государственного суверенитета – с другой. Именно это противоречие стало поводом к войне (или восстанию) под руководством трансильванского князя Ференца II Ракоци. И именно в этом противоречии заключается трагедия разных подходов к патриотизму, а также к оценке эмиграции, как способа борьбы за национальные интересы.

Ну и конечно важной является попытка заново оценить союз Ракоци и Петра I: что это было – соглашение, в котором «ни одна из сторон не была в состоянии оправдать ожидание другой» (с. 15–16), или пример «прочности и нерушимости дружбы и вза-

имной приязни народов» (с. 4), в чем уверяла советская историография.

Как уже было сказано, в монографии имеются очень разные статьи. Например, эlegantное исследование о токайских винах при царском дворе, написанное Л.В. Мольнаром. Очень любопытным, хотя и камерным, является исследование О.Б. Неменского «Идентичность православного жителя монархии Габсбургов в конце XVII – начале XVIII в. (на примере сочинений Михаила Андреллы)» (единственный недостаток данной работы – большое число самоцитирований). Наоборот, совершенно оригинальным является этюд Ч. Катона «Взаимодействие австро-венгерской и российской дипломатии в связи с перезахоронением Шимона Форгача», основанный на архивных материалах. Последний весьма интересен и с той точки зрения, что в известных исследованиях, посвященных Вишневецкому замку, данная история не находила отражения.

Несколько статей носят явно рефератный характер и не претендуют на серьезный вклад в заявленную тематику. Это относится к очеркам Н.М. Рогожина «Внутриполитическое развитие допетровской России: XVII век» и К.А. Кочегарова «Русско-польские отношения в конце XVII – начале XVIII в.». В частности, в последней в основном идет речь идет о русско-польском противостоянии за Правобережную Украину. При этом автор не пользуется последним исследованием на эту тему (Т.Г. Таирова-Яковлева. «Иван Мазепа и Российская империя. История “предательства”». М., 2011; или более полная версия в переводе: «Иван Мазепа і Російська імперія». Київ, 2014). Кочегаров волен соглашаться или нет с моими выводами, но

так как они основаны на многочисленном архивном материале (на фоне которого две ссылки на фонды РГАДА, сделанные в его статье, кажутся случайными), то как минимум вступить в полемику и сослаться на мою работу он обязан.

Примером интереснейшего, абсолютного оригинального архивного материала, введенного в научный оборот, служит работа Ш. Паппа «Два желанных союзника венгров – два заклятых врага: Освободительная война Ракоци в силовом поле России и Оттоманской порты». В частности, автор использует до сих пор не изданный дневник Я. Папая, посла Ракоци в Стамбуле, относящийся к 1705 г., а также другие многочисленные венгерские и турецкие архивные документы. Эта статья позволяет по-новому взглянуть на политику Оттоманской порты накануне ее вступления в войну, что представляет огромный интерес не только для истории Венгрии, но для истории России.

Очень интересным продолжением исследования русско-турецких отношений (равно как и русско-польских) накануне Прусского похода служит статья Ш. Гебеи «Продолжение борьбы Ференца II Ракоци за свободу в 1710–1711 гг. с помощью России?». Работа также основана на уникальных архивных материалах и, несмотря на ее краткость, вносит новое слово в изучение дипломатии и внешней политики России.

Многие статьи так или иначе затрагивают вопрос политизации и мифологизации фигуры князя Ракоци вообще и его оставшегося на бумаге союза с Петром I в частности. Так в работе К. Месароша «Сатмарский мир 1711 г. и “надежда на русских”» дается широкий обзор историографической традиции оценки сепаратного мира, заключенного Я. Палфи с империей. Автор отмечает, что «за прошедшие триста лет у истории освободительной войны и венчавшего ее мирного договора беспрерывно возникали идеологические и/или сюемиутно-политические проекции» (с. 7). В разные периоды этому способствовали романтизм и национальное пробуждение, революция и освободительная война 1848–1849 гг., марксистская доктрина, навязанная после 1945 г. и пр. В результате Ракоци превратился в одного из героев венгерской революции, а куруцкие лидеры, избравшие компромисс представлялись исключительно предателями (не правда ли, знакомая схема для российской историографии?). Я. Палфи подчеркивает: «Историческая оценка Сатмарского мира долгое время

разделяла, и отчасти по сей день разделяет, с одной стороны, относительно узкий круг ученых-профессионалов и, с другой – куда более многочисленный лагерь тех, кто по политическим или мировоззренческим соображениям проявляет особый интерес к событиям национального прошлого» (с. 6). Объективный анализ Сатмарского мира поднимает весьма актуальный вопрос, имела ли реальная возможность добиться целей, которые ставил перед собой Ракоци, или же он был романтиком-авантюристом, положившим на алтарь своей безумной идеи тысячи жертв? Вопрос, который еще недавно казался кощунственным, теперь активно дискутируется в венгерской историографии.

Яркие примеры идеологизации представлены в статьях Б. Вёрёша «Пропагандистские измышления 1940–1950-х гг. о взаимоотношениях князя Ференца II Ракоци и царя Петра I» и А. Шереш «Неизвестная рукопись Е.В. Тарле о внешней политике Ференца II Ракоци и советская делегация на I Конгрессе венгерских историков 1953 г.». В частности в последней на основе архивных материалов раскрываются дела участия Е.В. Тарле в конференции 1953 г., «когда отношения между СССР и Венгрией [...] носили во многом показной, пропагандистский характер» (с. 249). В докладе Тарле представил Петра I единственно возможным союзником Ракоци, утверждая, что русский царь единственный из европейских государей «своим светлым умом [...] понял хорошо и натуру Ракоци, и его личные качества правителя и человека» (с. 254).

В этом смысле очень показательным является исследование Б. Вёрёша о том, как фальсифицировались отношения Ракоци и Петра I в Венгрии. Началось все как пропаганда, распространявшаяся венгерскими коммунистами среди солдат и военнопленных, сражавшихся на стороне Вермахта. Выступление Ракоци преподносилось как война против «древнего врага венгерского народа» – немца. Наиболее преуспел в этой пропаганде венгерский коммунист-эмигрант писатель Бела Иллеш. Он пошел на прямой вымысел, придумав эпизод о якобы оказанной Петром военной поддержке Ракоци, цитируя при этом псевдоним «русского артиллериста Морозова». Эта фальсификация затем перекочевала в школьные учебники и лекционный курс в Высшей партийной школе Венгрии (прямо как история с «Велесовой книгой»). Б. Вёрёш совершенно справедливо заключает: «История вымысла о связях Ференца

II Ракоци и царя Петра I и в более широком смысле служит отличной демонстрацией того, сколько разнообразных средств может использоваться одновременно при фальсификациях с целью политической пропаганды ради придания вымыслу убедительности, ради эффективности пропагандистских акций» (с. 242).

Справедливости ради следует отметить, что история, как средство пропаганды, использовалась далеко не только в просоветской историографии. И тут яркий пример приводит П. Хатош в статье «Култ, критика и бунт поколения: отклики на книгу Дюлы Секфю “Ракоци в изгнании” (1913)». Автор ярко рассказывает о формировании культа Ракоци, когда его перезахоронение в 1906 г. стало «общевенгерским событием», «в школах вместо уроков по расписанию провели праздник Ракоци, по всей стране зажигали иллюминацию» (с. 214). На фоне ура-патриотической истерии публикация книги молодого венгерского историка Дюлы Секфю вызвала настоящий скандал, а автора обвинили в том, что «втаптывает в грязь национальных героев и идеалы нации». Между тем он просто писал, что борьба мятежного князя привела «к бессмысленной трагедии» и заявлял, что «жизнь и деятельность в изгнании не несут пользу обществу».

Крайняя политизация или эксплуатирование псевдопатриотизма, превраще-

ние Ракоци в мифологизированного героя, равно как и предание абсолютно вымышленного значения русско-венгерскому соглашению – все это долгие столетия не позволяли объективно посмотреть на события венгерского освободительного движения. Между тем, борьба Ракоци была важным пазлом в геополитических реалиях внешней политики и дипломатии Европы конца XVII – начала XVIII в. Многие приведенные в рецензируемой монографии факты позволяют по-новому посмотреть на дипломатическое закулирье, столь важной для истории России Северной войны. Если отказаться от идеологических шаблонов, союз Петра и Ракоци – очень интересный эпизод во внешнеполитических усилиях России найти союзника в борьбе со Швецией, равно как и попытка заместить враждебного С. Лещинского и предавшего Августа II на польском престоле. Не менее интересна роль Ракоци и для оценки политики Османской порты и объяснения ее позднего вступления в войну.

Наконец, рецензируемая монография – прекрасный пример, как профессиональная историческая наука должна отмежевываться от псевдопатриотических мифологий и идеологических штампов, даже если они создавались с самыми благими целями.

© 2015 г. *Т.Г. Таирова-Яковлева*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Floria B.N.</i> (Moscow). Russia and attempts to establish a «new union» with Rzeczpospolita (1678–1681 гг.)	3
<i>Kochegarov K.A.</i> (Moscow). The Old-Russian past in political concepts of the Ukrainian elite of the second half of the seventeenth century	19
<i>Sazonova L.I.</i> (Moscow). «Данный России воеводо и чудотворче предивный»: Sergius of Radonezh in the literature of Moscow Barokko	42
<i>Efimova V.S.</i> (Moscow). Concerning the phenomenon of calques creation in the Old Slavonic.....	53

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Lapteva L.P.</i> (Moscow). Vatroslav (Ignaty) Jagić (1838–1923) in judgements of his Russian contemporaries in the last quarter of the nineteenth and early twentieth centuries	66
<i>Robinson M.A.</i> (Moscow). The role of Aleksei Sobolevsky in organising the work on the Card-index of the dictionary of the Old-Russian language.....	82
<i>Petrukhin V.Ya.</i> (Moscow). Lubor Niederle. To the 150 th anniversary of the birthday.....	94

REPORTS

<i>Lavrenchenko M.L.</i> (Moscow). «Priyateli» of the Russian princes (based on the chronicle-texts from the twelfth century)	96
<i>Svetlova O.V.</i> (Moscow). Book-editing in the seventeenth-century Moscow Print Yard: proof copies and proof editions	109
<i>Yakushkina E.I.</i> (Moscow). Semantic of the lexeme * <i>zēlʹje</i> in Slavic languages	118

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Tairova-Yakovleva T.G.</i> Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I	124
--	-----

Сдано в набор 04.12.2014 Подписано в печать 19.02.2015 Дата выхода в свет 20.03.2015
Формат 70 × 100¹/₁₆ Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 2,0 тыс. Уч.-изд.л. 12,1
Бум.л. 4,0 Тираж 175 экз. Зак. 1012 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен издательством «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6